

ISSN 1817-9568 (Print)
ISSN 2782-6007 (Online)

DISCOURSE-P
Дискурс★Пи

PHILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ

POLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

PAST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

PUBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

PHIOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 20 (1) 2023

IPL INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL BRANCH • 1988

Институт философии и права
Уральского отделения
Российской академии наук

DISCOURSE-P
ДИСКУРС★ПИ

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
DISCOURSE-P
Дискурс★Пи
Екатеринбург – 2023

**«ДИСКУРС-ПИ»
20 (1) 2023
Апрель 2023**

Издание посвящено 300-летию
Российской академии наук

**Научный журнал
Издаётся с 2001 года
Выходит четыре раза в год**

Учредитель:
Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук

Издатель:
Издательский Дом «Дискурс-Пи»
620075, г. Екатеринбург,
ул. Малышева, 76, кв. 8
Тел.: +7 902 870-86-06
e-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-82291 от 10.11.2021 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Дата выхода в свет 29.04.2023 г.
Формат 70x100^{1/16}
Усл. печ. л. 14,3
Тираж 500 экз.
Заказ № 000

Отпечатано в ООО Типография «Гуд Принт»
620033, г. Екатеринбург,
ул. Изоплитная, д. 23Б

Рукописи рецензируются
Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
в редакцию по адресу:**
620108, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, д. 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Все выпуски журнала размещаются на сайте
www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам придерживаться
стилистики научного дискурса**

**Подписной индекс 71227
через Подписное агентство «Урал-Пресс»
(контакты ближайших офисов
на сайте www.ural-press.ru)**

Цена свободная

Статьи распространяются на основе
публичной лицензии Creative Commons

*Российская Академия
Наук*

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Виктор Николаевич Руденко – Институт философии и права УрО РАН, академик РАН, Екатеринбург, Россия

ВЫПУСКАЮЩАЯ РЕДАКЦИЯ

Ольга Русакова – главный выпускающий редактор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дарья Ковба – ответственный секретарь, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Екатерина Грибовод – секретарь-координатор, Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Цинянь Ань – Народный университет Китая, Пекин, КНР

Марина Гаврилова – Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения, Санкт-Петербург, Россия

Лишуан Го – Университет Фудань, Шанхай, КНР

Никита Головкин – Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия

Сергей Зырянов – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Челябинский филиал, Челябинск, Россия

Михаил Ильин – Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Россия

Риккардо Кампа – Ягеллонский университет, Краков, Польша

Евгений Кожемякин – Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия

Андрей Королев – Российское Философское Общество, Москва, Россия

Владимир Лобовиков – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Дмитрий Макаров – Уральская государственная консерватория имени М.П. Мусоргского, Екатеринбург, Россия

Виктор Мартыанов – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Елена Пономарева – Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

Ольга Попова – Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Нелли Романович – Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Воронежской филиал, Воронеж, Россия

Василий Русаков – Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Ариэль Саллех – Университет Нельсона Манделы, Порт-Элизабет, Южно-Африканская Республика

Шон Сэйерс – Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Диоп Тьерно – Университет Шейха Анта Диопа, Дакар, Сенегал

Леонид Фишман – Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия

Лариса Хопёрская – Киргизско-Российский славянский университет, Бишкек, Киргизия

Александр Чумаков – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

06.06.2017 Научный журнал «Дискурс-Пи» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. Актуальный перечень специальностей следующий:

- 5.5.1. История и теория политики (политические науки),
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки),
- 5.5.4. Международные отношения (политические науки),
- 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки),
- 5.7.2. История философии (философские науки),
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)

Журнал индексируется в базе данных системы Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в базу данных «КиберЛенинка»

06.10.2020 Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

**«DISCOURSE-P»
20 (1) 2023
April 2023**

The edition is dedicated to the 300th anniversary
of the Russian Academy of Sciences

**Scientific journal
Published since 2001
Published four times a year**

Founded by
Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Published by
Publishing House «Discourse-P»
Malyshev street, 76, apartment 8
Ekaterinburg, 620075, Russia
Phone: +7 (902) 870-86-06
E-mail: info@discourse-p.ru
http://www.discourse-p.ru

Mass Media Certificate of Registration:
PI № FS77-82291 from November 10, 2021
given by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Telecom, Information Technologies
and Mass Communications

Passed for printing on April 29, 2023
Format 70x100^{1/16}
Reference sheet area 14,3
Issues – 500
Order # 000

Printed by typography «Good Print»
Izoplitnaya street, 23B
Ekaterinburg, 620033, Russia

Manuscripts are reviewed
The requirements for scientific articles
to be published in the «Discourse-P» scientific journal,
are located at the end of the issue

Mailing address of Editorial Office:
Scientific Journal «Discourse-P»
Institute of Philosophy and Law
Sofia Kovalevskaya street 16
Ekaterinburg, 620108, Russia
Phone: +7 (912) 632-96-99
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

**All issues of the journal
are available on the website**
www.madipi.ru

**At a reprint the references to the journal
are obligatory**

**Editorial recommends authors to adhere
to the style of scientific discourse**

**Subscription index 71227
via Subscription agency «Ural-Press»
(contacts of the nearest offices
on www.ural-press.ru)**

Free price

The articles are distributed under
a Creative Commons public license

*Russian Academy
of Sciences*

DISCOURSE-P
ДИСКУРС

EDITOR-IN-CHIEF

Victor Nikolaevich Rudenko – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Academician of RAS, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL TEAM

Olga Rusakova – Commissioning Editor, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Daria Kovba – Executive Secretary, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Catherine Gribovod – Secretary Coordinator, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

EDITORIAL BOARD

Qinian An – University of China, Beijing, China

Marina Gavrilova – St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, St. Petersburg, Russia

Lishuang Guo – Fudan University, Shanghai, China

Nikita Golovko – Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Sergei Zyryanov – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Chelyabinsk, Russia

Michael Ilyin – National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Riccardo Campa – Jagiellonian University, Poland

Eugene Kozhemyakin – Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia

Andrew Korolev – Russian Philosophical Society, Moscow, Russia

Vladimir Lobovikov – Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Dmitry Makarov – Ural State Mussorgsky's Conservatoire, Ekaterinburg, Russia

Victor Martyanov – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Helena Ponomareva – Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Olga Popova – St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Nellie Romanovich – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Voronezh Branch, Voronezh, Russia

Vasiliy Rusakov – Ural Federal University named after the first President of Russia B.N.Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

Ariel Salleh – Nelson Mandela University, Port Elizabeth, Republic of South Africa

Sean Sayers – University of Kent, Canterbury, UK

Diop Thierno – Cheikh Anta Diop University, Dakar, Senegal

Leonid Fishman – Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Larisa Khoperskaya – Kyrgyz-Russian Slavic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Alexander Chumakov – Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

June 6, 2017 the Scientific Journal «Discourse-P» is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals and publications, where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses. The current list of scientific specialties is as follows:

- 5.5.1. History and theory of politics (political sciences),
- 5.5.2. Political institutions, processes and technologies (political sciences),
- 5.5.4. International relations (political sciences),
- 5.7.1. Ontology and theory of knowledge (philosophical sciences),
- 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences),
- 5.7.7. Social and political philosophy (philosophical sciences)

**The journal is abstracted/indexed
in the Russian Science Citation Index (RSCI)**

The journal is included into the «CyberLeninka» database

**October 6, 2020 the journal is included in the European
Reference Index for the Humanities ERIH PLUS**

№ 20 (1)

Тропы метода

Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М.

Особенности формирования мировоззрения
в условиях современной цифровой среды:
анализ академических дискурсов 8

Русакова О.Ф.

К вопросу о понятии «режим политики памяти»:
методологический анализ27

Никандров А.В.

Лингвистика и политика: политические мотивы и цель
«свободной дискуссии по вопросам языкознания» 1950 г.46

Тютченко Д.А.

Постмарксистская философия языка:
в поисках символических оснований власти и эмансипации.....71

Парадигмы и процессы

Пономарева Е.Г., Арляпова Е.С.

Западные Балканы: тренды влияния внешних заинтересованных сторон86

Наумов А.О., Дубинкина К.А.

Роль молодежной организации «Кмара»
в подготовке и осуществлении «революции роз» в Грузии 107

Мошкин С.В.

Уральская республика: «забытые» страницы..... 124

Скобелина Н.А.

Институциональный дизайн современных общественных движений..... 141

Рецензии и рефераты

Седых Т.Н.

Концепция ненасилия Джудит Батлер:
взгляд теоретика феминизма на проблемы борьбы
с насилием в современном обществе..... 155

20(1)

Tropes of Method

Volodenkov, S.V., Fedorchenko, S.N., Pechenkin, N.M.

Peculiarities of Worldview Formation
in the Contemporary Digital Environment:
The Analysis of Academic Discourses 8

Rusakova, O.F.

On The Issue of the Concept of “Regime of Memory Politics”:
Methodological Analysis 27

Nikandrov, A.V.

Linguistics and Politics: Political Motives and Purpose
of “Free Discussion on Problems of Linguistics” of 1950 46

Tyutchenko, D.A.

Post-Marxist Philosophy of Language:
In Search of Symbolic Basis of Power and Emancipation 71

Paradigms and Processes

Ponomareva, E.G., Arlyapova, E.S.

Western Balkans: Influence Trends of External Stakeholders 86

Naumov, A.O., Dubinkina, K.A.

The Role of the Kmara Youth Organization
in the Preparation and Implementation of Georgia’s Rose Revolution 107

Moshkin, S.V.

The Ural Republic: “Forgotten” Pages 124

Skobelina, N.A.

The Institutional Design of Modern Social Movements 141

Reviews and Abstracts

Sedykh, T.N.

Judith Butler’s Concept of Nonviolence:
the View of the Feminist Theorist on the Issues of Combating
Violence in Modern Society 155

УДК 321.6/.8

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_1_8

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ: АНАЛИЗ АКАДЕМИЧЕСКИХ ДИСКУРСОВ*

Сергей Владимирович Володенков,

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
s.v.cyber@gmail.com

Сергей Николаевич Федорченко,

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
s.n.fedorchenko@mail.ru

Николай Михайлович Печенкин,

Государственный академический университет гуманитарных наук,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия,
nick_pechyonkin@mail.ru

* Исследование выполнено в рамках проекта «FZNF-2022-0001 – Возможности и особенности формирования мировоззрения в цифровой среде» при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

© Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М., 2023

Статья поступила в редакцию 11.10.2022, принята к публикации 07.03.2023

Для цитирования: Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Особенности формирования мировоззрения в условиях современной цифровой среды: анализ академических дискурсов // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 1. С. 8–26. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_8

Аннотация

Статья посвящена выявлению и изучению особенностей процессов формирования мировоззрения в условиях развития современного цифрового пространства, для чего проведен анализ существующих по данной проблеме дискурсов в академической среде. Интенсивное развитие глобальной и национальной цифровой инфраструктуры и соответствующих технологий цифровой коммуникации, «погружение» современного человека в цифровую среду выступают, по мнению авторов, значимым фактором формирования и трансформации существующих мировоззренческих систем. Это связано в первую очередь с коммуникационными основами конструирования мировоззренческих компонентов, в силу чего трансформации в коммуникативной среде неизбежным образом приводят к изменениям структуры и содержания моделей мировоззрения в целом. Для достижения поставленной цели в ходе исследования применялся дискурс-анализ академических публикаций, разделенных на три основных направления: скептический, алармистский, прогрессистский. Авторы приходят к выводу о неоднозначности существующих подходов к пониманию сложных и многомерных процессов влияния цифровых коммуникаций на мировоззренческие системы. При этом потенциал влияния цифровой среды и цифровых коммуникационных технологий на содержательные и структурные аспекты мировоззренческих комплексов подавляющим большинством ученых определяется как существенный, вне зависимости от того, какого рода и характера влияние ими постулируется. Не менее значимыми представляются связанные с подобным влиянием возможности, а также риски, угрозы и вызовы в отношении трансформации систем мировоззрения, что позволяет сделать вывод об актуальности политологических исследований в данной сфере.

Ключевые слова:

мировоззрение, цифровая среда, технологические трансформации, цифровые коммуникации, ценностные коды, академический дискурс.

PECULIARITIES OF WORLDVIEW FORMATION IN THE CONTEMPORARY DIGITAL ENVIRONMENT: THE ANALYSIS OF ACADEMIC DISCOURSES**

Sergey V. Volodenkov,

State Academic University for the Humanities,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
s.v.cyber@gmail.com

Sergey N. Fedorchenko,

State Academic University for the Humanities,
National Research Nuclear University MEPhI,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
s.n.fedorchenko@mail.ru

Nikolai M. Pechenkin,

State Academic University for the Humanities,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia,
nick_pechyonkin@mail.ru

Article received on October 11, 2022, accepted on March 7, 2023

For citation: Volodenkov, S.V., Fedorchenko, S.N., Pechenkin, N.M. (2023). Peculiarities of Worldview Formation in the Contemporary Digital Environment: The Analysis of Academic Discourses. *Discourse-P*, 20(1), 8-26. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_8

Abstract

This article aims to identify and study the features of the processes of forming a worldview in the current conditions of the development of modern digital space. To do this, the authors analyze the existing discourses on this issue in the academic environment. The intensive development of global and national digital infrastructure and relevant digital communication technologies, and the “immersion” of modern people in the digital

** The study was carried out within the framework of the project “FZNF-2022-0001 – Opportunities and features of the formation of a worldview in the digital environment” with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research.

environment are, according to the authors, significant factors influencing the processes of formation and transformation of existing worldview systems. This is primarily due to the communication foundations of the construction of worldview components by virtue of what transformations in the communicative environment inevitably lead to changes in the structure and content of worldview models as a whole. To achieve the research aim, the authors use a discourse analysis of academic publications classified by 3 main lines as skeptical, alarmist and progressive. It is concluded that the existing approaches to understanding the complex and multidimensional processes of the influence of digital communications on worldview systems are ambiguous. Simultaneously, the very potential of the influence of the digital environment and digital communication technologies on the content and structural aspects of worldview complexes is defined by most scientists as significant, regardless of what kind and nature of influence they postulate. No less significant are the opportunities associated with such an influence, as well as risks, threats, and challenges in relation to the transformation of worldview systems. It allows us to conclude that political science research in this area is highly relevant.

Keywords:

worldview, digital environment, technology transformations, digital communications, value codes, academic discourse.

Введение

Проблема формирования мировоззренческих смыслов в условиях масштабных цифровых трансформаций представляется чрезвычайно актуальной и в то же время дискуссионной. Очевидно, что уровень академической дискуссионности повышает сама специфичность двух сфер – мировоззренческой и цифровой, а также недостаточная теоретическая проработанность и эмпирическая обоснованность их взаимосвязи. Поэтому так важно оттолкнуться от терминологического аспекта данного вопроса.

Итак, что же такое мировоззрение? Как правило, мировоззрение означает систему идеалов человека, влияющих на его понимание того, почему мир является таким, какой он есть, каким он должен стать. Такая система идеалов способна влиять на выбор целей и мотивов в социальной, экономической и политической деятельности человека.

Мировоззрение как система идеалов человека, благодаря которой он осмысливает происходящее в мире, состоит из компонентов – ценностных кодов – символов, убеждений, устойчивых архетипов, образов, стереотипов, мифов. Признавая сложные сочетания таких кодов в культуре каждой страны, следует отметить их частую воспроизводимость в бинарном диапазоне «свое – чужое», «хорошее – плохое», «истинное – ложное» и т.п. Композиции из этих ценностных кодов способны поддерживать политическую, светскую, научную или же религиозную сущность мировоззрения. Сильно связано с ценностными кодами развитие массового сознания.

К созданию и сохранению таких ценностных кодов вне цифровой среды прямое отношение имеют семья, государство, школа, университет, партии,

массмедиа, крупные корпорации, церковь и духовные лидеры, политические лидеры, представители поп-культуры и т. д. Результатом влияния этих акторов являются механизмы социализации и идентификации, а также определенные идентичности – индивидуальные, конкретных индивидов, либо коллективные, консолидирующие социальные группы или целую страну. До появления цифрового пространства перечисленные акторы играли исключительную роль в выстраивании мировоззренческого обоснования существующего общественного устройства и политического порядка.

С конца XX столетия к механизмам конструирования мировоззренческих смыслов подключается цифровая среда, включающая, во-первых, цифровые коммуникации (порталы, сообщества социальных сетей, блоги, форумы, видеохостинги), во-вторых, «сквозные» цифровые технологии (алгоритмы, искусственный интеллект, нейросети, интернет вещей, блокчейн). Довольно часто дискурс о цифровой среде касается сетевых средств массовой информации или новых медиа.

Цифровая среда является закономерным продолжением физического мира человека, где приемы формирования мировоззрения для обоснования и закрепления социально-политического контроля все больше переплетаются, переходя на алгоритмический уровень. Цифра с древнейших времен выполняла функцию учета, а следовательно, и контроля. Но и алгоритмы как набор определенных правил, предписанный шаблон пошаговых действий, по сути, изначально обладали социально-культурной природой. Те же ритуалы поддерживали мировоззренческие картины, сохраняя в своей сути алгоритм. Вполне вероятно, что с записей писцов храмовых ритуалов Древней Месопотамии и Египта можно говорить о возникновении целой культуры контроля. Цифровое пространство как новая площадка лишь предоставила уникальные условия для ансамблирования самых разных приемов влияния на мировоззрение человека с целью контролирования его социально-политического и экономического поведения.

Отличием цифровой среды от традиционной, доцифровой, стало то, что прежнюю монополию по контролированию коммуникационных потоков у государства стали оспаривать технологические корпорации, вкладывающиеся в разработку алгоритмов цифровых коммуникаций и технологий. Активными соперниками прежних акторов (государства, семьи, партий, школы, духовных и политических лидеров) в борьбе за формирование мировоззренческих смыслов стали инфлюэнсеры – влогеры и блогеры. Перечисленные черты определили цель настоящего исследования – анализ основных академических дискурсов по вопросу формирования мировоззрения в условиях цифровой среды.

Исходя из таких особенностей, в качестве основной рабочей методологической оптики было принято решение обратиться к дискурс-анализу мнений представителей академической среды, чтобы ответить на следующие вопросы: влияет ли цифровая среда на формирование мировоззрения или является нейтральной при генерации ценностей; можно ли говорить о мировоззренческих рисках цифрового пространства; какие возможности дают цифровые технологии для формирования мировоззренческих картин? Для ответа на эти вопросы все академические дискурсы по данной проблеме были условно разделены на три направления: скептическое, алармистское и прогрессистское. Такое разделение связано с ключевым отношением групп ученых к сути проблемы.

Скептики: дискурс о нейтральности цифровой среды для мировоззрения

Красной нитью дискурса скептиков является понимание цифровых медиа и цифровой среды как некоего продолжения традиционной, доцифровой, реальности, принципиально не меняющего ценности человека. Начало дискурса скептиков среди академических кругов можно условно отсчитывать с электоральных исследований П. Лазарсфельда, которые показали, что медиа не являются решающим фактором при политическом выборе избирателей, лишь укрепляя их в уже существующей позиции. Альтернативные доводы, мнения, доносимые медиа, отвергаются (Лазарсфельд и др., 2018, с. 97–105, 145).

Вклад в скептический дискурс сделали опубликованные во второй половине XX в. эссе немецкого специалиста по медиа Г.М. Энциенсбергера «Индустрия сознания» и «Элементы теории медиа». Ученый хоть и признавал сетевые особенности новых медиа, их темпоральную зацикленность на настоящем времени, текущем моменте, но отмечал, что истоки сознания находятся вне всякой индустрии. Индустрия сознания, включая те же новые медиа, может лишь воспроизводить сознание, в том числе и ложное, источником которого всегда остается диалог индивидов (Энциенсбергер, 2016).

Усилил скептическую позицию тезис Дж. Клаппера об «ограниченном воздействии» медиа. По его мнению, аудитория не является пассивным объектом манипуляций со стороны медиа, наоборот, аудитория может использовать их, исходя из собственных интересов (Klarner, 1960). При этом критики такого подхода отмечают, что тезис об «ограниченном воздействии» игнорирует и не объясняет долговременного взаимодействия медиа с существующей социальной системой (Дзоло, 2010, с. 270).

Экономисты М. Генцкоу и Дж. Шапиро вообще придерживаются предположения о слабой сегрегации социальных сетей по идеологическому признаку. Причину они видят в увлечении интернет-пользователей текущими и яркими новостями. Они полагают, что пользователи перемешиваются – посещают несколько ресурсов, в том числе одни и те же. Ученые провели «мысленный эксперимент», предположив, что появление неонацистского портала не произойдет из-за скромной по числу неонацистской аудитории (Gentzkow & Shapiro, 2011).

Доктор философии и бывший аналитик корпорации Google С. Стивенс-Давидовиц, отталкиваясь от идей Генцкоу и Шапиро, выдвинул гипотезу о «нулевой политической сегрегации». По его мнению, современные интернет-коммуникации являются для индивидов лишь нейтральным медиумом, где нет определенного деления на разные политизированные сообщества. Причиной «нулевой политической сегрегации» выступают два фактора: во-первых, в сетевые сообщества поступает готовая информация с новостных сайтов, ориентирующих ее на широкие массы, а не на конкретные политизированные группы; во-вторых, часто случается так, что интернет-пользователи с одной политической позицией знакомятся с ресурсами, где доминируют прямо противоположные политические ценности и мнения (Стивенс-Давидовиц, 2018, с. 176–181). Однако исследователь почему-то опускает тот момент, что новостные агентства все же могут быть политизированными и рассчитанными на аудиторию с определенным мировоззрением (достаточно вспомнить ауди-

торию республиканцев и консервативно настроенный американский информационный канал *Fox News*, а также сайты канадских газет, сочувствующих Либеральной или Консервативной партии). Также Стивенс-Давидовиц в своей аргументации не рассматривает случай сетевых сообществ, изначально создаваемых под политические задачи.

Примечательно, что приверженцы тезиса о нейтральности не критикуют посредническую функцию технологий в переносе ценностей и признают их роль во влиянии на поведение людей, но обычно не соглашаются с наделением технологических артефактов изначально моральным, ценностным содержанием. Активной стороной признается не технологическая среда, а ее разработчики и дизайнеры. Подобный тезис о «слабой нейтральности» технологической среды аргументируют в своей статье М. Петерсон и Э. Спэн (Peterson & Spahn, 2011), споря с П.-П. Вербеком, обосновывающим идею «интерактивной моральной активности» технологических артефактов, которая обусловлена тем, что люди и технологии уже существуют в тесном единстве, а онтологическое различие между субъектом и объектом исчезает. Петерсон и Спэн считают такие идеи недостаточно обоснованными.

Группу ученых из Оксфордского университета (Fletcher et al., 2021) тоже можно вполне отнести к скептическому дискурсу. Они подвергают сомнению эффект эхо-камер, который часто рассматривается через призму конструирования гомогенной ценностной среды в условиях сообществ социальных сетей. На основе исследования семи стран – Австрии, Дании, Германии, Норвегии, Испании, Великобритании и США – авторы обнаружили, что в них, за исключением американского случая, лишь меньшинство респондентов существуют в условиях ценностно однородных эхо-камер. Выяснилось, что опрошенные получали новости не только из онлайн-источников.

Некоторые авторы (Крайнов, 2021) убеждены, что цифровая среда создает о себе множество мифов, хотя развивается, по их мнению, не так стремительно. Среди наиболее популярных цифровых мифов периода пандемии исследователи, к примеру, выделяют заблуждения о трансформации человека в биоробота после вакцинации, страхи о подключении чипированных пациентов к некоему глобальному «квантовому улью», подозрения о распылении «умной пыли» (самоорганизующихся микроскопических роботов, которых можно проглотить или выпить с водой) и т. д. Поэтому есть опасения, что подобные мифы усиливают и без того неравномерный, фрагментарный характер цифровизации социально-политической жизни, проявляясь в рудиментарном недоверии граждан к нейросетям, алгоритмам и интеллектуальным системам, принципы которых они не могут объяснить в силу отсутствия элементарного технического просвещения.

К скептическому «лагерю» можно отнести и известного исследователя цифровых медиа Л. Мановича. Он, конечно, признает, что цифровые медиа обладают уникальными особенностями, отличными от традиционных, – цифровой репрезентацией, автоматизацией, транскодингом, вариативностью, модульностью и зависимостью от программного обеспечения (софта), но, подробно разбирая феномен культурного интерфейса (компьютерной репрезентации культурных артефактов), подчеркивает, что его язык происходит от уже известных культурных форм. Текст превращается в гипертекст, расширяя возмож-

ности пользователя, а прямоугольная репрезентация культурного интерфейса в компьютерах, гаджетах вообще сохраняется с формы прямоугольной рамки картин художников эпохи Возрождения (Манович, 2018, с. 108–119).

Алармисты: дискурс о мировоззренческих рисках цифрового пространства

Дискурсивное направление, признающее факт технологического воздействия на ценности через ракурс мировоззренческих рисков и угроз, можно условно определить как алармистское. Социолог С. Лэш описывает сдвиг от видимой гегемонии к скрытой постгегемонии, при которой властные отношения возникают в самом повседневном коммуникационном процессе, использующем интерфейсы, связанные протоколами. В основе такой постгегемонистской власти – алгоритмы как новые регулятивные правила, широко распространяющиеся в нашей культурной и социальной жизни и делающие взаимодействие людей возможным (Lash, 2007, pp. 55–78). Идеи Лэша разделяет ученый Йоркского университета Д. Биар. Кстати, при такой постгегемонистской алгоритмизированной власти ученые (Кузнецов, 2020) поднимают и этические проблемы непрозрачности, неконтролируемости алгоритмов, нейросетей даже для разработчиков (достаточно вспомнить казус с системой *Google Photos*, когда алгоритмы относили чернокожих людей к гориллам).

С. Лэш, к сожалению, дальше не развивает свою идею «власти через алгоритм». Зато к мировоззренческим рискам цифрового пространства обращается Дж. Чейни-Липпольд, предлагая дефиницию «новой алгоритмической идентичности», которая выявляется из анонимных пользователей благодаря алгоритмам (Cheney-Lippold, 2011). И хотя пользователь может выбрать, к примеру, какие данные указывать о себе на цифровой платформе, он все равно может быть ограничен определенным числом вариантов, что влияет и на культурный дискурс, и даже на идентификацию индивида. Такие корректировки обусловлены маркетинговыми исследованиями, проводимыми корпорациями, заинтересованными в получении прибыли. Однако возникает вопрос, через какой механизм цифровая среда способна осуществлять корректировку мировоззрения или же формировать целые идентичности? И здесь логично обратиться к особенности дискурса об эхо-камерах.

Существуют ученые, которые не соглашаются со скептической оценкой влияния эхо-камер на ценности, идеалы человека. Исследования Ш. П. ван Валкенбурга из Калифорнийского университета в Санта-Барбаре (Valkenburgh, 2019) показали, что на платформе *Reddit* существуют сетевые сообщества, где именно в условиях эхо-камер могут формироваться и доминировать довольно агрессивные виды мировоззрения. Валкенбург фиксирует такое мировоззрение на примере маносферы сообществ *Reddit* – мужских сетевых групп, в которых в основном активна женоненавистническая риторика. Из-за анонимности сообщества радикализируют мировоззрение маносферы. В них в марксистской логике к женщинам предъявляются различного плана претензии: «женщины как капиталисты», «брак как феодализм», «женщина для мужчины – это как правительство для капитализма», «мужское сетевое сообщество создано для соблазнения, что оправдано революционной

логикой». При этом особенности сообществ *Reddit* предоставляют возможность модераторам курировать идейные тексты, размещать их на видном и доступном месте, консолидируя группу вокруг ее идеологического ядра.

Вполне возможно, что отчасти эффекту эхо-камер способствует, во-первых, заинтересованность цифровых корпораций в развитии собственных платформ в виде закрытых приложений из зависимой сетевой инфраструктуры (о чем пишет Н. Срничек), во-вторых, проведение технологическими гигантами экспериментов в сфере поведенческой инженерии (на основе работ Б. Ф. Скиннера и А. Пентленда). Ш. Зубофф как раз указывает на специфику создаваемых цифровыми платформами ульев (Зубофф, 2022, с. 588, 594, 600): происходит беспрецедентное усиление социального сравнения (зеркала) в коммуникации; фиксируется «инфляция профиля» – вместо стабильной идентичности распространяются идентичности-хамелеоны, постоянно подстраивающиеся под внешние ценности, идеи, интересы и мнения (этот тезис пересекается с моделью Дж. Чейни-Липпольда); «лайки» становятся механизмом оценки такой идентичности-хамелеона. Немецкий автор Л. Ульбрехт усматривает проблему в автоматизированных техниках *demos scraping* по сбору данных о пользователях (Ulbricht, 2020), которые создают риски распространения граждан с потребительно ориентированным мировоззрением, скептически относящихся к своей политической ответственности. Между тем слабой стороной алармистских трактовок, которые предлагают Лэш, Зубофф, Ульбрехт, Чейни-Липпольд и др., видится их излишняя концентрированность на негативных трендах цифровой сферы. В них не хватает конкретных рекомендаций по купированию цифровых рисков, угроз для имеющих мировоззренческих картин.

Процесс формирования мировоззрения нельзя оторвать от ощущения исторического хода времени, темпорального режима, принятого в конкретном обществе. Но усовершенствование прогнозных техник и предиктивной аналитики, согласно предположению австрийского ученого А. Аванесяна, как раз создает организованные алгоритмами сложно-темпоральные социумы. Политическая власть, пользуясь этими технологиями, переходит к режиму премедиаии с установкой не на настоящее, а на упреждение будущей угрозы (Аванесян, 2021, с. 21–24, 59). Цифровая среда способствует внедрению новой темпоральности – рекурсивной интеграции будущего в настоящее. Такая «сквозная» технология, как блокчейн, по мнению А. Евангели, преобразует в архив любую транзакцию и распыляет традиционные формы коллективного времени. Возникают новые иммерсивные архивы, организующие через алгоритмы само прошлое исходя из цифровой логики больших баз данных (Евангели, 2019, с. 68, 86, 188). Иммерсивный архив посредством блокчейн претендует на производство исторической информации наподобие любого другого продукта капитализма. Экосистемы данных составляют хроноценозы – сочетание разных темпоральностей. История перестает быть устойчивой, инструментализуется и становится вариативной, спекулятивной (такие тезисы вполне соотносятся с известной концепцией постправды).

В. Д. Емельяненко полагает, что негативные проявления Интернета в основном представляют риски для того человека, который является неразвитым в мировоззренческом отношении. Ученый объясняет это тем, что интернет-пространство своей спецификой изменяет коммуникационные

основы мировоззрения: происходит упрощение общения; замедляется нравственная социализация подрастающего поколения, снижается адекватность их морального выбора; растущая скорость информации меняет прежние ритмы осмысливания контента в ценностном, политическом плане, индивид физически не успевает переработать полученные идеи из цифровой среды, адаптировав их под свои идеалы и принципы (Емельяненко, 2013).

Почетный профессор Сорбонны Ж.-М. Бенье в своей работе (Besnier, 2013) обращает внимание на еще более фатальную угрозу: конвергенция технологий порождают неумеренность и формирует не просто новое мировоззрение, а утопии цифровой эпохи, что отчетливо видно на примере идей трансгуманизма – уверенности группы людей в неперменном приходе доселе неизвестного вида вместо человека – постчеловека и постчеловечества, технологически усовершенствованного и не ограниченного возможностями привычного тела. Другими словами, в цифровых утопиях заложен серьезный риск отхода от человеческой природы.

Сохраняющуюся популярность алармистского тренда в академических кругах можно отчасти объяснить тем, что некоторые зарубежные и российские ученые фактически продолжили давнюю традицию¹ обсуждения проблематики «индустрии образов», манипулятивных технологий пропаганды, сместив исследовательский фокус с изучения газет, журналов, радио, книгоиздательств, кинофильмов, телевидения на анализ подобных или схожих практик в «сквозных технологиях» (искусственного интеллекта, алгоритмов, нейросетей, интернета вещей, метавселенных) и новых медиа (сообществ социальных сетей, блогов, видеохостингов, форумов).

Любопытно, что тематика постепенной адаптации капитализма к новым социальным и технологическим условиям также перешла из научных работ прошлого века о манипуляциях в нынешний алармистский дискурс и, по сути, обладает функциями объяснительной модели. Оценивая алармистский подход с критических позиций, следует отметить серьезный крен в сторону экономоцентризма, стремление интерпретировать мировоззренческие последствия технологических трансформаций, исходя из эволюции самого капитализма. Практически не предпринимается анализ ценностей и мировоззренческих предпочтений самих акторов нового капитализма – цифровых корпораций и их владельцев (при этом в свое время интересная интеллектуальная провокация была предложена М. Вебером, попытавшимся изучить аксиологическую составляющую капитализма через ракурс эволюции протестантизма). Хотя появляются и любопытные работы, подходящие к проблеме с другой стороны.

¹ Так, представители Франкфуртской школы М. Хоркхаймер и Т. Адорно в своем известном эссе «Культурная индустрия. Просвещение как способ обмана масс», входящем в «Диалектику просвещения», как раз акцентировали внимание на формировании массы – потребителя культурной индустрии и объекта манипулирования. Аспекты монополизма средств массмедиа, телерейтингов, влияния рекламодателей, развлекательных программ, псевдособытий, длительной трансляции стереотипов, «упаковки» и «продажи» политических имиджей детально проанализировал на конкретных примерах советский автор Н. П. Попов в своей книге «Индустрия образов: Идеологические функции средств массовой информации в США».

К примеру, российский ученый В. П. Пугачев, отталкиваясь от гипотезы тоталитарной мутации, перерождения капитализма, пишет о появлении особого типа демототалитарных государств, сочетающих признаки слабеющей демократии и нарастающего тоталитаризма. Власть в таких условиях для управления массовым сознанием обращается к средствам цифровой среды – социальным сетям, формирующим «калейдоскопическое мировоззрение» (нестабильный тип мировоззрения как результат регулярного информационного давления на человека разрозненных, не связанных друг с другом событий). Спецификой такого мировоззрения, воспроизводимого через Интернет, является ценностный релятивизм, а также зависимость от постоянно генерируемых новых мифов (Пугачев, 2022, с. 16, 85–107).

Конечно, мифы (например, архаичные) и раньше участвовали в зарождении и поддержании мировоззренческих картин, однако они формировались во многом стихийно. Отличительной же особенностью цифровой среды становится возможности ее интернет-коммуникаций по трансляции новых мифов: с одной стороны, есть массовый охват совершенно разных аудиторий, с другой – благодаря приемам *Big Data* и искусственного интеллекта существует точечное, таргетированное донесение конкретной мифологемы до конкретной социальной группы. В. П. Пугачев считает, что масштабная мифологизация массового сознания посредством интернет-коммуникаций оборачивается снижением уровня критического мышления человека. Радикальные изменения, пришедшие с новыми медиа, способствуют массовому конформизму (закладывают «социальный механизм производства массовой политической апатии»).

Другой слабой чертой алармистских работ можно обозначить их склонность к излишней драматизации мировоззренческих последствий внедрения искусственного интеллекта и других «сквозных технологий». Выявление негативных трендов и закономерностей стратегически необходимо для общества, государства и человека, но в современной академической сфере важно уходить от конспирологических трактовок и оценок.

Прогрессисты: дискурс о возможностях цифровой среды для мировоззрения

Исследователей, занимающих позицию, согласно которой даже при всей неоднозначности и противоречивости развития цифровой среды и цифрового капитализма можно рассчитывать на мировоззренческий прогресс, резонно условно отнести к прогрессистам. Как правило, эти ученые принципиально не согласны с представителями скептического дискурса, не верящими в возможности влияния цифровых технологий на мировоззренческую картину. Прогрессисты не всегда отрицают дискурс алармистов, но в отличие от них усматривают в цифровых медиа не только разрушительную, деструктивную роль. Их дискурс принципиально интересен тем, что в нем бывает полезно обнаружить разного плана рекомендации и предложения для использования технологий с целью неких позитивных социально-политических изменений.

Основатель Школы гипермедиа Университета Вестминстера Р. Барбрук в своей работе «Интернет-революция» не просто критикует мифы о свободном рынке и индивидуалистическую калифорнийскую идеологию «цифровых ре-

месленников», но и полагает, что развитие информационных технологий уже способствует коллективным формам поведения, экономике дарения (свободный файлообмен, обмен идеями в Интернете), а следовательно, приведет к становлению мировоззрения киберкоммунизма (Барбрук, 2015, с. 46, 100–108).

Р. Барбрук совсем не одинок в подобных оценках. Финский автор П. Химанен, отталкиваясь от ряда идей М. Кастельса и обращаясь к специфическому мировоззрению хакеров, полагает, что принципы их сетевой этики (регулярный обмен информацией, среда постоянного обучения друг друга) приведут к построению совершенно новой – открытой – социальной модели (Химанен, 2019, с. 96–97).

Присутствие в академическом дискурсе такой прогрессистской позиции можно связать и с концепцией «эпистемологических сдвигов мировоззрения», отталкивающейся от деления человеческой истории на три эпистемологических периода – домодернистский, модернистский и постмодернистский. Так, Р. Фрэнч (French, 2016) объясняет мировоззренческие сдвиги различными технологическими трансформациями (к примеру, последний постмодернистский сдвиг проявляется в недоверии к прежним авторитетам, участвующим в формировании мировоззренческих картин, – ученым, политикам, государственным деятелям, и был, по сути, спровоцирован развитием радио, телевидения и Интернета).

Большое значение зарубежные авторы уделяют развитию демократических ценностей и практик. Часто в основе такой романтизированной уверенности в то, что технологии позитивно повлияют на общество и государство, идеалы их граждан, находится технополитический подход, согласно которому демократия – это некий постоянный процесс, имеющий хорошие перспективы на цифровых платформах с открытым исходным кодом, понятным гражданам (Kellner, 1999). Естественно, такой подход необходимо сопоставлять с противоположными оценками со стороны алармистов, не упуская из виду их грамотный и глубокий анализ рисков капитализма платформ. На таких позициях, например, находится профессор Университета Лидса С. Коулман. Его модель «замедления демократии» исходит из того тезиса, что цифровые платформы могут усовершенствовать существующие демократические институты, если их интерфейс позволит гражданам знакомиться с итогами голосования, комментировать стенограммы парламента, создавать собственные новостные ленты (Коулман, 2018, с. 90–107). Но самые важные тезисы Коулмана касаются проблемы демократических компетенций, к которым он относит способность «осмыслить политическое», «быть открытым к обмену аргументами», «восприниматься значимым», «внести значимый вклад». Такие проекты, действительно, имеются: платформа *TheyWorkForYou*, программное обеспечение от некоммерческой организации *mySociety* и др.

Австралийский исследователь С. Маккуайр, вовсе не отрицающий доводы последовательных алармистов об угрозах и рисках цифровой среды, предлагает изучать функционал технологий, дающих потенциал для новых способов коллективного восприятия событий, в том числе и политических (Маккуайр, 2018). При этом он пишет, что современное социальное взаимодействие, по сути, уже социотехническое. По мнению Маккуайра, если технологическая новация создает условия для коллективных действий, то могут поменяться и процедуры

социального взаимодействия. Изучая публичные экраны в городах, ученый пришел к выводу, что они задают новые протоколы культурного обмена, сочетающие элементы игры и формирующие чувство эмоциональной близости между совершенно незнакомыми людьми (с. 194–199, 212). Также Маккуайр приводит примеры таких цифровых артефактов, как медиафасады, которые обладают потенциалами научения граждан демократическим ценностям.

Стратегическую значимость в академическом дискурсе приобретает тезис о конструировании национальных метавселенных, сохраняющих ценности страны, ее общества. В связи с этим отечественные авторы А. В. Савченко и А. П. Сегал отмечают, что тот актер, который контролирует виртуальное пространство, контролирует также культурный дискурс и смыслы. Поэтому для России так важно конструировать собственный сегмент цифрового пространства – цифровой суверенитет и культурный суверенитет смогут поддерживать друг друга: «Или мы достаточно полно и качественно сделаем это у себя, привлекая пользователей со всего мира, или наша молодежь, словно за дудочкой гамельнского крысолова, уйдет за всем этим в чужие секторы метаверса» (Савченко, Сегал, 2021).

И все же необходимо указать на определенную уязвимость прогрессистского подхода. Так, излишне идеализированные представления о том, что Интернет, цифровая сфера обязательно приводят к демократизации и торжеству демократических ценностей (пресловутая доктрина *Google*), отдельные авторы расценивают как несостоятельные и считают киберутопизмом. Обращает на себя внимание и тот факт, что даже подходы в США к самой идее свободного Интернета диаметрально полярные: если американские дипломаты эту идею поддерживают и превозносят за границу, то американские спецслужбы и правоохранительные органы, напротив, придерживаются иного видения (Морозов, 2014, с. 31, 94–102, 275). Конфигурация же интернет-коммуникаций больше благоприятствует развлечениям, деполитизирующей сетевой дискурс поп-культуре, чем повышению политической грамотности.

Выводы

По итогам проведенного анализа академических дискурсов мы можем констатировать неоднозначность позиций современных ученых по отношению к роли и особенностям воздействия на мировоззрение процессов, связанных с цифровыми технологическими трансформациями в коммуникационной сфере.

В первую очередь, по нашему мнению, данное обстоятельство связано со сложностью, комплексностью и многомерностью самого феномена мировоззрения, чьи компоненты формируются и трансформируются на основе множества влияющих друг на друга факторов, с трудом поддающихся фиксации в динамике.

Одновременно с этим, несмотря на различия и даже противоречия выделенных нами подходов к пониманию и решению данного исследовательского вопроса, следует заметить, что сам потенциал влияния цифровой среды и цифровых коммуникационных технологий на содержательные и структурные аспекты мировоззренческих комплексов подавляющим большинством ученых

определяется как существенный, вне зависимости от того, какого рода и характера влияние ими постулируется.

Не менее значимыми выступают и связанные с проблемой влияния цифровой среды на мировоззренческие конструкты риски, угрозы, вызовы и возможности, комплекс которых в своей совокупности хотя и не позволяет сформулировать однозначный сценарий трансформации мировоззрения в цифровую эпоху, тем не менее свидетельствует о взаимосвязи и взаимовлиянии структурных, содержательных и функциональных параметров существующих и формирующихся на сегодняшний день моделей мировоззрения и массовой цифровой коммуникации.

Разным подходам не хватает конкретизации особенностей роли цифровых технологий в мировоззренческом дизайне, хотя такая специфика есть, поэтому ее следует изучать:

- сетевой, интерактивный, модульный характер интернет-коммуникаций;
- гипертекстуальность контента (трансформация текста в гипертекст благодаря цифровой архитектуре обуславливает специфику информационного потребления);
- сопровождение ценностного контекста креолизованными элементами (эмотиконами, интернет-мемами, символами, что выводит генерацию новых мифов на новый уровень и позволяет говорить о ремифологизации);
- фактор алгоритмической связности, обусловленности и предвзятости интернет-контента, зависимости ценностной повестки от интересов цифровых акторов.

Вместе с тем, несмотря на приведенную критику алармистского подхода, следует признать, что работы его представителей все же имеют важное социальное значение. Во-первых, алармисты постоянно «подсвечивают» опасные процессы, подчеркивают серьезные вызовы цифровой среды, цифрового капитализма для привычных институтов формирования мировоззренческих картин – семьи, общества, государства, партий. Во-вторых, актуализация угроз в алармистских исследованиях, накопление в них эмпирики, аналитики по манипуляциям с ценностями необходимы академическому сообществу для назревшего перехода к следующему этапу – росту прикладных разработок и проектных исследований, содержащих конкретные рекомендации для общества, правительства, бизнеса по купированию рисков драматических, необратимых и непоправимых мировоззренческих трансформаций. В-третьих, алармистский подход, как наиболее медийно освещенный, на деле обладает провокативным характером в отношении сторонников скептического и прогрессистского подходов. Тактика регулярных алармистских провокаций заставляет скептиков и прогрессистов развивать и обновлять собственные модели, опять же создает условия для генерации конкретных предложений, рекомендаций по известной схеме А. Тойнби «вызов – ответ». Наконец, в-четвертых, алармистский дискурс уже дал хороший импульс перспективному направлению политологических и междисциплинарных исследований в области цифрового, технологического суверенитета.

В связи с данными обстоятельствами мы можем сделать вывод о высокой актуальности комплексных политологических исследований в сфере цифровых трансформаций в мировоззренческой сфере, что особенно важно для современ-

ных государств, стремящихся сохранить в условиях агрессивной глобализации цифровых коммуникационных процессов собственную независимость и национальный суверенитет, в том числе в ценностно-смысловом пространстве.

Список литературы

1. Аванесян, А. (2021). *Майяификация*. М.: Ад Маргинем Пресс.
2. Барбрук, Р. (2015). *Интернет-революция*. М.: Ад Маргинем Пресс.
3. Дзоло, Д. (2010). *Демократия и сложность: реалистический подход*. М.: Издательский дом ВШЭ.
4. Евангели, А. (2019). *Формы времени и техногенная чувственность*. Нижний Новгород: Красная ласточка.
5. Емельяненко, В.Д. (2013). Интернет и ценностно-мировоззренческие основания морали. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*, (9–2), 58–62.
6. Зубофф, Ш. (2022). *Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти*. М.: Институт Гайдара.
7. Коулман, С. (2018). *Может ли Интернет укрепить демократию?* СПб.: Алетейя.
8. Крайнов, А.Л. (2021). Место человека в цифровом мире: мифы и факты. *Философия и гуманитарные науки в информационном обществе*, (3), 37–44.
9. Кузнецов, А.Г. (2020). Туманности нейросетей: «черные ящики» технологий и наглядные уроки непрозрачности алгоритмов. *Социология власти*, 32(2), 157–182.
10. Лазарсфельд, П., Берельсон, Б., Год, Х. (2018). Выбор народа: как избиратель принимает решение в президентской кампании. Ульяновск: УлГУ.
11. Маккуайр, С. (2018). *Геомедиа: сетевые города и будущее общественного пространства*. М.: Strelka Press.
12. Манович, Л. (2018). *Язык новых медиа*. М.: Ад Маргинем Пресс.
13. Морозов, Е. (2014). *Интернет как иллюзия. Обратная сторона сети*. М.: АСТ; CORPUS.
14. Пугачев, В.П. (2022). *Глобалистский тоталитаризм: Социальные мутации цифрового капитализма: формирование человека и манипулятивные технологии управления*. М.: URSS.
15. Савченко, А.В., Сегал, А.П. (2021). Метаверс – как это по-русски? О построении русского сектора метавселенной. *Искусственные общества*, 16(4). <https://doi.org/10.18254/S207751800017910-0>
16. Стивенс-Давидовиц, С. (2018). *Все лгут. Поисквики, Big Data и Интернет знают о вас все*. М.: Эксмо.
17. Химанен, П. (2019). *Хакерская этика и дух информационализма*. М.: АСТ.
18. Энценбергер, Г.М. (2016). *Индустрия сознания. Элементы теории медиа*. М.: Ад Маргинем Пресс.
19. Besnier, J. (2013). What are the utopias of the digital age? *Études*, 419(7–8), 43–51.

20. Cheney-Lippold, J. (2011). A new algorithmic identity: Soft biopolitics and the modulation of control. *Theory, Culture & Society*, 28(6), 164–181. <https://doi.org/10.1177/0263276411424420>
21. Fletcher, R., Robertson, C. T., & Nielsen, R. K. (2021). How many people live in politically partisan online news echo chambers in different countries? *Journal of Quantitative Description: Digital Media*, (1). <https://doi.org/10.51685/jqd.2021.020>
22. French, R. P. (2016). Deconstructing the end of leadership: Postmodernity, epistemology, and worldviews. *SAGE Open*, 6(7). <https://doi.org/10.1177/2158244016628588>
23. Gentzkow, M., & Shapiro, J. M. (2011). Ideological segregation online and offline. *Quarterly Journal of Economics*, (4), 1799–1839. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1588920>
24. Kellner, D. (1999). Globalisation from below? Toward a radical democratic technopolitics. *Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities*, 4(2), 101–113. <https://doi.org/10.1080/09697259908572039>
25. Klapper, J. T. (1960). *The effects of mass communications*. New York: Free Press.
26. Lash, S. (2007). Power after hegemony. *Cultural Studies in Mutation, Theory, Culture & Society*, 24(3), 55–78. <https://doi.org/10.1177/0263276407075956>
27. Peterson, M., & Spahn, A. (2011). Can technological artefacts be moral agents? *Science and Engineering Ethics*, 17(3), 411–424. <https://doi.org/10.1007/s11948-010-9241-3>
28. Ulbricht, L. (2020). Scraping the demos. Digitalization, web scraping and the democratic project. *Democratization*, 27(3), 426–442. <https://doi.org/10.1080/13510347.2020.1714595>
29. Valkenburgh, S. P. van. (2019). “She thinks of him as a machine”: On the entanglements of neoliberal ideology and misogynist cybercrime. *Social Media+ Society*, 5(3). <https://doi.org/10.1177/2056305119872953>

References

1. Avanesyan, A. (2021). *Majyamifikaciya* [Mayamification]. Moscow: Ad Marginem Press.
2. Barbrook, R. (2015). *Internet-revolyuciya* [The Internet revolution]. Moscow: Ad Marginem Press.
3. Besnier, J. (2013). What are the utopias of the digital age? *Études*, 419(7–8), 43–51.
4. Cheney-Lippold, J. (2011). A new algorithmic identity: Soft biopolitics and the modulation of control. *Theory, Culture & Society*, 28(6), 164–181. <https://doi.org/10.1177/0263276411424420>
5. Coleman, S. (2018). *Mozhet li Internet ukrepit' demokratiyu?* [Can the Internet strengthen democracy?]. Saint Petersburg: Aletejya.
6. Emelianenko, V. D. (2013). Internet i cennostno-mirovozzrencheskie osnovaniya morali [Internet and value-ideological foundations of morality]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, (9–2), 58–62.

7. Enzenberger, H.M. (2016). *Industriya soznaniya. E'lementy teorii media* [The industry of consciousness. Elements of media theory]. Moscow: Ad Marginem Press.
8. Evangeli, A. (2019). *Formy vremeni i texnogennaya chuvstvennost'* [Forms of time and technogenic sensibility]. Nizhny Novgorod: Krasnaya lastochka.
9. Fletcher, R., Robertson, C.T., & Nielsen, R.K. (2021). How many people live in politically partisan online news echo chambers in different countries? *Journal of Quantitative Description: Digital Media*, (1). <https://doi.org/10.51685/jqd.2021.020>
10. French, R.P. (2016). Deconstructing the end of leadership: Postmodernity, epistemology, and worldviews. *SAGE Open*, 6(7). <https://doi.org/10.1177/2158244016628588>
11. Gentzkow, M., & Shapiro, J.M. (2011). Ideological segregation online and offline. *Quarterly Journal of Economics*, (4), 1799–1839. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1588920>
12. Himanen, P. (2019). *Xakerskaya e'tika i dux informacionalizma* [The hacker ethics and the spirit of informationalism]. Moscow: AST.
13. Kellner, D. (1999). Globalisation from below? Toward a radical democratic technopolitics. *Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities*, 4(2), 101–113. <https://doi.org/10.1080/09697259908572039>
14. Klapper, J.T. (1960). *The effects of mass communications*. New York: Free Press.
15. Krainov, A.L. (2021). Mesto cheloveka v cifrovom mire: mify i fakty [Human place in the digital world: Myths and facts]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informacionnom obshhestve*, (3), 37–44.
16. Kuznetsov, A.G. (2020). Tumannosti nejrosetej: “chernye yashhiki” texnologij i naglyadnye uroki neprozrachnosti algoritmov [Neural network nebulae: “Black boxes” of technologies and object-lessons from the opacities of algorithms]. *Sociologiya vlasti*, 32(2), 157–182.
17. Lash, S. (2007). Power after hegemony. *Cultural Studies in Mutation, Theory, Culture & Society*, 24(3), 55–78. <https://doi.org/10.1177/0263276407075956>
18. Lazarsfeld, P., Berelson, B., & Gaudet, H. (2018). *The people's choice: How the voter makes up his mind in a presidential campaign*. Ulyanovsk: UIGU.
19. Manovich, L. (2018). *Yazyk novyx media* [The language of new media]. Moscow: Ad Marginem Press.
20. McQuire, S. (2018). *Geomedia: setevye goroda i budushhee obshhestvennogo prostranstva* [Geomedia: Networked cities and the future of public space]. Moscow: Strelka Press.
21. Morozov, E. (2014). *Internet kak illyuziya. Obratnaya storona seti* [The Net delusion. The dark side of Internet freedom]. Moscow: AST & CORPUS.
22. Peterson, M., & Spahn, A. (2011). Can technological artefacts be moral agents? *Science and Engineering Ethics*, 17(3), 411–424. <https://doi.org/10.1007/s11948-010-9241-3>
23. Pugachev, V.P. (2022). *Globalistskij totalitarizm: Social'nye mutacii cifrovogo kapitalizma: formirovanie cheloveka i manipulyativnye texnologii upravleniya* [Globalist totalitarianism: Social mutations of digital capitalism: Human formation and manipulative control technologies]. Moscow: URSS.
24. Savchenko, A.V., & Segal, A.P. (2021). Metavers – kak e'to po-russki?

О построении русского сектора метавселенной [Metaverse – how is it in Russian? About the construction of the Russian sector of the metaverse]. *Iskusstvennye obshchestva*, 16(4). <https://doi.org/10.18254/S207751800017910-0>

25. Stevens-Davidowitz, S. (2018). *Vse lgot. Poiskoviki, Big Data i Internet znayut o vas vse* [Everybody lies. Search engines, Big Data and the Internet know everything about you]. Moscow: E'ksmo.

26. Ulbricht, L. (2020). Scraping the demos. Digitalization, web scraping and the democratic project. *Democratization*, 27(3), 426–442. <https://doi.org/10.1080/13510347.2020.1714595>

27. Valkenburgh, S.P. van. (2019). “She thinks of him as a machine”: On the entanglements of neoliberal ideology and misogynist cybercrime. *Social Media+Society*, 5(3). <https://doi.org/10.1177/2056305119872953>

28. Zolo, D. (2010). *Demokratiya i slozhnost': realistskij podxod* [Democracy and complexity: A realist approach]. Moscow: Izdatel'skij dom VShE'.

29. Zuboff, S. (2022). *E'poxa nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushhee na novyx rubezhax vlasti* [The age of surveillance capitalism: The fight for a human future at the new frontier of power]. Moscow: Institut Gajdara.

Информация об авторах

Сергей Владимирович Володенков, доктор политических наук, главный научный сотрудник научно-проектного отдела научно-инновационного управления, Государственный академический университет гуманитарных наук; профессор кафедры государственной политики, факультет политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2928-6068>, e-mail: s.v.cyber@gmail.com

Сергей Николаевич Федорченко, доктор политических наук, главный научный сотрудник научно-проектного отдела научно-инновационного управления, Государственный академический университет гуманитарных наук; профессор, ведущий эксперт, старший научный сотрудник кафедры управления наукоемкими отраслевыми и региональными проектами, Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», доцент кафедры истории и теории политики, факультет политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6563-044X>, e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Николай Михайлович Печенкин, лаборант, Государственный академический университет гуманитарных наук; научный сотрудник, преподаватель департамента политологии, факультет социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ, Москва, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7846-4847>, e-mail: nick_pechyonkin@mail.ru

Information about the authors

Sergey Vladimirovich Volodenkov, Doctor of Political Sciences, Chief Researcher, Research and Design Department of the Scientific and Innovation Department, State

Academic University for the Humanities; Professor, Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2928-6068>, e-mail: s.v.cyber@gmail.com

Sergey Nikolaevich Fedorchenko, Doctor of Political Sciences, Chief Researcher, Research and Design Department of the Scientific and Innovation Department, State Academic University for the Humanities; Professor, Leading Expert, Senior Researcher, Department of Management of Science-Intensive Sectoral and Regional Projects, National Research Nuclear University MEPhI, Associate Professor, Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6563-044X>, e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Nikolai Mikhailovich Pechonkin, Laboratory Assistant, State Academic University for the Humanities; Researcher, Lecturer, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7846-4847>, e-mail: nick_pechyonkin@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «РЕЖИМ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ»: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Ольга Фредовна Русакова,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
rusakova_mail@mail.ru

Статья поступила в редакцию 30.01.2023, принята к публикации 07.03.2023

Для цитирования: Русакова О.Ф. К вопросу о понятии «режим политики памяти»: методологический анализ // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 1. С. 27–45. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_27

Аннотация

Статья посвящена проблемам методологического осмысления понятия «режим политики памяти», ставшего в последнее время одной из центральных категорий memory studies и предметом изучения для ряда зарубежных и отечественных исследователей. Цель работы – представить особенности методологического анализа режимов политики памяти в трудах М. Бернхарда и Я. Кубика, О.Ю. Малиновой и Д.Э. Летнякова, а также очертить методологические рамки авторского подхода к типологии таких режимов. Методология исследования опирается на акторно-центрированный, нарративный, дискурсивный и агональный подходы к изучению данного понятия, отдельное внимание уделяется проблеме типологии режимов памяти. Критически рассматриваются некоторые критерии, используемые в рамках нарративного подхода при анализе советской и постсоветской истории. Важную методологическую роль в процессе конкретизации представленных подходов сыграли исследовательские установки, содержащиеся в коллективной монографии «Официальный дискурс российской политики памяти о советском прошлом: стратегии интерпретаций, акторы, коммеморативные практики» (Екатеринбург, 2022). Автором статьи подробно описываются такие ключевые понятия современных

© Русакова О. Ф., 2023

концепций режимов политики памяти, как мнемонические борцы, плюралисты, отреченцы и перспективисты, раскрываются особенности их конфигураций в гегемонистских, агональных, демократических и иных режимах памяти. Также дается определение понятия «государственный режим политики памяти», в котором подчеркивается доминирующий характер официального властного дискурса, задающего главные тренды в способах интерпретации прошлого и реализации коммеморативных практик. В заключительной части исследования предлагается авторская модель типологизации режимов политики памяти.

Ключевые слова:

режим политики памяти, мнемонические акторы, нарративный подход, гегемонистский режим памяти, агональный режим памяти, государственный режим политики памяти.

UDC 32

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_1_27

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF “REGIME OF MEMORY POLITICS”: METHODOLOGICAL ANALYSIS

Olga F. Rusakova,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
rusakova_mail@mail.ru

Article received on January 30, 2023, accepted on March 7, 2023

For citation: Rusakova, O.F. (2023). On The Issue of the Concept of “Regime of Memory Politics”: Methodological Analysis. *Discourse-P*, 20(1), 27–45. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_27

Abstract

This article deals with the problems of methodological understanding of the “regime of memory politics” concept, which has recently become one of the central categories of memory studies and the subject matter for a number of foreign and domestic researchers. The purpose of the research is to present the features of the methodological analysis of regimes of memory politics developed in the works of M. Bernhard and J. Kubik, O.Yu. Malinova and D.E. Letnyakov, as well as outline the methodological framework of the author’s approach to the typology of such regimes. The research methodology is based on actor-centered, narrative, discursive, and agonal approaches to the study

of this concept, special attention is paid to the problem of typology of memory regimes. Some criteria used within the framework of the narrative approach in the analysis of Soviet and post-Soviet history are critically examined. An important methodological role in the process of historical concretization of the presented approaches was played by the research guidelines contained in the collective monograph “The official discourse of the Russian politics of memory on the Soviet past: Interpretation strategies, actors, commemorative practices” (Ekaterinburg, 2022). The article describes in detail such key notions of modern concepts of regimes of memory politics as mnemonic warriors, pluralists, abnegators, and prospectives; reveals the features of their configurations in hegemonic, agonal, democratic, and other memory regimes. It also defines the concept of the “state regime of memory politics”, which emphasizes the dominant nature of the official power discourse setting the main trends in the ways of interpreting the past and implementing commemorative practices. In the final part of the study, the author’s model of typologization of regimes of memory politics is proposed.

Keywords:

regime of memory politics, mnemonic actors, narrative approach, hegemonic memory regime, agonal memory regime, state regime of memory politics.

В последнее время в мировой научной среде значительно вырос исследовательский интерес к понятию «режим политики памяти», которое сегодня превращается в одну из центральных категорий *memory studies*. В зарубежной литературе одними из первых, кто обратился к аналитическому изучению смысловых, структурных и инструментальных характеристик данной категории, были М. Бернхард и Я. Кубик (Bernhard & Kubik, 2014), О. Шевель (Shevel, 2011), М. Сидди (Siddi, 2017). В отечественной научной мысли в разработку категории «режим политики памяти» заметный вклад внесли такие исследователи, как О.Ю. Малинова и А.И. Миллер (Миллер, 2016; Малинова, 2018а, 2018b, 2018с, 2020; Малинова, Миллер, 2021), Ф.В. Николаи и Ю.В. Вилкова (2020), И.Л. Прохоренко (2021), Н.Н. Емельянова (2020), Д.Э. Летняков (2021, 2022а, 2022b) и др.

Методологические аспекты изучения политики памяти в творчестве М. Бернхарда и Я. Кубика

Для большинства зарубежных и российских исследователей режимов политики памяти основополагающим трудом, задающим методологические ориентиры для проведения их типологии, стала работа М. Бернхарда и Я. Кубика, посвященная 20-летней годовщине падения коммунистических режимов в Центральной и Восточной Европе (ЦВЕ) в 1989–1991 гг. (Bernhard & Kubik, 2014). Комментируя текст данной работы, О.Ю. Малинова и А.И. Миллер отмечают, что мнемонический режим – «доминирующая модель политики памяти, которая существует в данном обществе в данный момент в отношении конкретного исторического события или процесса, имеющего важные последствия» – определяется конфигурацией мнемонических акторов (Малинова, Миллер, 2021,

с. 32). Таким образом, в основу изучения режимов политики памяти Бернхардом и Кубиком положен *акторно-центрированный подход*, согласно которому в соответствии с особенностями конфигурации основных мнемонических акторов, участвующих в выработке той или иной интерпретации наиболее значимых для государства и общества исторических событий, определяется тип режима политики памяти.

Авторы выделяют четыре идеальных типа акторов, чье доминирующее положение среди других конкурирующих субъектов, участвующих в интерпретации прошлого, определяет в итоге и конкретный тип режима памяти. К ним относятся мнемонические воины (борцы), плюралисты, отреченцы (уклонисты) и перспективисты.

Говоря о *мнемонических борцах* (mnemonic warriors), Бернхард и Кубик выделяют следующие отличительные черты их видения себя и других в контексте формируемого ими режима политики памяти: «Они обычно верят, что историческая правда достижима, и что, как только она будет достигнута, она должна стать основой социальной и политической жизни. Таким образом, для них соревнование в области политики памяти происходит между «нами» – хранителями правды, и «ними» – запутывателями, увековечивающими «ложь», или оппортунистами, которые не знают или не заботятся о «правильной» форме коллективной памяти... Содержание коллективной памяти представляется борцам в значительной степени не подлежащим обсуждению; единственная проблема заключается в том, как заставить других принять их «истинное» видение прошлого... Настоящее истолковывается как пронизанное «духом» прошлого, и если этот дух несовершенен, основы государства разрушаются... Другой аргумент, часто используемый мнемоническими борцами, заключается в том, что проблемы настоящего (и будущего) не могут быть эффективно решены, если все государство не будет построено на надлежащем фундаменте в соответствии с «истинным» видением истории. Альтернативные видения прошлого – по определению «искаженные» – должны быть делегитимизированы или уничтожены. Сторонники таких видений должны покаяться или уйти из общественной жизни» (Bernhard & Kubik).

Согласно О.Ю. Малиновой и А.И. Миллеру, воплощением мнемонических акторов данного типа является партия большевиков, видящая основную цель своей деятельности в осуществлении идеалов коммунизма. Авторы также отмечают, что Бернхард и Кубик не находят в современной ЦВЕ подобных политических субъектов (Малинова, Миллер, 2021, с. 36).

В отличие от мнемонических борцов *мнемонические плюралисты* (mnemonic pluralists) признают, что в дополнение к «нам» и нашему видению истории существуют также «они» со своими собственными представлениями о прошлом: «Самое главное, плюралисты верят, что другие имеют право на свое собственное видение. Если они не согласны с этими видениями, они готовы вступить в диалог, главной целью которого является упорядоченное стремление к «истине», обнаружение областей совпадения между конкурирующими видениями и формулирование общих мнемонических основ, которые позволяют обсуждать конкурирующие версии. Плюралистов устраивает возможность множественных представлений о времени; например, может быть время, в течение которого человек стремится к искуплению, но есть также

время, в течение которого он разрабатывает и реализует «прагматичные» политические меры. Серьезная проблема для плюралистов заключается в том, как создать поле политики памяти, которое учитывало бы конкурирующие взгляды и обеспечивало платформу для диалога между ними. Тип мнемонического поля, которому они отдают предпочтение, можно назвать столбчатым. В режиме опоры на память конкурирующие видения прошлого «мирно сосуществуют» (Bernhard & Kubik).

Мнемонические отреченцы (mnemonic abnegators), по мнению Бернхарда и Кубика, избегают активного участия в реинтерпретации коммеморируемых событий, поскольку они, как правило, не заинтересованы в этом, рассматривают прошлое как резервуар полезных проверок практических решений, сосредотачиваются на настоящем и стремятся избежать участия в мнемонических войнах. «Политика удобного или целенаправленного забвения, избранная, например, акторами, которые прямо или косвенно (через своих политических предшественников) могут нести ответственность за прошлые социальные травмы, также может лежать в основе позиции отречения» (Bernhard & Kubik).

Мнемонические перспективисты (mnemonic prospectives), согласно авторам, верят, что разгадали загадку истории и тем самым имеют ключ к лучшему будущему. Они предполагают, что люди, возглавляемые ими, могут преодолеть беды мира, построив желаемое постисторическое конечное государство. «Находясь вне власти, они являются непримиримыми врагами ненавистного статус-кво, а находясь у власти, они утверждают, что политическая система, которой они руководят, является лучшим, если не единственным путем к этому трансисторическому концу. Это телеологическое видение человеческого развития. Придя к власти, «перспективисты» пытаются мобилизовать все население на «борьбу» за достижение желаемого конечного состояния. В политической борьбе и при установлении своего правления стратегия перспективистов агрессивна и очень похожа на стратегию борцов. Но их действия оправдываются не привязкой к прошлому, а перспективами «лучшего» будущего» (Bernhard & Kubik).

Бернхард и Кубик считают, что режимы политики памяти, в которых принимают участие все четыре типа мнемонических акторов, можно разделить на следующие подвиды: 1) демократический режим памяти, где доминируют плюралисты и отреченцы; 2) режим конкурентного авторитаризма с доминированием борцов и плюралистов; 3) гегемонистский режим памяти, который складывается в результате установления господства позиции мнемонических борцов в процессе конкурентной борьбы. При этом во всех трех случаях именно борцы задают тон мнемоническим соревнованиям, поскольку они противостоят не только другим воинам, но и плюралистам, отреченцам и перспективистам (Bernhard & Kubik).

В условиях демократического режима памяти, по мнению Бернхарда и Кубика, вполне возможна ситуация, при которой плюралисты попытаются создать опорный мнемонический режим, но им могут помешать «фундаменталистские» мнемонические борцы, стремящиеся установить гегемонистский режим памяти: «Преследование гегемонистских целей в демократическом государстве, в котором нет ни консенсуса, ни апатии по поводу прошлого, неизбежно приводит к формированию раздробленного поля памяти... Независимо от содержания конкурирующих представлений о прошлом, если плюралисты сильны, они могут

маргинализировать воинов, блокируя актуальность вопросов исторической памяти, эффективно превращая их в отреченцев, которым невыгодно заниматься этим вопросом. Однако, если воин способен разжечь конфликт памяти, этот конкретный режим памяти останется нарушенным» (Bernhard & Kubik).

В случае отсутствия мнемонических борцов выделяются разделенные на колонны и унифицированные режимы политики памяти: «При разделенном на колонны режиме между действующими лицами будут существовать разногласия по поводу их интерпретаций прошлого, но терпимость к различиям во мнениях или безразличие к вопросам памяти предотвратят пристрастную политизацию таких интерпретаций... Наконец, режимы памяти, которые основаны на согласии относительно интерпретации прошлого и таким образом в значительной степени свободны от мнемонических конфликтов, называются унифицированными» (Bernhard & Kubik).

Уделяя большое внимание вопросу о конфигурации стратегических (позиционных) ориентаций основных мнемонических акторов, участвующих в установлении определенных паттернов режимов памяти, Бернхард и Кубик разработали собственную типологию режимов памяти, возникших в новых посткоммунистических государствах ЦВЕ. В данном случае, считают авторы, актуальны три позиционные конфигурации, связанные с тремя типами режимов памяти: 1) *расколотый режим*, когда по крайней мере один актер является мнемоническим борцом; 2) *разделенный на колонны плюралистический режим*, когда среди акторов отсутствуют борцы, и по крайней мере один субъект является мнемоническим плюралистом; 3) *унифицированный режим* (режим единой общенациональной памяти), когда достигается стратегический консенсус между всеми мнемоническими актерами.

Расколотый, разделенный на колонны и унифицированный режимы памяти, согласно авторам, по-разному влияют на качество демократии. Унифицированные режимы, скорее всего, будут существовать в демократиях в долгосрочной перспективе, опираясь на широкий политический и культурный консенсус, который трудно достичь, а однажды достигнутый он очень подвержен разрушениям. Если актеры не видят политической выгоды в политической конкуренции из-за политизации вопросов памяти, тогда возможна универсальная позиция отречения. «Мы ожидаем от посткоммунистических демократий, что режимы памяти будут колебаться между разделенными на колонны и унифицированными» (Bernhard & Kubik).

Представленная Бернхардом и Кубиком концептуальная модель режимов памяти предполагает, что наличие среди доминирующих акторов мнемонических борцов может привести к формированию фрагментированного и конфликтного режима памяти, что в перспективе способно оказывать негативное влияние на процесс консолидации демократических сил в стране. Именно такими, отмечает О.Ю. Малинова, оказались режимы памяти о событиях 1989–1991 гг. в Венгрии, Польше, Румынии, Словакии, прибалтийских странах, Украине и Словении. Единственным случаем установления консолидированного плюралистического режима стала Чешская Республика, где на базе общей позитивной оценки «бархатной революции» 1989 г. были институционализированы и легитимизированы различные подходы к ее коммеморации. В случаях ФРГ, Болгарии и большинства республик бывшей Югославии были обнаружены унифициро-

ванные режимы памяти, характеризовавшиеся наличием согласия относительно содержания коммеморации. Россия же не попала в число рассматриваемых случаев, поскольку ее политический режим не отвечает требованиям «минимального уровня демократии», а также потому, что по случаю двадцатилетия «августовского путча» 1991 г. в ней не проводилось никаких официальных мероприятий. «Таким образом, – констатирует О.Ю. Малинова, – в результате исследования выяснилось, что паттерны режимов памяти в Центральной и Восточной Европе следуют траекториям посткоммунистических транзитов» (Малинова, 2020, с. 37).

Нарративный подход к трактовке понятия «режим политики памяти»

Методологическая модель режимов политики памяти, представленная в работе Бернхарда и Кубика, подверглась существенной модификации и была дополнена новыми концептуальными положениями, выработанными российскими исследователями данной проблематики. Так, например, в ряде работ О.Ю. Малиновой (2018а, 2018b) анализ мнемонических стратегий, определяющих характер мнемонических режимов, был дополнен сравнительным исследованием конкурирующих нарративов, возникших в российской политической практике и связанных с коммеморацией 100-летнего юбилея Великого Октября, который отмечался в стране в 2017 г. Непосредственным предметом исследования стали практики политического использования данного юбилея следующими мнемоническими акторами: властвующие элитные группы страны; КПРФ с ее особой коммеморативной стратегией; внесистемные политические партии, не представленные в Государственной Думе; Русская Православная Церковь. Автор предложила проводить процедуру сравнительного анализа конкурирующих нарративов, представляемых данными мнемоническими акторами, на основании следующих пяти параметров: «1) основная идея повествования (как правило связана с миссией, политической программой или идентичностью мнемонического актора); 2) сюжетная линия (сосредоточена на истории трагедии и травмы, пережитой Россией в XX в.); 3) элементы-события, между которыми выстраиваются перспективные связи; 4) основные действующие лица; 5) уроки, которые предлагается вынести из исторического опыта» (Малинова, 2020, с. 37–38).

Сделанный на основе предложенных параметров сравнительный анализ конкурирующих нарративов, касающихся позиций мнемонических акторов по отношению к такому событию, как 100-летний юбилей Октябрьской революции, согласно Малиновой, подтвердил, что в России сложился фрагментированный и конфликтный режим памяти о событиях 1917 г. Вместе с тем автор отмечает, что результаты анализа нарративов и стратегий мнемонических акторов позволили объяснить, почему, несмотря на очевидное расхождение мнений, коммеморация столетия революции(й) 1917 г. прошла «неконфликтно». Акторы, чьи стратегии соответствовали роли мнемонических борцов, либо не имели достаточных ресурсов для продвижения собственных интерпретаций, либо частично разделяли установки властвующей элиты. Для последней, однако, было важно не столько утвердить собственную интерпретацию, сколько избежать «разжигания страстей». «Отказавшись от официальной коммеморации и благо-

даря этому избежав прямой полемики с оппонентами, власть достигла своей цели» (Малинова, 2020, с. 38).

Следует отметить, что при всей методологической значимости проведенного О.Ю. Малиновой исследования конкурирующих нарративов политики памяти, относящихся к коммеморациям 100-летней годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, в схеме сравнительного анализа данных нарративов содержится одна, но весьма существенная погрешность, обусловленная, как нам представляется, определенным влиянием на позицию автора концептуальных установок, культивируемых в стратегиях политики памяти современных постсоциалистических государств ЦВЕ, а именно, речь идет о втором параметре, обозначенном как сосредоточение на истории трагедии и травмы, пережитой Россией в XX в. По нашему мнению, данный критерий не может быть использован при оценке существующих в современной России коммеморативных нарративов, касающихся 100-летней годовщины Великого Октября, поскольку, как показывают социологические исследования¹, в коллективной памяти большинства российских граждан, в отличие от сторонников стратегии декоммунизации, Октябрьская революция продолжает ассоциироваться не с трагическим и травмирующим событием, а с открытием новых горизонтов для глобальных социальных преобразований страны, социалистической модернизации общества, создания человека коммунистической формации, прорыва СССР в космическое пространство, для развития мирового антиколониального и коммунистического движения. В конце концов, именно Октябрьская революция создала необходимые предпосылки для Победы советского народа над мировым нацизмом в годы Второй мировой войны. В связи с этим было бы более корректно в качестве критерия оценок существующих властных и оппозиционных нарративов говорить не о трагедии и травме, связанных с событиями Октября, а о степени их (нарративов) дистанцирования с данной методологической установкой.

Кроме того, взятый за основу методологический подход к изучению режимов политики памяти, согласно которому характер каждого такого режима объясняется посредством анализа той или иной конфигурации идеальных типов мнемонических акторов, транслирующих конкретные нарративы, сформированные вокруг определенных общественно значимых событий прошлого, на наш взгляд, страдает методологической фрагментарностью, поскольку дробит символически-репрезентируемую событийную реальность на частные фрагменты, не раскрывая при этом общих стратегических установок режимов политики памяти, принятых в конкретном государстве или группе государств. В итоге все сводится к разбору акторного разнообразия в отношении трактовки того или иного исторического события, что заслоняет собой процесс раскрытия центральных трендов в установлении того или иного государственного режима политики памяти.

¹ *Революция: 1917–2017. Перемены vs стабильность*: опрос ВЦИОМ (2017, 11 октября). Взято 10 декабря 2022, с https://wciom.ru/fileadmin/file/reports_conferences/2017/2017-10-11_oct100.pdf; *Итоги революции*: опрос ФОМ (2017, 17 ноября). Взято 10 декабря 2022, с <https://fom.ru/Proshloe/13855>; *Революция как памятная дата*: опрос ФОМ (2017, 21 ноября). Взято 10 декабря 2022, с <https://fom.ru/Proshloe/13856>

Хорошо известно, что в любом обществе доминирующие позиции всегда занимают нарративы, представленные государственными структурами, которые, как правило, стремятся вытеснить из публичной сферы оппозиционные власти дискурсы, превратив их в маргинальные версии событий и явлений прошлого. Неопровержимым является факт, что институты государства в устойчивом обществе всегда выступают в качестве самого сильного и влиятельного мнемонического актора, обладающего разнообразными ресурсами и инструментами властвования – административными, правовыми, политическими, экономическими, социокультурными, медийными и др. Поэтому именно дискурс государства в лице его официальных представителей в большинстве случаев формирует и внедряет в массовое сознание доминирующий дискурс о событиях прошлого, отодвигая все иные противостоящие ему дискурсы на периферию коллективной памяти. Свой практический выход доминирующий дискурс политики памяти находит в символических способах своей репрезентации в рамках определенных коммеморативных практик, к которым относятся: празднования юбилеев общественно значимых событий и исторических фигур, установление новых мемориальных комплексов и памятников, а также демонтаж прежних памятников, не соответствующих новым стратегическим установкам политики памяти, процедуры переименования старых топографических обозначений и внедрение новых наименований, охрана и защита от вандализма прежних мест памяти и создание новых и др. К коммеморативным практикам реализации доминирующего государственного дискурса политики памяти также относятся педагогические, кинематографические и медийные способы его реализации в школьных и вузовских учебных программах, художественном и документальном кинематографе, СМИ, социальных сетях.

В соответствии с предложенным выше подходом мы даем следующее определение понятию «режим политики памяти», относящемуся к конкретному государственному образованию. *Под государственным режимом политики памяти нами понимается система доминирующих в обществе стратегических властных установок относительно способов интерпретаций и оценок исторического прошлого страны и соответствующая данным установкам система коммеморативных практик.*

В условиях, когда государственная стратегия памяти еще не устоялась и во властных структурах еще не выработана единая позиция в отношении трактовок и оценок конкретных событий и персонажей прошлого, мы можем охарактеризовать такой режим политики памяти как *расколотый*, несмотря на то, что на уровне власти может быть формально выработана консенсусная примирительная позиция. Данный вывод касается, в частности, «скромного» формата, который был выбран представителями российской власти в отношении способов коммеморации 100-летней годовщины Великого Октября. Отказ проводить праздничные мероприятия, посвященные данному юбилею, установка на «тихий юбилей», свидетельствовали отнюдь не о торжестве унифицированной, примирительной версии коммеморации Октября, а, наоборот, о спровоцированной данным шагом глубине недовольства, возникшей как среди определенных государственных слоев (КПРФ), так и в среде лояльных к власти общественных структур (научная интеллигенция, вузовские преподаватели, ответственные представители ряда государственных СМИ). «Установка на «тихий юбилей», –

отмечают авторы монографии «Официальный дискурс российской политики памяти о советском прошлом: стратегии интерпретации, акторы, коммеморативные практики», – вызвала возмущение у ряда российских публичных деятелей, для которых основная стратегия политики памяти состоит в том, чтобы соблюдать принцип преемственности поколений, культивировать чувства гордости за реальные достижения своего народа, за вклад своей страны в процесс мирового развития» (Русакова и др., 2022, с. 101). В монографии приводится высказывание В. Т. Третьякова, декана Высшей школы телевидения МГУ, на заседании созданного КПРФ Юбилейного комитета по подготовке к 100-летию Великого Октября: «Постыдно замалчивать историческое событие такого масштаба на его родине и в год его столетнего юбилея. Это и политически контрпродуктивно, ибо все, что не скажем об Октябре 1917 года мы, скажут другие, причем многие сделают белое черным и попытаются превратить юбилейную дату в очередной «суд над Россией и русской историей». Это не тот случай, когда молчание – золото, а совсем наоборот» (с. 101–102). В итоге официальная власть, устранившись от торжественного празднования 100-летней годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, не столько достигла желаемого примирения в обществе, сколько, встав фактически на точку зрения мнемонического отрезка, *усилила внутренний конфликт в прогосударственных структурах.*

Агонистический подход к трактовке понятия «режим политики памяти»

Понятие «агонистический режим памяти» было введено в научный оборот А. Буллоу и Х. Хансеном (Bull & Hansen, 2016). В современной отечественной литературе агонистическая модель режимов политики памяти получила разработку в трудах Н. Н. Емельяновой и Д. Э. Летнякова (Емельянова, 2020; Летняков, 2021, 2022а, 2022б).

В статье «Режимы исторической памяти: от гегемонизма к агонизму» Д. Э. Летняков ссылается на представление о нации как о целостном сообществе памяти, где действует установка на «методологический национализм», согласно которой мир «естественно» разделен на национальные государства и национальные культуры. При этом одной из опор данного подхода выступает традиционное понимание исторической памяти как общего для членов одной нации представления о прошлом. Именно такого рода установки, по мнению автора, лежат в основе режима исторической памяти, который можно назвать гегемонистским. Он предполагает существование в рамках нации-государства доминирующего исторического нарратива, который поддерживается через систему образования, медиа, музейную сферу, набор официальных праздников и т. д. Те версии прошлого, которые противоречат гегемонистскому нарративу, маргинализируются и подавляются, поскольку рассматриваются как подрывающие национальное единство и патриотические чувства (Летняков, 2022а, с. 46). Однако в последние десятилетия, отмечает автор, в разных странах сложившийся подход начинает испытывать все больше вызовов со стороны контргегемонистских нарративов, носителями которых оказываются люди с миграционным бэкграундом, представители этнических и расовых меньшинств, региональных сообществ и т. д. Многие из них не готовы солидаризироваться с той версией прошлого, в кото-

рой их культурному и историческому наследию отводится несправедливо мало места, или в которой не уделяется должного внимания пережитому их сообществом опыту страдания и угнетения (геноциду, дискриминации, рабству и пр.). Данные обстоятельства приводят к исследовательской проблематизации гегемонистского подхода к понятию исторической памяти, который отождествляет память господствующих групп и классов с памятью различных национальных общностей (с. 46).

Д. Э. Летняков предлагает рассмотреть возможную альтернативу гегемонистскому режиму памяти, которую он усматривает в развитии агонистического (греч. агон – «борьба») подхода, согласно которому историческую память общества следует представлять не в виде единого, непротиворечивого нарратива, а скорее как совокупность разнообразных нарративов и поля борьбы самых разных мнемонических акторов, постоянно конкурирующих между собой. С этой точки зрения любые мемориальные конфликты, споры относительно трактовок тех или иных исторических событий, концепции преподавания истории, сносы или установки монументов представляются естественной частью дискуссий, которые идут в публичной сфере любого демократического общества. В этой связи автор считает, что в «переписывании истории» следует видеть «не покушение на национальные основы, а нормальный процесс пересмотра обществом представлений о самом себе, который может происходить в силу поколенческих сдвигов, идеологических трансформаций, роста культурного разнообразия и т. д.» (Летняков, 2022а, с. 47). В отличие от гегемонистского режима памяти агонистический режим, по мнению Летнякова, является более мягким и демократичным, поскольку «открытая дискуссия, публичная борьба памятней гораздо лучше ситуации, когда «подавленные» версии прошлого вынуждены «уйти в подполье», не имея возможности быть высказанными гласно» (с. 49). Автор считает, что в настоящее время дальше других на пути формирования агонистических режимов памяти продвинулись либеральные демократии Запада. Не случайно в последние десятилетия традиционный исторический канон претерпел там существенные изменения, а различные контрнарративы получили большую возможность быть представленными в публичном пространстве через систему образования, академические исследования, музеи, искусство, медиа и пр. Это касается, например, региональных версий прошлого, которые могут отличаться от общенациональной истории (фламандская память vs бельгийская, шотландская vs британская), коллективной памяти этнических и расовых меньшинств (так называемая черная история в США, аборигенная история в Австралии и Канаде), людей с миграционным бэкграундом. В итоге различные изменения в культурном составе национального сообщества трансформируют «социальные рамки» памяти, что «заставляет заново искать приемлемые для общества конвенции в сфере исторической памяти» (с. 50).

Трансформации режимов политики памяти в современных государствах

Мемориальные конфликты между разными агентами памяти, воплощаясь в политических дебатах и коммеморативных практиках, реализуются с разной степенью свободы слова и мнений как в обществах, которые принято называть

демократическими, так и в тех, которые сегодня на Западе называют авторитарными. При этом ряд свойств структурных компонентов государственных режимов памяти, таких, например, как степень свободы и правдивости СМИ, возможность свободного высказывания альтернативных официальному дискурсу точек зрения, в «авторитарных» обществах может быть гораздо выше, чем в «демократических». Ярким примером служит игнорируемая и запрещаемая в «демократических» странах Запада позиция телеканала *Russia Today* и ряда других альтернативных медиаисточников относительно способов освещения богатого политического спектра современной жизни. И, наоборот, в так называемых «авторитарных» государствах, к которым представители цивилизованного Запада обычно относят Россию, на протяжении целого ряда лет интенсивно ведутся политические дебаты по актуальным внутренним и мировым проблемам, высказываются альтернативные по отношению к доминирующему властному дискурсу точки зрения, что на деле является выражением реального демократического плюрализма.

Было бы неверным считать, что официальная власть в «демократических» государствах гораздо в меньшей степени, чем в «авторитарных», способна выступать «единым фронтом», т. е. обладать качествами гегемонистского мнемонического актора. Опыт информационной войны последних лет показывает, что, например, в Великобритании, которая считается флагманом «демократии», в последнее время заметно усилился процесс унификации дискурса ее основных властных структур. Британское государство все активнее мобилизует свои многочисленные ресурсы, включая медиа, для ведения пропагандистской, идеологической и военно-политической борьбы с разного рода угрозами для защиты собственной безопасности (доктрина *Fusion*), что на практике приводит к трансформациям политического режима в стране и, соответственно, режима политики памяти, в котором начинает доминировать гегемонистский дискурс. В частности, данная тенденция отчетливо проявилась в ходе публичного развертывания так называемого дела Скрипалей, при освещении которого все государственные структуры и СМИ транслировали одну единственную, задаваемую «сверху», гомогенную точку зрения, которая преподносилась публике с одной конъюнктурной целью – поддержки существующего в массовом сознании зловещего образа России, которая считается виновной во всех «преступлениях» против цивилизованного мира (Русакова, 2018).

Мы считаем, что в государствах, чьи режимы памяти в зарубежной литературе обычно принято обозначать понятием «авторитарные», вполне могут существовать плюралистические модели памяти, допускающие взаимодействие в одном и том же мнемоническом пространстве альтернативных дискурсов, которые работают на формирование и укрепление консенсусной модели памяти. Так или иначе, именно властные институты конкретного государства определяют допустимую степень плюрализма в сфере политики памяти.

Следует также отметить, что после крушения мировой социалистической системы новые политические элиты в странах Восточной Европы энергично приступили к конструированию собственных национальных нарративов памяти, в которых тема их социалистического прошлого трансформировалась в официально принятый концепт страдания восточноевропейских народов от советской оккупации и коммунистического угнетения, при этом коммунистический гнет

представлялся исключительно как внешнее, советско-российское абсолютное зло, целью которого был, якобы, геноцид народов Восточной Европы. В итоге одним из важных структурных компонентов режимов памяти, установившихся в государствах ЦВЕ, стал *дискурс о политике двойного геноцида*, который проводился в отношении их населения сначала нацистскими властями, а после окончания Второй мировой войны советскими, чья деятельность обозначена понятием «советский оккупационный режим».

Тема советского геноцида и оккупационного режима стала центральной для продвижения новой политики памяти в государствах ЦВЕ. Ее главным стратегическим ориентиром выступила теория и практика декоммунизации, а главным коммеморативным инструментом – музеи оккупации и геноцида, в выставочных залах которых доминирует, отнюдь, не нацистская, а советская проблематика. Так, согласно российскому теоретику политики памяти А. И. Миллеру, «входя в «Музей геноцида» в Вильнюсе, не следует ожидать, что там пойдет речь о Холокосте (а о Холокосте в Литве есть что рассказать). Музей повествует о геноциде литовцев в годы советской оккупации. В основном по аналогичной схеме построены и музеи оккупации в других прибалтийских столицах, которые тоже настаивают на том, что жертвами геноцида были титульные народы (эстонцы и латыши)» (Миллер, 2016, с. 112–113). Политические элиты западноевропейских государств не посчитали нужным вступать в конфронтацию по вопросам политики памяти с новыми членами Евросоюза из стран ЦВЕ (с. 117). Кульминационным событием, знаменующим единство стратегических установок правящих акторов европейского режима памяти, стало решение Европейского парламента от 2 апреля 2009 г. о том, что 23 августа (день подписания пакта Молотова – Риббентропа) объявляется днем памяти жертв актов геноцида, совершенных тоталитарными режимами, к которым были отнесены нацизм и коммунизм². Три месяца спустя в Вильнюсской декларации Парламентской ассамблеи ОБСЕ, в Резолюции «Воссоединение разделенной Европы» было сказано следующее: «... в двадцатом веке европейские страны испытали на себе два мощных тоталитарных режима, нацистский и сталинский, которые несли с собой геноцид, нарушения прав и свобод человека, военные преступления и преступления против человечества»³.

Представленные и утвержденные в данных документах антисоветские формулировки были еще раз подчеркнуты и усилены в Резолюции Европейского парламента «О важности европейской памяти для будущего Европы» от 19 сентября 2019 г.⁴ Главный ее тезис гласит: вся ответственность за развязывание

² *European Parliament resolution on European conscience and totalitarianism* (2009, April 2). Retrieved December 25, 2022, from <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52009IP0213>

³ *Вильнюсская декларация Парламентской ассамблеи ОБСЕ и резолюции восемнадцатой ежегодной сессии* (2009, 29 июня – 3 июля). Взято 25 декабря 2022, с <https://www.oscepa.org/en/documents/all-documents/annual-sessions/2009-vilnius/declaration-6/265-2009-vilnius-declaration-rus/file>

⁴ *European Parliament resolution on the importance of European remembrance for the future of Europe* (2019, September 19). Retrieved December 25, 2022, from https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2019-0021_EN.html

Второй мировой войны и огромное число людских и иных жертв в ходе этой войны в равной степени лежит на двух преступных режимах – нацистском и коммунистическом (Русакова, 2022, с. 190).

Исходя из стратегических установок новоевропейской политики памяти, представленных в данных документах, и рассматривая способы их практической реализации (легитимация сноса памятников советским воинам, пересмотр памятных дат в пользу героизации нацизма и т. д.), мы приходим к выводу, что сутью трансформационного процесса, происходящего в режимах политики памяти европейских государств, является правовое оформление новой, весьма жесткой дискурсивно-методологической рамки, ограничивающей мнемоническое поле политики памяти только такими интерпретациями прошлого, которые четко укладываются в систему стратегических ориентиров, направленных на декommунизацию и десoветизацию прошлого, на развитие практик радикального пересмотра итогов Второй мировой войны, роли Советского Союза в качестве главного актора Великой Победы над европейским нацизмом. При этом о собственном нацистском прошлом современные европейские элиты предпочитают особо не вспоминать, поскольку данный вопрос в настоящее время не ставится ими на повестку дня, не является приоритетным. Скажем больше: процессы усиления нацистского движения в государствах Прибалтики и на Украине, культивирование властями данных государств фашистских коммеморативных практик не вызывают у европейских элитных групп ни беспокойства, ни протеста. В настоящее время все их внимание сосредоточено на проведении идейно-политической борьбы со стержневым элементом российского режима политики памяти, символическим выражением которого является Знамя Победы над Рейхстагом. Для патриотически настроенных россиян – это еще и символ будущих побед их страны над поднимающим голову нацистским злом, на стороне которого вольно или невольно сегодня оказались элиты большинства западных государств. В итоге осуществляемый на наших глазах процесс усиления противостояния российской и западной моделей политики памяти начинает приобретать экзистенциальный характер, поскольку именно от того, кто окажется победителем в данной борьбе, зависит не только судьба стратегических концепций, взятых на вооружение данными моделями, но также и судьба европейских государств.

Заключение

Завершая исследование, считаем возможным предложить собственный методологический подход к рассмотрению вопроса о типологии режимов политики памяти. В основе нашей типологии лежат следующие критерии: 1) характеристики доминирующего (господствующего) дискурса власти; 2) основные методы, которые применяются властным дискурсом политики памяти для внедрения его в массовое сознание; 3) базовые характеристики метанарратива, лежащего в основе идеологических установок (проектов) общенациональной политики памяти; 4) характер взаимодействия основных внутренних мнемонических акторов.

Применение первого критерия предполагает выделение доминирующего дискурса, в котором выражается способ представления данного общественного устройства посредством такой дуальной схемы, как «мы – они». «Мы» – это

формируемый доминирующим дискурсом образ существующего общества, включающий такие параметры, как роль, место и миссия данного общества в развертываемом мировом и локальном историческом процессе. «Они» – это либо внутренние социальные силы, оппонирующие официальному дискурсу памяти, либо «иные» или внешние общественные образования, по отношению к которым вырабатываются различные стратегии: стратегия вражды и жесткого противостояния, стратегия «мягкого» противодействия, стратегия партнерских отношений, стратегия дружественного взаимодействия. В зависимости от данных стратегий можно выделить такие типы моделей официальной политики памяти, как *жесткая конфронтационная модель*, *«мягкая» конфликтная модель*, *партнерская модель*, *дружественная модель*.

Говоря о методах утверждения доминирующего дискурса официальной политики памяти в массовом сознании, в зависимости от их базовых характеристик можно также выделить три основных типа режимов политики памяти. *Метод тотальной пропаганды и всестороннего контроля* за внедрением официального дискурса о прошлом в общественное сознание на практике приводит к установлению *жестко-авторитарного режима политики памяти*. Если в качестве основы государственной политики в сфере отношения к прошлому используется *метод допущения определенных альтернативных ему дискурсов в трактовке прошлого*, которым, однако, отводится место на периферии мнемонического поля данной модели памяти, тогда можно говорить о существовании *мягко-авторитарного типа режима политики памяти*. Когда же главным методом официальной политики памяти выступает *метод согласительного консенсуса*, предполагающий утверждение в качестве общенационального дискурса некоего договорного продукта, отвечающего интересам всех акторов политики памяти, можно утверждать, что речь идет о *консенсусной или демократической модели режима политики памяти*.

При использовании третьего критерия для выделения типов режимов политики памяти следует, прежде всего, обозначить главные идеологические проекты, характеризующие тот или иной метанарратив конкретной модели режима политики памяти. Назовем некоторые проекты такого рода: проект построения в СССР и во всем мире общества коммунистического будущего (советский проект); проект полной модернизации социалистического общества с национальной спецификой (современный Китай); проект создания государства с новой этнонациональной идентичностью (постсоветские государства Центральной и Средней Азии); проект формирования собственной восточноевропейской идентичности (ряд постсоциалистических государств ЦВЕ); проект утверждения и укрепления своего глобального мирового господства (современные США).

На основании применения четвертого критерия (характер взаимодействия основных внутренних мнемонических акторов) можно выделить, по крайней мере, четыре типа моделей режима политики памяти: 1) радикально отстроенная от прошлой модели памяти вновь сконструированная модель общенациональной памяти, демонстрирующая *единство основных мнемонических акторов*; 2) *модель частичного взаимодействия мнемонических акторов*, дающая возможность для сосуществования наряду с официальным дискурсом некоторых альтернативных и неофициальных дискурсов; 3) *жестко-конфронтационная модель*, когда акторы официального дискурса политики памяти находятся

в жесткой конфронтации с враждебными им акторами и их дискурсами; 4) модель *рассогласованности и разбалансировки*, когда под напором дискурсов конфронтационного типа происходит ослабление ресурсной базы официальных акторов политики памяти, что в итоге может привести к полной дискредитации их дискурсной базы.

Ярким примером модели режимов политики памяти первого типа выступает новая историческая политика, осуществляемая сегодня в ряде постсоциалистических государств Восточной Европы – Польше, Латвии, Литве, Эстонии, Украине. Примером второго типа можно считать модели, сложившиеся к настоящему времени в России и Белоруссии, а также в некоторых постсоветских восточноазиатских государствах (Казахстан, Киргизия). Третья модель режима политики памяти была особенно характерна для исторической политики, осуществленной в ленинско-сталинский период развития СССР. Четвертая модель получила свое воплощение в период горбачевской перестройки.

Предложенная схема типологического анализа режимов политики памяти является всего лишь гипотетической методологической рамкой для теоретического моделирования существующих историко-политических образований и практик, а потому нуждается в дальнейшей конкретизации и апробации.

Список литературы

1. Емельянова, Н.Н. (2020). Политика памяти и травмы коллективной памяти в условиях секьюритизации. *Вопросы философии*, (7), 30–34. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-7-30-34>
2. Летняков, Д.Э. (2021). Оспариваемое прошлое: к обоснованию плюралистического подхода к исторической памяти. *Дискурс-Пи*, 18(2), 61–76. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_61
3. Летняков, Д.Э. (2022a). Режимы исторической памяти: от гегемонизма к агонизму. *Политика и общество*, (1), 45–53. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2022.1.37499>
4. Летняков, Д.Э. (2022b). Историческая память и национальное государство: плюралистическая интерпретация мемориальной культуры. В Е.О. Труфанова (Ред.), *Индивидуальная и коллективная память в цифровую эпоху* (с. 184–200). М.: Аквилон.
5. Малинова, О.Ю. (2018a). Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: анализ стратегий ключевых мнемонических акторов. *Полис. Политические исследования*, (1), 9–25. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.02>
6. Малинова, О.Ю. (2018b). Коммеморация столетия революции(й) 1917 года в РФ: сравнительный анализ соперничающих нарративов. *Полис. Политические исследования*, (2), 37–56. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.04>
7. Малинова, О.Ю. (2018с). Политика памяти как область символической политики. В А.И. Миллер, Д.В. Ефременко (Ред.), *Методологические вопросы изучения политики памяти* (с. 27–53). М. – СПб.: Нестор-История.
8. Малинова, О.Ю. (2020). Режим памяти как инструмент анализа: проблемы концептуализации. В А.И. Миллер, Д.В. Ефременко (Ред.), *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы*.

Акторы, институты, нарративы (с. 25–39). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

9. Малинова, О.Ю., Миллер, А.И. (2021). Введение. Символическая политика и политика памяти. В В.В. Лапин, А.И. Миллер (Ред.), *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе* (с. 7–37). СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

10. Миллер, А.И. (2016). Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, (2), 111–121.

11. Николаи, Ф.В., Вилкова, Ю.В. (2020). Понятие «режимы памяти» в российских и англоязычных memory studies. *История и историческая память*, (21), 9–18.

12. Прохоренко, И.Л. (2021). «Войны памяти» в разделенных обществах: испанский случай. *Ибероамериканские тетради*, 9(3), 67–78. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-3-67-78>

13. Русакова, О.Ф. (2018). Неолиберальный пострациональный дискурс: политика постправды и доктрина Fusion. В О.В. Гаман-Голутвина (Ред.), *Политика развития, государство и мировой порядок: Материалы VIII Всероссийского конгресса политологов (6–8 декабря 2018 г., Москва)* (с. 463–464). М.: Аспект Пресс.

14. Русакова, О.Ф. (Ред.). (2022). *Официальный дискурс российской политики памяти о советском прошлом: стратегии интерпретации, акторы, коммеморативные практики*. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи».

15. Русакова, О.Ф., Мошкин, С.В., Беляева, Е.Д. (2022). Конфликтный характер политики памяти об Октябрьской революции в постсоветской России. В О.Ф. Русакова (Ред.), *Официальный дискурс российской политики памяти о советском прошлом: стратегии интерпретации, акторы, коммеморативные практики* (с. 80–104). Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи».

16. Bernhard, M., & Kubik, J. (Eds). (2014). *Twenty years after Communism: The politics of memory and commemoration*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199375134.001.0001>

17. Bull, A., & Hansen, H. (2016). On agonistic memory. *Memory Studies*, 9(4), 390–404. <https://doi.org/10.1177/1750698015615935>

18. Shevel, O. (2011). The politics of memory in a divided society: A comparison of post-Franco Spain and post-Soviet Ukraine. *Slavic Review*, 70(1), 137–164. <https://www.sci-hub.ru/10.5612/slavicreview.70.1.0137>

19. Siddi, M. (2017). The Ukraine crisis and European memory politics of the Second World War. *Perspectives on European politics and society*, 18(4), 465–479. <https://doi.org/10.1080/23745118.2016.1261435>

References

1. Bernhard, M., & Kubik, J. (Eds). (2014). *Twenty years after Communism: The politics of memory and commemoration*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199375134.001.0001>

2. Bull, A., & Hansen, H. (2016). On agonistic memory. *Memory Studies*, 9(4),

390–404. <https://doi.org/10.1177/1750698015615935>

3. Emelyanova, N.N. (2020). Politika pamyati i travmy kollektivnoj pamyati v usloviyah sek'yuritzacii [The politics of memory and the trauma of collective memory in the context of securitization]. *Voprosy filosofii*, (7), 30–34. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-7-30-4>

4. Letnyakov, D.E. (2021). Osparivaemoe proshloe: k obosnovaniyu plyuralisticheskogo podhoda k istoricheskoy pamyati [Contested past: On substantiation of a pluralistic approach to historical memory]. *Diskurs-Pi*, 18(2), 61–76. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_2_61

5. Letnyakov, D.E. (2022a). Rezhimy istoricheskoy pamyati: ot gegemonizma k agonizmu [Modes of historical memory: From hegemonism to agonism]. *Politika i Obshchestvo*, (1), 45–53. <https://doi.org/10.7256/2454-0684.2022.1.37499>

6. Letnyakov, D.E. (2022b). Istoricheskaya pamyat' i nacional'noe gosudarstvo: plyuralisticheskaya interpretaciya memorial'noj kul'tury [Historical memory and the national State: A pluralistic interpretation of memorial culture]. In E.O. Trufanova (Ed.), *Individual'naya i kollektivnaya pamyat' v cifrovuyu epohu* (pp. 184–200). Moscow: Akvilon.

7. Malinova, O.Yu. (2018a). Kommemoraciya stoletiya revolyucii (j) 1917 goda v RF: analiz strategij klyuchevyh mnemonicheskikh aktorov [The commemoration in Russia of the centenary of the 1917 revolution (s): Analysis of strategies of the key mnemonic actors]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (1), 9–25. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.02>

8. Malinova, O.Yu. (2018b). Kommemoraciya stoletiya revolyucii (j) 1917 goda v RF: sravnitel'nyj analiz sopernichayushchih narrativov [The commemoration in Russia of the centenary of the 1917 revolution (s): Comparative analysis of rival narratives]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (2), 37–56. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.02.04>

9. Malinova, O.Yu. (2018c). Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoy politiki. [Memory policy as an area of symbolic policy]. In A.I. Miller & D.V. Efremenko (Eds.), *Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati* (pp. 27–53). Moscow & Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.

10. Malinova, O.Yu. (2020). Rezhim pamyati kak instrument analiza: problemy konceptualizacii. [Memory regime as an analysis tool: Problems of conceptualization]. In A.I. Miller & D.V. Efremenko (Eds.), *Politika pamyati v sovremennoj Rossii i stranah Vostochnoj Evropy. Aktory, instituty, narrativy* (pp. 25–39). Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

11. Malinova, O.Yu., & Miller, A.I. (2021). Vvedenie. Simvolicheskaya politika i politika pamyati [Introduction. Symbolic politics and memory politics]. In V.V. Lapin & A.I. Miller (Eds.), *Simvolicheskie aspekty politiki pamyati v sovremennoj Rossii i Vostochnoj Evrope* (pp. 7–37). Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

12. Miller, A.I. (2016). Politika pamyati v postkommunisticheskoy Evrope i ee vozdeystvie na evropejskuyu kul'turu pamyati [Politics of memory in post-Communist Europe and its impact on European culture of memory]. *Politiya: Analiz. Kronika. Prognoz*, (2), 111–121.

13. Nikolai, F.V., & Vilkova, Yu.V. (2020). Ponyatie “rezhimy pamyati” v rossijskih i angloyazychnyh memory studies [“Regimes of memory” in Russian

and European memory studies]. *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*, (21), 9–18.

14. Prokhorenko, I.L. (2021) “Vojny pamyati” v razdelennyh obshchestvah: ispanskij sluchaj [The “memory wars” in divided societies: The case of Spain]. *Iberoamerikanskije tetradi*, 9(3), 67–78. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-3-67-78>

15. Rusakova, O.F. (2018). Neoliberal’nyj postracional’nyj diskurs: politika postpravdy i doktrina Fusion [Neoliberal post-rational discourse: The politics of post-truth and the doctrine of Fusion]. In O.V. Gaman-Golutvin (Ed.), *Politika razvitiya, gosudarstvo i mirovoj poryadok: Materialy VIII Vserossijskogo kongressa politologov (6–8 dekabrya 2018 g., Moskva)* (pp. 463–464). Moscow: Aspekt Press.

16. Rusakova, O.F. (Ed.). (2022). *Oficial’nyj diskurs rossijskoj politiki pamyati o sovetskom proshlom: strategii interpretacii, aktory, kommеморативnye praktiki* [The official discourse of the Russian politics of memory on the Soviet past: Interpretation strategies, actors, commemorative practices]. Ekaterinburg: Izdatel’skij dom “Diskurs-Pi”.

17. Rusakova, O.F., Moshkin, S.V., & Belyaeva, E.D. (2022). Konfliktnyj harakter politiki pamyati ob Oktyabr’skoj revolyucii v postsovetskoj Rossii [The conflictual nature of the memory policy of the October Revolution in post-Soviet Russia]. In O.F. Rusakova (Ed.), *Oficial’nyj diskurs rossijskoj politiki pamyati o sovetskom proshlom: strategii interpretacii, aktory, kommеморативnye praktiki* (pp. 80–104). Ekaterinburg: Izdatel’skij dom “Diskurs-Pi”.

18. Shevel, O. (2011). The politics of memory in a divided society: A comparison of post-Franco Spain and post-Soviet Ukraine. *Slavic Review*, 70(1), 137–164. <https://www.sci-hub.ru/10.5612/slavicreview.70.1.0137>

19. Siddi, M. (2017). The Ukraine crisis and European memory politics of the Second World War. *Perspectives on European politics and society*, 18(4), 465–479. <https://doi.org/10.1080/23745118.2016.1261435>

Информация об авторе

Ольга Фредовна Русакова, доктор политических наук, профессор, заведующая отделом философии, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru

Information about the author

Olga Fredovna Rusakova, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Philosophy Department, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>, e-mail: rusakova_mail@mail.ru

ЛИНГВИСТИКА И ПОЛИТИКА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ МОТИВЫ И ЦЕЛЬ «СВОБОДНОЙ ДИСКУССИИ ПО ВОПРОСАМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ» 1950 Г.

Алексей Всеволодович Никандров,

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
bobbio71@mail.ru

Статья поступила в редакцию 12.01.2023, принята к публикации 07.03.2023

Для цитирования: Никандров А.В. Лингвистика и политика: политические мотивы и цель «свободной дискуссии по вопросам языкознания» 1950 г. // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 1. С. 46–70. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_46

Аннотация

В статье анализируется «свободная дискуссия по вопросам языкознания» 1950 г., которая завершилась выходом работ И.В. Сталина, направленных на развенчание «нового учения о языке» Н.Я. Марра. Уже в 1930-е гг. лозунг мировой революции и принцип диктатуры пролетариата, на которые опирался марризм, переставали удовлетворять потребностям советской идеологии и интересам государства. Однако до начала 1950-х гг. политические особенности концепции языка Марра не принимались руководством страны во внимание, и только после осознания опасности идей классовости языка и призывов к «революции в языке» последовала реакция со стороны Сталина. Немаловажным моментом было несоответствие принципов марризма новому направлению советской послевоенной политики, связанному с формированием мировой социалистической системы в виде блока славянских государств, для обоснования консолидации которого стали активно использоваться идеи славянского единства. Особое внимание в статье уделяется раскрытию сущности изменений в марксистской теории, осуществляемых при ин-

© Никандров А.В., 2023

спирации Сталина, главная цель которых состояла в обосновании и установлении в советской общественно-политической мысли нового принципа общенародного государства, которому соответствовал и тезис об общенародном языке. Автор приходит к выводу, что именно эти мотивы определили необходимость проведения лингвистической дискуссии, а работы были написаны Сталиным не только для демонстрации антимарксистского содержания «нового учения о языке», но прежде всего в целях подготовки советского политического дискурса для внедрения принципа общенародного государства.

Ключевые слова:

языкознание, марксизм, «новое учение о языке», марризм, Сталин, «свободная дискуссия по вопросам языкознания», классы, общенародное государство, общенародный язык, славяноцентризм.

UDC 32.001

DOI 10.17506/18179568_2023_20_1_46

LINGUISTICS AND POLITICS: POLITICAL MOTIVES AND PURPOSE OF “FREE DISCUSSION ON PROBLEMS OF LINGUISTICS” OF 1950

Aleksey V. Nikandrov,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
bobbio71@mail.ru

Article received on January 12, 2023, accepted on March 7, 2023

For citation: Nikandrov, A.V. (2023). Linguistics and Politics: Political Motives and Purpose of “Free Discussion on Problems of Linguistics” of 1950. *Discourse-P*, 20(1), 46–70. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_46

Abstract

The article analyzes the “free discussion on problems of linguistics” of 1950, which ended with the publications of Joseph Stalin, aimed at debunking the “new doctrine of language” proposed by Nikolai Marr. In the 1930s the slogan of the world revolution and the principle of the dictatorship of the proletariat, which Marrism was based on, already ceased to satisfy the needs of Soviet ideology and the interests of the State. However, until the early 1950s, the USSR leadership did not take into account the political features of Marr’s theory, and only after realizing the destructiveness of ideas about the class

nature of the language and calls for revolutionary changes in the language did a reaction from Stalin follow. An important point was the fact that the principles of Marrism did not correspond to the new direction of Soviet post-war policy, associated with the construction of the world socialist system in the form of a bloc of Slavic states. To justify their consolidation, the ideas of Slavic unity began to be actively used. The author pays special attention to revealing the essence of the changes in the Marxist theory, carried out under the auspices of Stalin. Their main purpose was to establish in Soviet socio-political thought a new principle of the State of the whole people, which also corresponded to the thesis of the language of the whole people. It is concluded that it was these motives that determined the need for linguistic discussion, and Stalin's works were written not only to demonstrate the anti-Marxist content of Marr's "new doctrine of language" but primarily in order to prepare the Soviet political discourse for the implementation of the principle of the State of the whole people.

Keywords:

linguistics, Marxism, "new doctrine of language", Marrism, Stalin, "free discussion on problems of linguistics", classes, State of the whole people, language of the whole people, Slavocentrism.

Введение

«Свободная дискуссия по вопросам языкознания», состоявшаяся весной – летом 1950 г. и завершившаяся выходом работ И. В. Сталина, неизменно привлекала и будет привлекать внимание ученых и широкой общественности своей неожиданностью и загадочностью. Неожиданностью – ибо даже на фоне бурно проходящих научных дискуссий послевоенного времени дискуссия по языкознанию была настоящей феерией, завершившейся эффектным выходом на «сцену» главы Советской сверхдержавы и мирового социалистического блока. Загадочностью – ведь до сих пор до конца неясными остаются мотивы, двигавшие Сталиным и определившие его личное участие в сугубо научной дискуссии, цели, которые были им поставлены, результат, который был достигнут. По всей видимости, вся дискуссия – а это каскад мероприятий разного уровня и плана – была организована и достаточно талантливо устроена лично Сталиным; но неясно, какие причины вынудили вождя Страны Советов не только отслеживать и контролировать ход дискуссии, но и самому писать труды по языкознанию. Чтобы корректно поставить этот вопрос, необходимо, выяснив политические мотивы и содержание лингвистической дискуссии, вскрыть ее политический смысл, т. к. именно императивы политики были в ней определяющими: вся история с «новым учением о языке» Н. Я. Марра и его разгромом показывается, как лингвистика, вопреки своим задачам и существу, прямо сопрягается с политикой, как политика пронизывает лингвистику, преобразуя ее и придавая ей цель и направление, императивы, не имеющие отношения к науке, а то и чуждые ей.

Очевидно, что работы Сталина содержали политические смыслы и послания, выходящие далеко за пределы не только лингвистики, но и гуманитарной

науки в целом, что, по словам В. В. Трушкова, «Марксизм и вопросы языкознания» – это работа, которая посвящена актуальным для середины XX столетия проблемам марксистско-ленинской теории, злободневным прежде всего для социалистического строительства СССР» (Трушков, 2011, с. 45). Что именно хотел сказать Сталин своими работами по языкознанию, какие идеи провести, какие новые установки внедрить в советский политический дискурс? Поиску ответов на эти вопросы посвящено настоящее исследование.

Дискуссии по языкознанию и политической экономии

В идейной жизни СССР 1944–1953 гг. получили большой размах и стали играть определяющую роль две формы воздействия на культуру, науку и общественное мнение. С одной стороны, это специальные «культурные кампании», проводимые широко и транслируемые на все общество (например, борьба с «низкопоклонством» и затем с «космополитизмом»), с другой – по виду сугубо научные дискуссии в разных отраслях науки – история (1944), философия (1947), биология (1948), языкознание (1950), политэкономия (1951) и пр. Первые обычно называют идеологическими или политическими (иногда культурными) кампаниями. Вторые в литературе называются научными (иногда научно-идеологическими) или творческими дискуссиями. Первые были более интенсивными, громкими. Вторые – относительно сдержанными (за исключением, безусловно, биологической дискуссии). Но по силе влияния на советское общество и культуру они были приблизительно одинаковы, при том что влияние вторых по времени простиралось намного дальше. Влияние же дискуссии по языкознанию представляет собой уникальный случай в ряду всех кампаний и дискуссий.

Смысл идеологических операций первого рода, которые можно связать в одну «мегакампанию», раскрывается без труда: утверждение советского патриотизма и усиление антибуржуазной риторики в советской культуре. Целью «мегакампании» было установление новой общесоветской биполярной картины мира, базирующейся на принятии принципа противостояния, говоря словами тех лет, лагеря антидемократического и империалистического во главе с США и лагеря демократического и антиимпериалистического во главе с СССР. Такое биполярное мировидение логично вытекало из геополитических реалий второй половины XX в., складывающихся после окончания Второй мировой войны. Общий смысл научных дискуссий можно определить примерно в том же ключе патриотизма и антикапитализма (антиамериканизма), в каком проходили и кампании, однако конкретная политическая направленность каждой отдельной дискуссии зачастую ускользает от исследователя. Их цель состояла в проведении в науке, и тем самым в утверждении в культуре, государствоцентризма, глорификации Советского государства как цивилизационного лидера мира и социализма как новой общественно-политической системы, распространяющей свое влияние на весь мир.

Цель работы требует хотя бы в общих чертах провести сравнение языковедческой дискуссии 1950 г. с дискуссией по политэкономии 1951 г. Что у них общего? Главное – личное руководство и участие Сталина: кульминациями и той и другой стало вмешательство (не имеет значения, инсценированное или

импульсивное, каковым оно представлялось) вождя, выход результирующих сборников его работ, составленных как серии статей по ходу каждой дискуссии: «Марксизм и вопросы языкознания» и «Экономические проблемы социализма в СССР» соответственно. Последний раз вождь делал важные теоретические обобщения в отчетном докладе на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 г. Совершенно ясно, что тематика и проблемы, поднятые в двух дискуссиях, представлялись Сталину кардинально важными, раз уж он взялся за перо и предложил решение поставленных проблем (не говоря об организационных моментах его деятельности в ходе дискуссий).

После выхода сталинских работ в языкознании и политэкономии устанавливалась спокойная атмосфера, ученые настраивались на работу согласно указанным нововведенным принципам и в «правильном» направлении. Именно личное участие Сталина задает вектор на снижение идеологической напряженности в общественных науках, на некоторое снижение идеологического давления на эти науки. Разбирая работы Сталина по языкознанию и политэкономии, нельзя не обратить внимание на сдержанность тона главного дискуссанта, на его почти аристотелевское спокойствие при разборе проблем, которые были предметом острых столкновений идеологов, ученых, политиков, на подчеркнуто декларируемое отстранение от позиции высокомерия и «марксистского тщеславия», четко слышимый призыв к такой же сдержанности и спокойствию, обращенный к ученым и идеологам.

Сталинский призыв не остался без ответа: обращает на себя внимание относительная корректность участников дискуссии, спокойный ход мероприятий, результативность итогов. В самом принципе подборки материалов дискуссии по языкознанию, когда оппоненты получали равные возможности высказаться, и «сверху» до определенного момента не поступало никаких знаков той или иной стороне, заключался конкретный посыл – все мнения будут заслушаны. Конечно, при личном участии Сталина было бы нелепым сохранение «классического» стиля выступлений сталинских идеологов (А. А. Жданова, Г. Ф. Александрова, начинающих М. А. Сулова, Д. Т. Шепилова, Ю. А. Жданова и др.) с призывами к разгромам, разоблачениям, «срыванию масок» и зачастую печальными итогами для ученых. В этом плане удивляет тот факт, что дискуссии по гуманитарным наукам, носящим по определению идеологический характер, характеризовались в целом меньшей степенью идеологической напряженности и даже выраженности риторики, чем по остальным (особенно по биологии, печально знаменитой не только ожесточенностью риторики, но и трагическими последствиями для многих ученых).

Сталин вводил в практику иной стиль научных дискуссий – деловой, выдержанный в конструктивном ключе, без истерии и экзальтации. Был предложен и новый способ преодоления групповых разногласий в среде ученых: вместо «обычных» методов, сводившихся к взаимным обвинениям в разного рода «уклонах» и следовавших за этим «оргвыводов», вводились методы научной полемики, взаимной критики. И уже на этой основе устанавливался «оперативный консенсус» в данной сфере науки, основанный на общих правилах, нормативной системе взаимодействия науки и власти, в которой инициатива исходила от власти, задающей вектор, контуры намеченного курса, «путеводную звезду», устанавливающей пределы действия идеоло-

гии в науке. Принцип консенсуса ученого и власти примечательно выражен в словах лингвиста Т.П. Ломтева, адресованных коллеге С.Б. Бернштейну: «Я всегда стою на позиции партии. До выступления тов. Сталина позиция партии в языкознании состояла в признании «нового учения о языке». Теперь начинается новый этап, этап сталинский. Я вместе с партией перехожу на этот новый этап» (Бернштейн, 2002, с. 151). Или же в словах А.Ф. Лосева: «Все за Марра – и я за Марра. А потом осуждал марризм, а то не останешься профессором» (Бибихин, 2006, с. 173).

Следует подчеркнуть, что советская общественно-политическая наука в те годы, да и позже, вплоть до ухода СССР в историю, не могла развиваться без инициативы действующего руководителя, который лично задавал ей вектор и темп. В.В. Виноградов в одной из многочисленных постдискуссионных статей подвергает учение Марра критике, разбирает ее нюансы, – но при всем этом признает, что «если бы не появились гениальные работы И.В. Сталина, сама по себе дискуссия многого не решила бы» (Виноградов, 1950, с. 17). Т.П. Ломтев вспоминает: «Многие языковеды, в том числе и я, чувствовали, что язык не является надстройкой над базисом, но никто прямо и четко не высказал этого» (Илизаров, 2012, с. 300). А.С. Чикобава, задаваясь вопросом, является ли язык классовым в классовом обществе, утверждает: «Ответ товарища Сталина гласит: нет, не является» (Чикобава, 1950, с. 41). Лингвист вспоминает, что когда его вызвали в Москву для участия в возможной предстоящей дискуссии, была обронена интересная фраза: «Вопросы языкознания будут там обсуждаться с секретарями ЦК, и Вам следует подготовиться» (Чикобава, 2001, с. 510). Иными словами, вопрос о соответствии того или иного положения марксизму без «секретарей ЦК» решен быть не может. Поэтому, когда говорится о марксизме в какой-либо сфере, о «марксизации» такой-то науки, то надо помнить, что дело состоит вовсе не в марксизме, а в «линии ЦК». Это удачно схватывается А.Ф. Лосевым: «Даже марксизм, если его брать как теорию, вовсе не есть наше учение, и никому он не поможет. Меньшевики ведь тоже марксисты. <...> Мы руководствуемся не теорией, хотя бы трижды марксистской, и не практикой, хотя бы трижды революционной. Мы руководствуемся тем конкретнейшим преломлением и объединением того и другого, и притом объединением в данный момент, в настоящую минуту, которое именуется ВКП(б) и реально функционирует через ее ЦК. Никакой логикой, никакими чисто жизненными наблюдениями вы за этим не угонитесь; и ни в какие логические формы вы этого не вместили» (Лосев, 2002, с. 358).

Установление государствоцентризма в науке означало, что принцип классовости общественных наук ставился под сомнение (или, во всяком случае, признавалась необходимость его корректировки). Партийность постепенно начинает пониматься как соответствие интересам государства. Панкклассовая, «панреволюционная» леворадикальная трактовка партийности дезавуируется. Видимо именно поэтому первой дискуссией с участием Сталина была дискуссия по языкознанию, «партийность» которого, в отличие от политэкономии, не была бесспорной (конечно, не для сторонников Марра), хотя риторически поддерживалась многими лингвистами.

Отличие дискуссий по языкознанию и политэкономии бросается в глаза: политэкономия была сферой высшей идеологической значимости и высокого

дискуссионного напряжения, так что участие Сталина в этих спорах было необходимо и ожидаемо. Речь шла о создании относительно непротиворечивой теории социализма, которой в разработанном виде на тот момент еще не было; или, можно сказать иначе, об апологии социализма, построенного в СССР, в терминах марксизма (вспомним, что в 1936 г. было объявлено об осуществлении в основном первой фазы коммунизма – социализма). В области политэкономии необходимо было создать канонический текст, чем Сталин серьезно озаботился как раз в 1936 г. После войны, с созданием основ мирового социализма, необходимость в «каноне социализма» неизмеримо возрастает. Эта проблема разрешится с выходом учебника «Политическая экономия», создаваемого под контролем и при участии Сталина (он и редактор, и соавтор), но вышедшего после его смерти, в 1954 г. Этот учебник предстал как настоящая энциклопедия советского «государственного марксизма», концентрированное выражение сталинского понимания природы социализма и его геополитического замысла относительно Советского государства, став на долгое время каноном теории социализма. Сложно представить, что кто-либо иной, кроме Сталина, мог установить принципы теории социализма, ответить на насущные вопросы, разрешить сомнения ученых и идеологов (к примеру, о статусе политэкономии социализма, о товарно-денежных отношениях при социализме). Вмешательство же Сталина в дискуссию по языкознанию было совершенно неожиданным для всех – и для самих участников, и для народа, который был охвачен жаром этой таинственной полемики, несмотря на ее совершенную непонятность для большинства советских людей, как по содержанию, так и вообще по смыслу самого факта ее проведения.

Работы Сталина по языкознанию устанавливают определенное единомыслие, нормативную систему не в самом языкознании (хотя отчасти можно констатировать и это), но в советской идеологии в целом. И это видно хотя бы из следующего: и по размаху, и по впечатлению, произведенному на советское общество и общественное мнение, лингвистическая дискуссия превосходила политэкономическую, которая практически не затронула народного сознания и не взволновала его (при том что содержательно политэкономия была несравненно понятнее языкознания). Едва ли в истории СССР можно отыскать подобные примеры того, как перипетии науки, о которой до 1950 г. большинство советских граждан мало что знало, приковывали внимание обычных людей, не говоря уже о людях науки. С. Б. Бернштейн пишет: «Шум от статей Сталина по вопросам языкознания велик. Шумят не только лингвисты, но и археологи, этнографы, историки и даже философы. Интерес к языкознанию огромный. Думаю, что за всю историю языкознания в нашей стране не было такого лингвистического бума» (Бернштейн, 2002, с. 153). Отдельным интересным фактом было влияние первой дискуссии на вторую: участники политэкономической дискуссии постоянно обращались к сталинской работе, а авторский коллектив учебника третировался за недостаточное внимание к ней. Это не просто ритуальные фразы: труды Сталина по языкознанию определяли приоритеты не только (и, может быть, не столько) языкознания, но и всей советской общественной науки и идеологии.

Итак, дискуссия по политэкономии представляется более значимой для советской идеологии. Тем не менее дискуссия по лингвистике несла в себе утверждения, которые, как будет показано далее, обладали более сильной

значимостью. И это неудивительно. Как отмечает Ю.В. Емельянов, «если предыдущие кампании имели целью разгром немарксистских и непатриотических направлений в культуре и науке, то в данном случае Сталин атаковал учение, которое до его выступления считалось революционным, марксистским направлением отечественного происхождения и претендовало на практическую связь с общественным производством и классовый борьбой» (Емельянов, 2003, с. 432). В этой связи рассмотрим, что представляет собой марризм как идеология в лингвистике, в чем состоит его политический смысл.

Политические нюансы и коллизии «нового учения о языке»

«Чтение работ Марра, – утверждает О.А. Волошина, – вызывает двойственное впечатление: удивляет грандиозность поставленных задач и незначительность (зачастую полное отсутствие) доказательств, тех фактов, на которых базируются утверждения и целые гипотезы. Непонятно, как можно было верить его словам, но и не поверить, кажется, было невозможно, так как масштабность заявленной цели поражает воображение, завораживает» (Волошина, 2017, с. 30). Принято считать, что «новое учение о языке» Н.Я. Марра, полагавшееся создателем и его последователями «марксизмом в языкознании», т.е. суммой теорий и концепций, разработанных на основе марксизма, соответствующих ему и потому должных стать нормативной основой и руководящей методологией советской лингвистики, и в самом деле принималось большинством советских лингвистов именно как марксизм в языкознании. Однако это не так. Во-первых, какого-то более или менее стройного, сбалансированного учения Марр разработать не смог. Да это и не было возможно, учитывая смысл его основных идей, точнее, исполненных революционного пафоса, но не очень связанных между собой и недоказуемых гипотез. Во-вторых, вести речь о «диктате» учения Марра в лингвистике не представляется возможным: можно признать разве что подобие равновесия сил сторонников «великого яфетида» и антимарристов, равновесия шаткого и постоянно нарушаемого. При этом из тех, кто принимал марризм, очень многие полагали такое «принятие» не более чем условностью. Тем не менее за счет напористости основателя и адептов, а также мощной наступательной риторики, марризм, не будучи «мейнстримом», был самым влиятельным течением в советской лингвистике.

«Ситуацию в советской лингвистике 1930–1940-х гг. сложно назвать спокойной, ведь марристы, особенно при жизни Н.Я. Марра, отнюдь не были склонны к дискуссионным методам пропаганды своего учения; да и непросто было это провести с помощью стандартных методов, не прибегая к «крику и шуму, треску и барабанам» (Бернштейн, 2002, с. 147). Более того, там, где их позиции были сильны (прежде всего в Ленинграде), они становились «агрессивной сектой», зачастую прибегавшей к методам расправы с оппонентами, так что «аракчеевский режим» был печальной реальностью. Что касается агрессивности, тут нет преувеличений. Так, один из адептов марризма, В.Б. Аптекарь, по воспоминаниям антимарриста П.С. Кузнецова, отнюдь не в порядке шутки пригрозил противникам Марра: «А кто подымет голову – по голове палкой!» (Кузнецов, 2003, с. 188). Лингвист Г.А. Ильинский писал в 1929 г.: «Я не вижу никакого торжества яфетической теории. Напротив, тот

факт, что ее приходится вколачивать палкой и путем какого-то своеобразного террора, показывает, что дела ее плохи. Истина не нуждается для своего распространения в такого рода позорных средствах» (Робинсон, 2004, с. 159). Но годом ранее он предупреждал, что марристское учение станет «общеобязательной для всех лингвистов «православной системой языкознания», и горе тем, которые позволяют назвать эту «теорию» ее настоящим именем» (с. 154). Ученый не ошибся. Вести отсчет взлета влияния «нового учения о языке» можно начиная с 1930 г., когда сам Н. Я. Марр выступил с трибуны XVI съезда ВКП(б), после чего «марристы имели все основания считать, что их учение получило высочайшую поддержку...» (Алпатов, 2018, с. 94). «Яфетидология в качестве общей теории языка, – будет говорить А. М. Деборин, ставший вскоре одним из активных пропагандистов марризма, – есть новая наука, новая научная дисциплина, построенная в основном на принципах марксизма-ленинизма» (Деборин, 1935, с. 3).

В. М. Алпатов называет марксизм, адаптированный под нужды политической борьбы и пропаганды, марксизмом II, в отличие от собственно учения К. Маркса и Ф. Энгельса, марксизма I (Алпатов, 2018, с. 247), которое именуется, как правило, историческим (аутентичным, изначальным и т. п.) марксизмом. Можно говорить о ленинском, сталинском марксизме II и так вплоть до последних дней Советского Союза (брежневский, горбачевский марксизм II). Марксизм II ближе к идеологии (и в силу этого к пропаганде), если не тождествен ей; марксизм I ближе к политической теории, социальной науке. В исследовательской литературе, равно как и в публицистике, в применении к сталинской интерпретации марксизма часто говорят о «деформации», «искажении», «упрощении», «схоластизации» марксизма, что во многом справедливо. Однако при этом исследователи, хотя и ставят вопрос о целях и задачах такого рода операций с марксизмом I, предпочитают не концентрироваться на этой проблеме. Анализ истории с разгромом учения Марра дает немало материала для размышления над тем, как и для чего Сталин преобразовывал исторический марксизм, превращая его идеи в ряд связанных между собою концепций относительно сущности и устройства социалистического государства вообще и Советского государства в частности.

В настоящей работе речь идет исключительно о сталинском марксизме II, и как раз 1930-й стал последним годом, когда идеи мировой революции, мирового пролетарского государства (а именно они стали основой разработок Марра) еще имели ту силу, которой обладали в 1920-е гг. Начинался поворот советской идеологии к идеям государствоцентризма или, как часто определяют, «национал-большевизма», которые уже к 1936 г. оттеснили «мировой революционаризм» на периферию советского политического дискурса. А вскоре многие адепты неправильно понимаемого пролетарского интернационализма (правила понимания которого тоже, естественно, изменились) превратились в начатчиков, талмудистов, а то и в троцкистов. При этом Сталину пришлось достаточно серьезно откорректировать марксизм I в его развитии Лениным и сконструировать на основе всего этого новый, «государственный марксизм».

В свете этих изменений учение Марра постепенно становится политически некорректным, но это не приводит к разгрому марризма в 1930-е гг., подобно тому, как по тем же основаниям была разгромлена школа М. Н. Покровского

в исторической науке (может быть, потому, что в своей сфере «покровщина» была не в пример агрессивнее). Марризм в советском языкознании вплоть до 1950 г. продолжал быть влиятельным направлением, близким к той роли, на которую он претендовал – т. е. быть «марксизмом в языкознании». Хотя марристам и не удавалось подчинить советскую лингвистику так, как на короткое время удалось подчинить историю сторонникам Покровского, это не означало, что они не пытались достичь такой цели. Вдохновленные «успехами» лысенковцев на сессии ВАСХНИЛ 1948 г. и продолжая некоторые «успехи» 1947 г., марристы попытались, используя сходную тактику, перейти в наступление на своих идейных противников. Им было мало, чтобы оппоненты не были борцами против Марра: целью марристов было продемонстрировать советским лингвистам, что «советское языкознание должно возглавляться учением Марра» (Кузнецов, 2003, с. 231). Марризм позиционировался как марксистская философия языкознания: «Мы стоим на той точке зрения, что это учение способно оплодотворить науку о мышлении, стало быть, философию, и поэтому считаем необходимым теснейший союз философии с яфетидологией, как общей теорией языкознания, бросающей ослепительный свет на теорию и историю познания» (Деборин, 1935, с. 8–9).

Наступление марристов обострило ситуацию в языкознании, усилило гонения на тех ученых, которые не принимали всерьез «руководящие мысли Н.Я. Марра». В 1949–1950 гг. марристы не без риска для себя (все-таки космополитичность и антипатриотизм учения Марра были слишком очевидными, как бы ни пытались адепты представить Марра патриотом) подключились к борьбе против космополитизма, обвиняя в нем своих оппонентов. Учение Марра при этом «увязывалось» с советским патриотизмом. Так, в последней апологетической брошюре И.И. Цукермана читаем: «Материалистическое учение Н.Я. Марра органически связано с идеями советского патриотизма. Нельзя понять нового учения о языке, не уяснив образа Н.Я. Марра как советского патриота» (Цукерман, 1950, с. 4).

Порывы и эскапады марристов не привели к серьезным сдвигам в языкознании: их наступательная активность, видимо, приглушалась сверху: зачастую вспышки «праведного гнева» очередного марристского «трибуна» и «разоблачителя» попросту не встречали какой-либо ответной реакции со стороны идеологического руководства (из которого их поддерживал разве что Ю.А. Жданов, другие были относительно нейтральны). П.А. Дружинин пишет: «И что же последовало? Да ничего особенного (конечно, с учетом практики руководства наукой сталинского времени): никакого существенного результата, сопоставимого с разгромом в биологии, эти лингвистические дебаты не достигли...» (Дружинин, 2017, с. 313). При всем этом невозможно отрицать давление на лингвистику со стороны консолидированной группы марристов, которое достигает максимума к 1950 г. По словам М.Ю. Досталь, «к концу 1949 г. культ Марра достиг своего апогея. С начала 1950 г. началось административное преследование тех, кто еще не «покаялся» в отступлении от его «учения» (Досталь, 2009, с. 292). Как и прежде, оппоненты обвинялись в различного рода буржуазных «измах», к ним привешивались политические ярлыки. Таким образом, если судить по риторике, последние годы диктата марризма правомерно будет назвать годами «лингвистического террора».

Что же представляло собой «новое», или «материалистическое учение о языке» Н.Я. Марра, в чем состояла его марксистскость? Выдавая свои гротескные построения за марксизм, ученый не заботился о последовательности и логичности собственной «теории», равно как и о доказательствах ее соответствия марксизму. Впрочем, это было и невозможно ввиду отмеченной уже бессвязности и бессистемности той совокупности гипотез и предположений, которые он пытался против логики обрядить в марксистскую тогу. Учение Марра плохо вписывалось в рамки марксизма, поэтому он скорее подстраивал марксизм под свою «теорию», а «Маркс и Энгельс гримировались под Марра» (Алпатов, 2010, с. 451). Классики марксизма не были ему помехой: «Марр не желал расставаться со своими любимыми идеями даже при их явном расхождении с текстами К. Маркса и Ф. Энгельса. Ничто так не смущало марристов в «новом учении о языке», как положение о классовой роли звуковой речи при ее появлении и о классовой борьбе в первобытном обществе в связи со звуковой революцией. <...> Однако Марр считал, что изменяться должно не его учение, а сам марксизм...» (Алпатов, 2018, с. 69). И все же марровский марксизм не был так уж далек от марксизма I, во всяком случае, он отстоял от него не больше, чем сталинский марксизм II. Более того, некоторые исследователи придерживаются того мнения, что марризм своим интернационалистским пафосом был близок к подлинному марксизму. Ведь если задуматься, идеи о том, что первоначальная функция языка – производственная, что язык изначально был не средством общения, а орудием производства, не столь уж и нелепы, особенно в контексте марксистских школ 1920-х гг., известных своим вульгарным экономизмом и социологизаторством. Об определенной близости «нового учения о языке» к марксизму свидетельствует и тот факт, что А.М. Деборин принял марризм как философию языка; более того, он серьезно развил положения Марра о ручном языке, фактически предложив проработанную концепцию перехода от ручного языка к звуковому (Деборин, 1935, с. 11–30).

Создатель «нового учения о языке» адресовал его прежде всего молодым ученым: именно они могли без особых раздумий принять идеи, которые для лингвистов старшего поколения звучали абсурдно, фантастично, а то и попросту безумно. Так, в марристском документе 1948 г., записке в ЦК, предлагается укрепить руководство языкознания «сторонниками Нового учения о языке, для чего смело выдвигать молодых способных лингвистов, стоящих на позициях марксистско-ленинского языкознания» (Дружинин, 2017, с. 351). Молодым неопитам свойственно зажигаться, бездумно уверовав в некое новое учение, и лучше всего это получается в группе, секте, образовавшейся вокруг «учителя». Именно поэтому ту «группу товарищей», которая как бы обратилась к Сталину, создав формальный повод для дискуссии, он обозначает как происходящую именно «из молодежи».

Классовость языка – исходное положение марризма: «Язык по своему происхождению вообще, а звуковой язык в особой степени, потому и является «мощным рычагом культурного подъема», что он – незаменимое орудие классовой борьбы. Утверждаю с полным осознанием ответственности такого высказывания, расходясь коренным образом со многими моими товарищами, что нет языка, который не был бы классовым, и, следовательно, нет мышления,

которое не было бы классовым» (Марр, 1934, с. 90–91). Равно как и нет общества, которое не было бы классовым: классы присутствуют у Марра во всей прослеживаемой истории, начиная с мифической «звуковой революции» (тезис, прямо обращенный против марксизма I), и советское общество выпадает из этого ряда только в перспективе. Сам марризм позиционировал себя как учение исключительно классовое, как «пролетарская антитеза» буржуазной лингвистике, и к догмату о классовости языка марристы относились серьезно. Так, на прошедшем в Москве в феврале 1950 г. совещании языковедов Н. Ф. Яковлев в числе пунктов «общей платформы» сторонников теории Марра выдвинул требование о безоговорочном признании классового характера языка, что, по его мнению, должно быть обязательным для последователей «нового учения о языке» (Сухотин, 1951, с. 19).

Конечно, Н. Я. Марр не был первым, кто заговорил о классовости языка, как не он был и «первооткрывателем» марксизма в языкознании, но и то и другое связывается с его (причем преимущественно с его) именем по причине яркости и широковежательности постановки ученым этих тезисов. В советской лингвистической (не говоря уже о политической) мысли бытовали не только разные версии марксизма в языкознании – известна, к примеру, концепция В. Н. Волошинова (Алпатов, 2005), но и разные версии классовости языка, обосновываемые с марксистских позиций. Вне связи с «новым учением о языке», но примерно в то же время, если не раньше, принцип классовости языка обосновывался сторонниками группы «Языкофронт», в частности, Г. К. Даниловым. В этих концепциях было немало общего с формирующимся марризмом, в котором языкофронтвцами отвергались самые нелепые (но не для марристов, конечно) идеи. Более того, группа «Языкофронт» вела борьбу против марристов, закончившуюся для языкофронтвцев трагически. До распада «Языкофронта» выражения «марксизм в языкознании» (или «марксистское языкознание») и «учение Марра» отнюдь не были тождественны. «Марристы, – пишет М. Ю. Досталь, – оказались организационно сильнее и постепенно оттеснили и дезавуировали соперников, присвоив себе право именоваться единственно «истинными» и правоверными марксистами в языкознании» (Досталь, 2009, с. 276). В итоге получилось, что, вовсе не открыв Америку в языкознании¹, Марр смог представить такую версию марксизма в языкознании, которая стала единственной политической концепцией, имеющей вес и влияние.

Превращение «яфетической теории» в марксизм – не одномоментный акт, а скорее сложный процесс. Само «новое учение о языке» создавалось не единолично Марром. Участвовал в этом, к примеру, поклонник Марра историк античности С. И. Ковалев, составивший апологетический доклад «Марксизм и яфетическая теория», с которым выступил в Яфетическом институте 28 января 1928 г. и который во многом повлиял на марризм. Марр приводит тезисы Ковалева в своем «Общем курсе учения об языке» (Марр, 1936, с. 111–119). Тезис 38 – марксизм не имеет собственной специально-языковой теории (с. 114) – звучит как постановка задачи создания такой теории. Тезисы представляли собой по видимости апологетику учения Марра, по факту же –

¹ В. Б. Аптекарь утверждал, что, встав на рельсы марксизма, Марр открыл Америку в языкознании.

составленный для Марра катехизис или, скорее, пролегомены «марксизма в языкознании». В самом деле, из того, что известно, непросто представить, что Марр с его, мягко сказать, не слишком обширными познаниями в марксизме принял бы углубленно изучать эту отнюдь не простую теорию и затем единолично создал «марксизм в языкознании». Итак, по сути, речь шла о коллективном создании «нового учения о языке», в котором участвовали многие ученые и идеологи.

Принцип классовости языка и связанное с ним понимание языка как надстроечного явления (при том что даже антимарристы, отвергающие классовость языка, часто принимали тезис о том, что язык принадлежит к надстройке, например, А. С. Чикобава) нельзя рассматривать как нечто наносное, неглубокое, подобно тому, как в свое время говорили о классовости математики. Марризм проговаривал то, что не занимало внимания основателей марксизма: раз язык – это классовый феномен, то с победой пролетариата, захватывающего вместе со средствами производства, банками, почтой и т. д. также и язык, в мировом масштабе должен одержать победу всемирный пролетарский язык, который и станет господствующим на период мировой диктатуры пролетариата вплоть до превращения его в единственный бесклассовый язык всечеловеческого коммунистического общества. «Революционная антиимпериалистическая риторика, с ее образом пролетариата, не имеющего отечества, – замечает Б. М. Гаспаров, – сыграла роль горячего материала, подброшенного в пылающий костер библейского и евангельского пафоса, с самого начала характеризовавшего и суть идей Марра, и манеру их изложения. Сам Марр заявлял о своем «учении» как о лингвистическом аналоге пролетарской революции с полной недвусмысленностью...» (Гаспаров, 2021, с. 116). Марр был своего рода пролеткультовцем от языкознания, идущим по стопам А. А. Богданова с его убеждением в том, что пролетариат должен создать свою пролетарскую науку, культуру, язык. Как утверждает В. М. Алпатов, «Марр ориентировался на представления именно 20-х годов, когда ждали скорой мировой революции, построение коммунизма казалось делом близкого будущего и многие всерьез надеялись успеть поговорить с пролетариями всех континентов на мировом языке...» (Алпатов, 2010, с. 448). Исходя из этой вполне марксистской перспективы «революции в языке» и рисуя подобные картины, о русском языке ни Марр, ни марристы не думали.

Из принципа классовости языка вытекало положение о том, что национальных, общенародных языков не существует. «...Воочию выступает, что не существует национального, общенационального языка, а есть классовый язык, и языки одного и того же класса различных стран, при идентичности социальной структуры, выявляют больше типологического сродства друг с другом, чем языки различных классов одной и той же страны, одной и той же нации» (Марр, 1936, с. 415). Тезис 57 С. И. Ковалева звучит даже более сильно: «Яфетическая теория отбрасывает само понятие национального, внесловного, внеклассового языка, как понятие ненаучное...» (с. 116). В самом деле, общенародный язык не вписывался, да и не мог вписаться в марристскую концепцию языка. Собственно, именно «вывод» о несуществовании общенародных языков, энергично проводимый сторонниками марризма, и стал главной причиной его разгрома.

Таким образом, труды Марра и произведения марристов были пронизаны риторикой диктатуры пролетариата. Язык, пролетариат, диктатура пролетариата и мировая революция были связаны в марризме в единый идейный узел; народ и общенародный язык отвергались; ни русский язык, ни русский и ни советский народ не занимали сколько-нибудь заметного места в марристской политико-языковедческой концепции и мировидении. Марристы продолжали риторику солидарности рабочего класса всех стран, всерьез принимая положения о пролетариате как о господствующем классе и о пролетарском интернационализме, в официальном советском марксизме превращенные, соответственно, в историческую и риторическую формулы. Марристы не могли принять (хотя, видимо, понимали) то, что «всемирный пролетариат» давно не является центром сталинского квазимарксистского мироздания, что со второй половины 1940-х гг. утверждать что-либо о всемирном языке будущего коммунистического общества, не полагая таковым русский язык, общенародный язык общенародного государства, – значит противопоставлять себя Советскому государству.

Сталинская критика учения Н. Я. Марра: этатизм против космополитизма

Иерархию принципов «яфетического марксизма» и политического мировоззрения Н. Я. Марра можно представить так: пролетариат – государство диктатуры пролетариата – пролетарский язык как революционно преодоленный старый классовый язык, находящийся в стадии революционного формирования. Триединство сталинских политических принципов опирается на народ (создатель и хранитель языка) и выглядит так: советский народ – Советское всенародное государство – русский язык как общенародный язык СССР, в перспективе, – язык социалистического содружества. Для Сталина, утверждает П. Серио, «язык не знает деления на классы, он является инструментом коммуникации, орудием народа-субъекта» (Серио, 2009, с. 120); сам Сталин не может усомниться «в идее существования Единого языка у Единого народа» (с. 123).

Сталин отвергает основные принципы марровской «теории»: на вопросы «Верно ли, что язык есть надстройка над базисом?» и «Верно ли, что язык был всегда и остается классовым, что общего и единого для общества неклассового, общенародного языка не существует?» он дает отрицательный ответ: «Язык порожден не тем или иным базисом... а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений. Он создан для удовлетворения нужд не одного какого-либо класса, а всего общества, всех классов общества. Именно поэтому он создан, как единый для общества и общий для всех членов общества общенародный язык» (Сталин, 1953, с. 7).

Сталин следует выработанной им этатистской линии, выстраивающей в единый порядок основополагающие принципы государствоцентризма: единое многонациональное Советское государство, единство государства и народа, морально-политическое единство советского народа, единый язык межнационального общения и репрезентации СССР на мировой арене. Общеизвестно

сталинское превознесение Советской державы, русского и советского народа, ярко разворачивающееся в ходе кампании по утверждению принципа советского патриотизма, которая получает начало примерно в середине 1930-х гг. и особое развитие во второй половине 1940-х гг. Роль языка, конкретно русского языка, в этой перспективе огромна. В биполярном мире русский язык перспективно является языком социалистического блока, социалистической цивилизации; языком же противостоящего блока выступает английский (эти два языка в сталинской терминологии являются зональными).

За пять лет до выхода сталинских работ В. В. Виноградов в книге «Великий русский язык» писал: «Создание общего национального языка – важнейший этап в истории каждого народа. Только в таком языке нация получает средства для полного раскрытия своих духовных сил и возможностей и для широкого участия в мировом культурном движении. Только такой язык и может стать основой национальной науки и литературы. Он же содействует сплочению сил народа, укреплению политического могущества нации и росту ее влияния среди других государств» (Виноградов, 1945, с. 9). «У всех народов Советского Союза – общее дело, общие задачи. В новой государственной обстановке русский язык выполняет ответственную миссию идеологического руководителя» (с. 10). В такой постановке об общенародном языке классовость языка немыслима; сложно, пожалуй, написать более анти-марристский текст. Более того, читая эту книгу, как и вышедшую годом ранее брошюру «Величие и мощь русского языка», сложно представить, что учение Марра вообще существовало в то время. Из работы 1944 г.: «Мощь и величие русского языка являются неоспоримым свидетельством великих жизненных сил русского народа, его самобытной национальной культуры и его великой и славной исторической судьбы. Русский язык – это великий язык великого народа» (Виноградов, 1944, с. 9). «Русский язык как язык высокой культуры является идеалом и образцом для языков всех народов СССР» (с. 24). Стоит ли уточнять, что позиция Виноградова стала основанием для атак марристов, в оценках которых такие идеи были выражением великодержавного шовинизма. Впрочем, эти атаки проявились в нападках на самого ученого, тогда как открыто подвергать критике его положения о великом русском языке и народе для марристов было небезопасно.

У марристов с их «пролетарской философией», в их «мире без России, без Латвий»² роль русского языка предстает рядовой, ничем не выдающейся. Находясь в рамках марризма, нельзя вообще говорить о превосходстве («великодержавности») какого-либо конкретного языка: все языки и культуры, независимо от достижений данного народа или народности, равноправны. Известно навязчивое стремление Марра «доказать» чуть ли не определяющую роль чувашского языка в развитии русского языка. Эта тенденция переросла практически в отрицание национальной самобытности России и русской культуры. Начиная по крайней мере с 1943 г. такое отношение не могло не вызывать вопросы в связи с начавшейся кампанией по глорификации русской культуры, науки, истории. Сталин постулировал те самые «идеологические

² Выражение В. В. Маяковского (стихотворение «Товарищу Нетте, пароходу и человеку»).

основания самодержавности русского языка», соответствующие политическим основам нового «сталинского самодержавия», которые Марр с упорством пытался разрушить. Учитывая это, назвать сталинский подход «марксизмом в языкознании» довольно сложно, и тут следует согласиться с В. М. Алпатовым, утверждающим, что «если внимательно проанализировать сочинение Сталина, то приходишь к выводу, который, на первый взгляд, кажется парадоксальным: Сталин, говоря о построении марксистского языкознания, по сути отказывает ему в праве на существование» (Алпатов, 2005, с. 216).

С особенной силой Сталин и вслед за ним критики марризма отвергают тезис о необходимости революционных изменений в русском языке в текущую эпоху, «взрыва», ломки языка, который с необходимостью вытекает из принципа его классовости и отрицания его общенародности. Марр, требуя языковой революции, прямо утверждал, что «тут не о реформе письма или грамматики приходится говорить, а о смене норм языка, переводе его на новые рельсы действительно массовой речи. То, что нужно, это не форма, не реформа или новая декорация старого содержания, а свежий сруб с новой всесоюзной, мировой функцией из нового речевого материала; речевая революция, часть культурной революции, одна из существеннейших ее частей, она же – наиболее показательное свидетельство творящих новый мир масс» (Марр, 1936, с. 375–376). А. М. Деборин писал: «Революция в области социальной и политической сопровождается обычно революционными изменениями и в области языка и мышления. Поскольку каждому обществу классу свойственна особая идеология, особое мировоззрение, эти последние естественно требуют для оформления новых понятий и идей нового языка» (Деборин, 1935, с. 62). Ученый прибегает к понятному доводу в духе 1920-х гг.: «Конечно, каждый общественный класс оформляет соответствующим языком свое мышление... Но дело в том, что часто старое наследство извращает новое мышление, мышление нового общественного класса» (с. 25).

Несмотря на то, что к «взрывным» изменениям жизнь никаких явных знаков не подавала, «революционные» лингвисты и в конце 1940-х гг. не расставались с мечтами о коренном сдвиге в русском языке. Если на смену капиталистической формации пришла социалистическая (т. е. первая в человеческой истории неантагонистическая формация), несомненно, что и язык как часть надстройки необходимым образом должен претерпеть революционные изменения. По Деборину, «в бесклассовом обществе нет классовых языков. Мы находимся на пути создания первого бесклассового языка» (Деборин, 1935, с. 63). По Марру, будущий язык коммунистического общества, в котором «высшая красота сольется с высшим развитием ума» (Марр, 1934, с. 111–112), – это такой язык, перед которым «не устоять никакому языку, даже звуковому, все-таки связанному с нормами природы. И великие, и малые языки одинаково смертны перед мышлением пролетариата, в борьбе выковыивающего бесклассовое общество...» (с. 121). Если суммировать рассуждения Марра, то получается, что речь идет о трансформации самой природы языка, из чего, по логике, должно следовать, что новому уровню языка должна соответствовать и новая природа человека, но так далеко в своих фантазиях ученый все же не заходил.

Известно, что после сталинского выступления 1950 г. Марру и марристам стали инкриминировать умыслы уничтожить *русский язык* как устаревшую

часть надстройки, заменив его неким пролетарским языком. Следует задуматься над следующим: когда сам Марр писал об отмене старой грамматики, о приведении языка в соответствие с «мышлением пролетарских трудящихся масс», сознавал ли он деструктивность таких идей по отношению к народу и государству? Видимо, нет, ибо все эти мысли были частью его мировоззрения, построенного на нигилистическом неприятии русского самодержавного государства, переросшем в ненависть к «господствующим народам» вообще (соответственно, к «господствующим языкам»). Эта черта была помножена на изначальный юношеский нигилизм, стремление противопоставить себя миру. Так, И. И. Мещанинов писал о юном Марре: «Оставаясь в рамках воспитавшей его школы, он в то же время не мирился с ее суженным формализмом и уже закладывал взрывчатый элемент, приведший его самого к разрыву с лингвистическим окружением, на почве которого он же и рос для последующего его же решительного опровержения» (Мещанинов, 1936, с. 8).

В знаменитой работе «Яфетические зори на украинском хуторе» Марр возмущается положением дел, когда «научное мышление лингвистов господствующей школы... доселе заковано в шоры того или иного национального мира (когда речь идет о русском или украинском – миража славянского «братства» и славянского «праязыка»), как изначальной основы в языкотворчестве каждого из входящих в это позднейшее речевое классовое содружество «народов» (Марр, 1935, с. 248). Особого внимания ни русистике, ни славистике Марр не уделял, но, как это видно из цитаты, его отношение к идеям славянского единства, и тем более праязыка, было крайне негативным. Такие идеи стали резко противоречить очень важному направлению сталинской политики послевоенного обустройства мира, отсчет реализации которой правомерно вести с 1942 г., если не раньше. Примерно в то же время получает мощный импульс развитие русистики и славистики: усиливается работа над составлением словарей славянских языков, грамматик, учебников, историй литератур; Сталин начинает говорить о «славянофилах-ленинцах», о «новом славянофильстве», которое не тождественно старому имперскому «великодержавному панславизму», о равенстве славянских народов, о союзе равных славянских государств. В трудах по языкознанию он заострит вопрос о том, что «нельзя отрицать, что языковое родство, например, таких наций, как славянские, не подлежит сомнению, что изучение языкового родства этих наций могло бы принести языкознанию большую пользу в деле изучения законов развития языка» (Сталин, 1953, с. 33–34).

Линия на усиление славяноцентризма, поиски идейного обоснования славянского единства (в том числе языкового) связана с послевоенным конструированием политического устройства блока стран народной демократии (т. е. с консолидацией советского блока) как славянского союза под руководством СССР. Нельзя не отметить, что речь идет именно об импульсе развития славистики: само ее возрождение происходит в довоенное время, когда, по словам М. Ю. Досталь, «угроза и начало Второй мировой войны в 1939 г., вызвавшие настроения всеобщего патриотизма, и соображения о повышении престижа науки, убедили советское руководство в необходимости возрождения этой научной дисциплины в СССР, прежде всего, в ее исторической части, которая в большей мере могла обеспечить идеологические цели

внешней политики и приоритеты внутренней пропаганды...» (Досталь, 2009, с. 10). Институционально эта тенденция выразилась, в частности, в организации в 1944 г. Института русского языка АН СССР, в возрождении в 1947 г. Института славяноведения АН СССР и ряде других мер, направленных на восстановление славистики, фактически разрушенной после репрессий 1930-х гг. и «дела славистов». Однако сложно было представить развитие славистики без того, чтобы препятствие на его пути в виде марризма, в рамках которого славянское единство было немыслимо, не было устранено.

Марристы не могли не чувствовать, что почва уходит из-под их ног, так что вполне возможно, что серия их атак, начиная с 1948 г., вызвана именно этими обстоятельствами. Особенно сильные нападки вызывали идеи прародинности славян и праславянского языка (как и схизматизированная ими идея праязыка вообще), которые активно поддерживались лингвистами из стран народной демократии. Сторонники учения Марра были вынуждены сдерживать свое возмущение, т. к. эти идеи теперь развивались в русле политики славянского единства.

Заключение

Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что марризм стал настолько контрастировать с советской идеологией, что вмешательство высшей инстанции стало неизбежным. По этому поводу в современной российской науке имеется *communis opinio doctorum*. В. М. Алпатов заявляет: «Ушли в прошлое мечты о всемирной революции, космические фантазии и идеи о великодержавном шовинизме как главном зле в национальных вопросах, «народность» и «самобытность» из бранных слов превратились в неперменные эпитеты газетных статей. В этих условиях отрицание Марром национальных границ и рамок и особой роли русского языка, полное отвержение старой науки, требование форсировать создание всемирного языка не могли нравиться Сталину» (Алпатов, 2010, с. 464). По словам В. В. Тихонова, «исследователи сходятся в том, что марризм, с его интернационализмом, национальным нигилизмом и классовостью, уже не отвечал новой советской патриотической идеологии. Важнее, как представляется, что в марровской теории слишком акцентировалась классовая сущность языка. Подчеркивалось, что язык различных социальных классов кардинально различается. В послевоенное время наметился курс на построение «общенародного» государства, лозунги классовой борьбы во внутренней политике звучали все глуше» (Тихонов, 2016, с. 287). Но почему же – мы возвращаемся к поставленному в самом начале исследования вопросу – для устранения контраста марризма с идеологией и политикой потребовалось личное участие Сталина? Другими словами, какие скрытые мотивы, не позволившие передоверить разгром марризма своим идеологам или «новым философам» (М. Б. Митин, П. Ф. Юдин, Г. Ф. Александров), двигали им?

«Общенародное государство» – это, говоря словами В. И. Ленина, гвоздь вопроса: это именно то, чему не соответствовали принципы марризма: классовость языков и вытекающее из него отрицание общенародных языков. Но что же означает это «общенародное государство», ведь официально декла-

рируемой сущностью Советского социалистического государства при Сталине не переставала быть диктатура пролетариата (форма – Республика Советов); во всяком случае, утверждение, что диктатура пролетариата выполнила свою историческую миссию и перестала быть необходимой в СССР, было озвучено только в 1961 г. Сталину, по общему признанию историков, была свойственна ясность политических построений, во всяком случае, в области государственной теории и идеологии. Однако формула Конституции СССР «социалистическое государство рабочих и крестьян» не говорит ничего конкретно о сущности государства, позволяя трактовать диктатуру пролетариата и как сущность государства, и как политический режим, не препятствуя также трактовать СССР как всенародное государство (при возможности отождествления трудящихся и народа). Как же тогда получается, что относительно основ устройства Советского государства сталинского периода нет ясного, автоматического ответа: диктатура пролетариата или всенародное государство?

Нетрудно убедиться в том, что термин «общенародное государство» резко контрастирует с отправными марксистскими постулатами: пролетариат, мировая революция и мировое государство диктатуры пролетариата (не говоря уже о расхождении с политической реальностью). «Народ» и «общенародное государство» – эти категории вообще находятся за пределами марксизма и близки к доктрине Ж.-Ж. Руссо с его максимами *peuple souveraine* и *volonté générale*. Уже к началу 1930-х гг., и чем дальше, тем больше, лозунги мировой революции и диктатуры пролетариата переставали удовлетворять потребностям советской идеологии и интересам Советского государства. Пролетарский космополитизм стал мешать развитию советского этатизма. Приближение войны требовало усиления консолидации советского общества; потребности внутреннего развития, индустриализации и экономического роста приводили к осознанию необходимости наращивания внешнеэкономических связей с капиталистическими странами, установлению нормальных отношений с ними. Буржуазные же страны едва ли могли проявлять желание торговать с государством диктатуры пролетариата, имеющим своей официально декларируемой целью стимулирование и поддержку пролетарских революций по всему миру и установление в идеале всемирной диктатуры пролетариата. После того как революционно-пролетарский экстаз 1920-х гг. закончился, стало ясно, что представлять государство как пролетарское, т. е. такое, источником которого был пролетариат, невозможно. Хотя и полностью вывести интернационалистские мотивы также было нельзя, ибо в этом случае исчез бы универсализм советской идеологии. В любом случае источником власти и государства в СССР должен быть народ, т. е. государство должно стать общенародным, и в этом направлении под эгидой Сталина трансформировался марксизм I (Никандров, 2022). Но в одночасье, без подготовки общественно-политической мысли к такому «творческому развитию» сделать это было затруднительно.

Концепт «всенародное государство» впервые появляется в советском политическом дискурсе перед опубликованием проекта Конституции 1936 г. Как представляется, в новом варианте вместо «социалистического государства рабочих и крестьян» должно было фигурировать именно «всенародное государство». В передовой статье «По-большевистски организовать партийную пропаганду», напечатанной в майском номере журнала «Большевик» читаем:

«Страна наша находится накануне принятия новой Конституции всенародного Советского государства». В том же номере А. Я. Вышинский пишет: «Советское государство – всенародное государство» (Вышинский, 1936, с. 22). Из статьи М. Б. Митина в журнале «Под знаменем марксизма»: «Новая Советская конституция... будет первой в мире конституцией социалистического общества, конституцией социалистического, всенародного государства» (Митин, 1936, с. 14). Надо добавить, что перед принятием конституции упорно ходили слухи, что диктатуру пролетариата отменят, а вместо нее будет провозглашено общенародное государство (Лосев, 2002, с. 355, 570).

Поскольку диктатура пролетариата в качестве обозначения сущности социалистического государства не была «дезаурирована», вплоть до 1961 г. она продолжала оставаться в силе, при том что СССР после принятия Конституции 1936 г., не переставая считаться диктатурой пролетариата, в политической литературе стал все чаще именоваться «подлинно народным государством». СССР – социалистическое государство – парадоксальным образом представлялся одновременно и как «подлинно народное государство», и как государство диктатуры пролетариата, например: «Как государство пролетарской диктатуры, Советское государство является подлинно народным государством» (Вышинский, 1949, с. 246). Так длился период «двоевластия»: источником власти и государства объявлялся советский народ, но пролетариат («рабочий класс СССР») продолжал до 1961 г. исполнять обязанности диктатора – временного властителя. Неопределенность важнейших политических текстов в этом отношении только усугубляла амбивалентность ситуации.

Идеи Марра о классовости языка были отброшены Сталиным не из-за их несоответствия принципам языкознания и даже не по причине их расхождения с марксизмом (которое не несомненно), но из-за их резкого контраста с государственной политикой Советского Союза, в области внутренней политики направленной на утверждение единства советского народа, а в области внешней – на единение социалистического содружества, построение социалистического блока (полюса) в складывающемся биполярном мире. Исходя из этого, нетрудно понять, почему учение Марра не сразу стало предметом критики, почему оно долгое время считалось вполне корректным марксизмом в языкознании: Сталин не решался, да и не решился в рамках государственной теории прямо объявить народ источником государства и права (ни в 1936 г., ни в 1947 г. всенародное государство не было провозглашено). Всенародное государство утверждалось как бы «окольными» путями: подчеркиванием общенародности языка, прославлением великого русского и советского народа, усилением риторики демократизма советского общества и т. д. Советский марксизм с начала 1930-х гг. наполнялся концептами, серьезно контрастирующими с марксизмом I: «бесклассовое социалистическое общество», «дружественные классы», «всенародное государство», «подлинно народное государство». Не говоря уже о тезисе построения коммунизма в одной стране при сохранении капиталистического окружения. Если не замечать за всем этим сталинскую логику государствоцентризма, то остается много неясных моментов; неясность же в государственно-теоретических вопросах порождала путаницу во всей общественно-политической теории, частью которой было и языкознание.

Целью сталинской дискуссии по языкознанию, исходя из всего сказанного, была подготовка советского общественного мнения, идеологов и теоретиков советского марксизма к новому повороту в области «государственного марксизма», к новому этапу его «творческого развития»: внедрению концепта всенародного (общенародного) государства, подача его как развитие марксистско-ленинской теории. Таким образом, помимо причин, связанных с несоответствием марксизма ряду важнейших направлений и установок советской политики, «новое учение о языке» было выключено из языкознания и тем самым из советской общественно-политической науки также и по причинам фундаментально-теоретического порядка, т. е. из-за несоответствия основным параметрам оформившегося к концу 1940-х гг. сталинского марксизма II, или «государственного марксизма».

Список литературы

1. Алпатов, В. М. (2005). *Волошинов, Бахтин и лингвистика*. М.: Языки славянских культур.
2. Алпатов, В. М. (2010). Марр, марризм и сталинизм. В С. С. Неретина, А. П. Огурцов (Ред.), *Подвластная наука? Наука и советская власть* (с. 441–467). М.: Голос.
3. Алпатов, В. М. (2018). *История одного мифа: Марр и марризм*. М.: УРСС.
4. Бернштейн, С. Б. (2002). *Зигзаги памяти: Воспоминания. Дневниковые записи*. М.: Институт славяноведения РАН.
5. Биbihин, В. В. (2006). *Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев*. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы.
6. Виноградов, В. В. (1944). *Величие и мощь русского языка*. М.: Правда.
7. Виноградов, В. В. (1945). *Великий русский язык*. М.: ОГИЗ.
8. Виноградов, В. В. (1950). Свободная дискуссия в «Правде» по вопросам языкознания и ее значение для дальнейшего развития советской науке о языке. В В. В. Виноградов (Ред.), *Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина* (с. 5–31). М.: Издательство Московского университета.
9. Волошина, О. А. (2017). «Яфетические переживания» Н. Я. Марра. *Stephanos*, (5), 29–41.
10. Вышинский, А. Я. (1936). Советский суд и советская демократия. *Большевик*, (10), 22–35.
11. Вышинский, А. Я. (1949). *Вопросы теории государства и права*. М.: Госюриздат.
12. Гаспаров, Б. М. (2021). Марр и Соссюр: сто лет спустя. *Вопросы языкознания*, (1), 104–120. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.1.104-120>
13. Деборин, А. М. (1935). *Новое учение о языке и диалектический материализм*. М.; Л.: АН СССР.
14. Досталь, М. Ю. (2009). *Как Феникс из пепла... (Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы)*. М.: Индрик.

15. Дружинин, П. А. (2017). Последствия сессии ВАСХНИЛ для филологической науки (Секретная докладная записка ленинградских лингвистов в ЦК ВКП(б)). *Литературный факт*, (3), 307–354. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2017-3-307-354>
16. Емельянов, Ю. В. (2003). *Сталин. На вершине власти*. М.: Вече.
17. Илизаров, Б. С. (2012). *Почетный академик Сталин и академик Марр*. М.: Вече.
18. Кузнецов, П. С. (2003). Воспоминания. *Московский лингвистический журнал*, 7(1), 155–250.
19. Лосев, А. Ф. (2002). *«Я сослан в XX век...»* (Т. 1). М.: Время.
20. Марр, Н. Я. (1934). *Избранные работы. Т. 3: Язык и общество*. М.; Л.: АН СССР.
21. Марр, Н. Я. (1935). *Избранные работы. Т. 5: Этно- и глоттогония Восточной Европы*. М.; Л.: АН СССР.
22. Марр, Н. Я. (1936). *Избранные работы. Т. 2: Основные вопросы языкознания*. М.; Л.: АН СССР.
23. Мещанинов, И. И. (1936). *Новое учение о языке*. Л.: ОГИЗ.
24. Митин, М. Б. (1936). О ликвидации классов в СССР и о социалистическом, всенародном государстве. *Под знаменем марксизма*, (5), 1–19.
25. Никандров, А. В. (2022). Развитие концепции Советского государства в 1930-е гг.: коррекция марксизма или новая теория государства? *Государство и право*, (7), 110–121. <https://doi.org/10.31857/S102694520021131-5>
26. Робинсон, М. А. (2004). *Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов)*. М.: Индрик.
27. Серию, П. (2009). От любви к языку до смерти языка. *Политическая лингвистика*, (1), 118–123.
28. Сталин, И. В. (1953). *Марксизм и вопросы языкознания*. М.: Госполитиздат.
29. Сухотин, В. П. (1951). Критика «учения» Н. Я. Марра о «классовости» языка. В В. В. Виноградов (Ред.), *Против вульгаризации и извращения марксизма в языкознании* (Ч. 1, с. 14–25). М.: АН СССР.
30. Тихонов, В. В. (2016). *Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.)*. М.; СПб.: Нестор-История.
31. Трушков, В. В. (2011). Контексты и подтексты сталинской работы (размышления о брошюре «Марксизм и вопросы языкознания»). *Евразийский форум*, (1), 43–52.
32. Цукерман, И. И. (1950). *Крупнейший советский языковед Н. Я. Марр*. М.: АН СССР.
33. Чикобава, А. С. (1950). Учение И. В. Сталина о языке, как общественном явлении. В В. В. Виноградов (Ред.), *Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина* (с. 32–51). М.: Издательство Московского университета.
34. Чикобава, А. С. (2001). Как и когда это было. В В. П. Нерознак (Ред.), *Сумерки лингвистики. Из истории отечественного языкознания. Антология* (с. 507–512). М.: Academia.

References

1. Alpatov, V.M. (2005). *Voloshinov, Bakhtin i lingvistika* [Voloshinov, Bakhtin and linguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur.
2. Alpatov, V.M. (2010). Marr, marrizm i stalinizm [Marr, Marrism and Stalinism]. In S.S Neretina & A.P. Ogurtsov (Eds.), *Podvlastnaya nauka? Nauka i sovetskaya vlast'* (pp. 441–467). Moscow: Golos.
3. Alpatov, V.M. (2018). *Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm* [A story of one myth: Marr and Marrism]. Moscow: URSS.
4. Bernshtein, S.B. (2002). *Zigzagi pamyati: Vospominaniya. Dnevnikovye zapisi* [Zigzags of memory: Memories. Diary entries]. Moscow: Institut slavyanovedeniya RAN.
5. Bibikhin, V.V. (2006). *Aleksei Fedorovich Losev. Sergei Sergeevich Averintsev* [Alexey Losev. Sergey Averintsev]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy.
6. Chikobava, A.S. (1950). Uchenie I.V. Stalina o yazyke, kak obschestvennom yavlenii [Joseph Stalin's theory about language as a social phenomenon]. In V.V. Vinogradov (Ed.), *Voprosy yazykoznaniiya v svete trudov I.V. Stalina* (pp. 32–51). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
7. Chikobava, A.S. (2001). Kak i kogda eto bylo [How and when was it]. In V.P. Neroznak (Ed.), *Sumerki lingvistiki. Iz isrorii otechestvennogo yazykoznaniiya* (pp. 507–512). Moscow: Academia.
8. Deborin, A.M. (1935). *Novoe uchenie o yazyke i dialekticheskiiy materialism* [The new doctrine of language and dialectical materialism]. Moscow & Leningrad: AN SSSR.
9. Dostal, M. Yu. (2009). *Kak Feniks iz pepla... (Otechestvennoe slavyanovedenie v period Vtoroi mirovoi voiny i pervye poslevoennnye gody)* [Like a Phoenix from the ashes... (Russian Slavic studies during the World War II and the first post-war years)]. Moscow: Indrik.
10. Druzhinin, P.A. (2017). Posledstviya sessii VASKhNIL dlya filologicheskoi nauki (Sekretnaya dokladnaya zapiska leningradskikh lingvistov v TsK VKP (b)) [All-Union Academy of Agricultural Sciences Session and the Soviet Philology (Secret Memorandum to the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks by a Group of Leningrad Linguists)]. *Literaturnyi fakt*, (3), 307–354. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2017-3-307-354>
11. Emelyanov, Yu. V. (2003). *Stalin. Na vershine vlasti* [Stalin. At the pinnacle of power]. Moscow: Veche.
12. Gasparov, B.M. (2021). Marr i Sossyur: sto let spustya [Marr and Saussure: A hundred years later]. *Voprosy Jazykoznanija*, (1), 104–120. <https://doi.org/10.31857/0373-658X.2021.1.104-120>
13. Ilizarov, B.S. (2012). *Pochetnyi akademik Stalin i akademik Marr* [The honorary academician Stalin and academician Marr]. Moscow: Veche.
14. Kuznetsov, P.S. (2003). Vospominaniya [Memoirs]. *Moskovskiy lingvisticheskiiy zhurnal*, 7(1), 155–250.
15. Losev, A.F. (2002). “Ya soslan v XX vek...” [“I was exiled to the 20th century...”] (Vol. 1). Moscow: Vremya.

16. Marr, N. Ya. (1934). *Izbrannye raboty. T. 3: Yazyk i obschestvo* [Selected works. Vol. 3: Language and society]. Moscow & Leningrad: AN SSSR.
17. Marr, N. Ya. (1935). *Izbrannye raboty. T. 5: Etno- i glottogoniya Vostochnoi Evropy* [Selected works. Vol. 5: Ethnogenesis and glottogonia of Eastern Europe]. Moscow & Leningrad: AN SSSR.
18. Marr, N. Ya. (1936). *Izbrannye raboty. T. 2: Osnovnye voprosy yazykoznaniya* [Selected works. Vol. 2: Basic questions of linguistics]. Moscow & Leningrad: AN SSSR.
19. Meschaninov, I. I. (1936). *Novoe uchenie o yazyke* [New doctrine of language]. Leningrad: OGIZ.
20. Mitin, M. B. (1936). O likvidatsii klassov v SSSR i o sotsialisticheskom, vsenarodnom gosudarstve [On the liquidation of classes in the USSR and on the socialist state of the whole people]. *Pod znamenem marksizma*, (5), 1–19.
21. Nikandrov, A. V. (2022). Razvitiye kontseptsii Sovetskogo gosudarstva v 1930-e gg.: korrektsiya marksizma ili novaya teoriya gosudarstva? [Evolution of the conception of the Soviet state in the 1930s: Improvement of Marxism or a new theory of the State]. *Gosudarstvo i pravo*, (7), 110–121. <https://doi.org/10.31857/S102694520021131-5>
22. Robinson, M. A. (2004). *Sud'by akademicheskoi elity: otechestvennoe slavyanovedenie (1917 – nachalo 1930-kh godov)* [The fate of the academic elite: Russian Slavic studies (1917 – the beginning of 1930s)]. Moscow: Indrik.
23. Seriot, P. (2009). Ot lubvi k yazyku do smerti yazyka [From the love of the language to the death of the language]. *Politicheskaya lingvistika*, (1), 118–123.
24. Stalin, J. V. (1953). *Marksizm i voprosy yazykoznaniya* [Marxism and problems of linguistics]. Moscow: Gospolitizdat.
25. Sukhotin, V. P. (1951). Kritika “ucheniya” N. Ya. Marra o “klassovosti” yazyka [Criticism of Nikolai Marr’s “doctrine” of the “class” character of language]. In V. V. Vinogradov (Ed.), *Protiv vulgarizatsii i izvrascheniya marksizma v yazykoznanii* (Part 1, pp. 14–25). Moscow: AN SSSR.
26. Tikhonov, V. V. (2016). *Ideologicheskie kampanii “pozdnego stalinizma” i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-kh – 1953 g.)* [Ideological campaigns of “late Stalinism” and Soviet historical science (mid 1940s – 1953)]. Moscow & Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
27. Trushkov, V. V. (2011). Konteksty i podteksty stalinskoi raboty (razmyshleniya o broshure “Marksizm i voprosy yazykoznaniya”) [Contexts and subtexts of Stalin’s work “Marxism and problems of linguistics”]. *Evraziyskiy forum*, (1), 43–52.
28. Tsukerman, I. I. (1950). *Krupneishiy sovetskiy yazykoved N. Ya. Marr* [The distinguished Soviet linguist Nikolai Marr]. Moscow: AN SSSR.
29. Vinogradov, V. V. (1944). *Velichie i mosch' russkogo yazyka* [The greatness and might of the Russian language]. Moscow: Pravda.
30. Vinogradov, V. V. (1945). *Velikiy russkiy yazyk* [Great Russian language]. Moscow: OGIZ.
31. Vinogradov, V. V. (1950). Svobodnaya diskussiya v “Pravde” po voprosam yazykoznaniya i yeye znachenie dlya dal'neishego razvitiya sovetskoj nauki o yazyke [Free discussion on linguistics in “Pravda” and its significance for the further development of Soviet language science]. In V. V. Vinogradov (Ed.),

Voprosy yazykoznaniya v svete trudov I. V. Stalina (pp. 5–31). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

32. Voloshina, O. A. (2017). “Yafeticheskie perezhivaniya” N. Ya. Marra [“Japhetic experiences” of Nikolai Marr]. *Stephanos*, (5), 29–41.

33. Vyshinsky, A. Ya. (1936). Sovetskiy sud i sovetskaya demokratiya [Soviet court and Soviet democracy]. *Bol'shevik*, (10), 22–35.

34. Vyshinsky, A. Ya. (1949). *Voprosy teorii gosudarstva i prava* [Issues of the theory of the state and law]. Moscow: Gosjurizdat.

Информация об авторе

Алексей Всеволодович Никандров, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-8885-2752>, e-mail: bobbio71@mail.ru

Information about the author

Aleksey Vsevolodovich Nikandrov, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-8885-2752>, e-mail: bobbio71@mail.ru

ПОСТМАРКСИСТСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА: В ПОИСКАХ СИМВОЛИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ВЛАСТИ И ЭМАНСИПАЦИИ

Даниил Аркадьевич Тютченко,

Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия,
nowayborov@gmail.com

Статья поступила в редакцию 24.10.2022, принята к публикации 07.03.2023

Для цитирования: Тютченко Д.А. Постмарксистская философия языка: в поисках символических оснований власти и эмансипации // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 1. С. 71–85. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_71

Аннотация

Постмарксизм позволяет критически взглянуть как на историю западного марксизма, так и на политически победивший либерализм. Одним из теоретических источников данной критики выступает наследие языкового поворота. Однако постмарксистская философия языка так и не была концептуализирована, что делает ее интерпретацию проблемным полем. Целью настоящего исследования является экспликация основных положений постмарксистской философии языка, а также определение отношения между ней и политической философией. Рассматриваются подходы к языку и коммуникации в трех постмарксистских теориях: дискурс-анализе Э. Лаклау, Ш. Муфф и близкого к ним на определенном этапе С. Жижека; политике события А. Бадью и Ж. Рансьера; постопераизме А. Негри, М. Хардта и П. Вирно. В процессе исследования доказывается, что постмарксизм рассматривает политику как языковую ситуацию, в рамках которой власть и субъект возникают в результате сигнификации. Автор приходит к выводу, что общим местом данной философии языка является утверждение его амбивалентной природы: и власть, и эмансипация имеют символические основания и зависят от интерпретации и артикуляции. Это позволяет проследить связь между философией языка и основными понятиями,

© Тютченко Д.А., 2023

используемыми постмарксистами. Теоретический проект постмарксизма определяется в работе как переосмысление марксизма и политической философии в целом с помощью инструментария философии языка. Также отмечается различие между постмарксистским и постмодернистским подходами к языковым играм и их значению для политики.

Ключевые слова:

постмарксизм, язык, коммуникация, гегемония, событие, несогласие, постфордизм.

UDC 321.01

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_1_71

POST-MARXIST PHILOSOPHY OF LANGUAGE: IN SEARCH OF SYMBOLIC BASIS OF POWER AND EMANCIPATION

Daniil A. Tyutchenko,

Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia,
nowayborov@gmail.com

Article received on October 24, 2022, accepted on March 7, 2023

For citation: Tyutchenko, D.A. (2023). Post-Marxist Philosophy of Language: In Search of Symbolic Basis of Power and Emancipation. *Discourse-P*, 20(1), 71–85. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_71

Abstract

Post-Marxism allows us to take a critical look at both the history of Western Marxism and the politically victorious liberalism. One of the theoretical sources for this critique is the legacy of the linguistic turn. However, the post-Marxist philosophy of language has never been conceptualized, which makes its interpretation a problematic field. The purpose of this research is to explicate the main provisions of the post-Marxist philosophy of language and to determine the relationship between it and political philosophy. The article deals with the approaches to language and communication in three post-Marxist theories: the discourse analysis of E. Laclau, Ch. Mouffe and S. Žižek, who was previously close to them; the politics of the event of A. Badiou and J. Rancière; and the post-Operaism of A. Negri, M. Hardt and P. Virno. In the process of the research, it is proved that post-Marxism considers politics as a linguistic situation in which power and the subject arise as a result of signification. It is concluded that the common place of this philosophy of language is the assertion of its ambivalent nature: both power and emancipation have

symbolic foundations and depend on interpretation and articulation. This allows us to trace the connection between the philosophy of language and the basic concepts used by post-Marxists. The theoretical project of post-Marxism is defined as a rethinking of Marxism and political philosophy in general with the help of the tools of the philosophy of language. In addition, there is a difference between post-Marxist and postmodern approaches to language games and their implications for politics.

Keywords:

post-Marxism, language, communication, hegemony, event, disagreement, post-Fordism.

Введение

В современных дебатах об идентичности, репрезентации и коммуникации постмарксизм занял особое место. С одной стороны, он отвергает любые обскурантистские попытки возврата к «истокам» марксизма и «чистой» классовой политике, с другой – сохраняет критическую дистанцию по отношению к системе либеральной демократии. Ставя своей целью скорее улучшить демократические институты, чем преодолеть их, постмарксизм критикует популярные теории консенсуса и справедливости и предлагаемый ими подход к упомянутым проблемам (Mouffe, 1999, p. 2). Мы полагаем, что основанием этой критики является философия языка, лежащая в основе постмарксизма и определяющая подход к идеологии, субъективности и власти.

Исходя из этого, можно даже определить объект исследования. Несмотря на внешнюю противоречивость дефиниции, постмарксизм – это реконструкция марксизма через его деконструкцию, акцентирующая внимание на конструктивистском и контингентном потенциале наследия западного марксизма. Это особенно заметно, если учесть, что все проекты критического переосмысления марксизма пытаются примирить его с языковым поворотом, который в свое время поставил под вопрос эвристическую составляющую марксизма. Ни одна из постмарксистских теорий не могла бы возникнуть без деконструкции Ж. Деррида, психоанализа Ж. Лакана и исследований власти Ж. Фуко. Но несмотря на общие теоретические основания, авторы, которых принято относить к постмарксизму, не единодушны в определении роли языка в конструировании социального и политического пространства. Мы остановимся на анализе проблемы символического в трех разных постмарксистских теориях: дискурс-анализе Э. Лакло, Ш. Муфф и С. Жижека; политике события А. Бадью и Ж. Рансьера; постопераизме А. Негри, М. Хардта и П. Вирно.

Во всех трех случаях мы постараемся показать, и в этом заключается наш основной тезис, что проблемы постмарксистской теории языка связаны с его амбивалентной природой. Язык конструирует идентичности, но он же служит основанием для их деконструкции. Любая коммуникация сохраняет тень насилия и властных отношений, но одновременно с этим дискommunikация имплицитно указывает на возможность перехода к диалогу. Гегемоническая

власть возникает в результате ряда успешных дискурсивных артикуляций, но это же делает ее нестабильной и открывает возможность для эмансипации.

Результаты исследования

Э. Лакло и Ш. Муфф были первыми, чью теорию критики назвали пост-марксизмом из-за их ориентации на интеграцию наследия французского пост-структурализма в марксизм и критическую теорию (Терборн, 2021, с. 224–225). Сами они не стали возражать против такого наименования и даже приняли его в качестве самоназвания. В предисловии ко второму изданию своей основной работы «Гегемония и социалистическая стратегия» они высказались об этом так: «Пересмотр марксистской теории в свете современных проблем требует деконструкции центральных категорий этой теории. Это то, что получило название постмарксизм» (Laclau & Mouffe, 2001, p. ix).

Деконструкция основных понятий марксизма ведет к созданию новой онтологической парадигмы. Иными словами, обновление онтического аппарата теории (например, пересмотр того, чем являются такие базовые для марксизма сущности, как «класс», «партия или «производство») неизбежно провоцирует более фундаментальные изменения на уровне онтологии, которую так или иначе подразумевает любая социальная теория. Таким онтологическим изменением, которое претерпел марксизм в процессе его критики и переосмысления в работах Э. Лакло и Ш. Муфф, можно назвать переход от эссенциализма к антиэссенциализму. Принципиальное отличие этих двух онтологических планов заключается в том, что эссенциализм в любых его формах, в том числе марксистской, исходит из додискурсивного существования социальных феноменов, определяющего их символическую артикуляцию. Например, сущность класса – это его положение в капиталистической системе разделения труда. Она, таким образом, рассматривается как полностью автономная от соответствующего ей дискурсивного опосредования и предшествующая ему. Более того, эта объективная и статичная сущность, определяемая экономически, детерминирует те означающие, которые репрезентируют ее. С точки зрения эссенциалистского подхода, рабочий класс уже всегда предрасположен к социалистической идеологии в силу своего экономического положения, и рано или поздно неизбежно придет к ней. Референт (материальные производственные отношения) активизирует пассивные означающие, которые влияют на субъектов, но только как индекс реальных отношений.

Теоретики дискурс-анализа стремятся перевернуть эту марксистскую формулу: социальные субъекты и объекты не предшествуют символическому порядку, а конструируются им. Для аргументации они обращаются к постструктуралистской философии языка, но в истории западного марксизма есть еще одна важная концепция, которая служит основанием их теории, – идея гегемонии А. Грамши. Он был первым, кто заметил, что марксистское понимание государства и политики, акцентирующее внимание в первую очередь на роли аппарата принуждения, не способно адекватно проанализировать режимы, в которых согласие преобладает над насилием. Любой режим, с точки зрения А. Грамши, становится устойчивым только в том случае, если господствующему классу удастся распространить свои ценности на все общество и сделать возможным добровольное принятие его власти остальными классами (Грамши,

1959, с. 86). Пространство, конструируемое гегемонией, является символическим, и борьба классов за его переопределение также принадлежит к этому регистру. Можно сказать, что авторы придают этой интенции абсолютное значение. Материальные отношения, которые прежде были отправной точкой марксистского теоретизирования, сводятся ими к сумме дискурсивных артикуляций. Следовательно, экономические противоречия имеют значение только в том случае, если они находят свое выражение в гегемонистском/контргегемонистском дискурсе наравне с другими его элементами.

Такой подход к гегемонии подрывает континуум марксистских категорий и их краеугольный камень – идею исторической необходимости. Отношения гегемонии и борьба в очерченных ими рамках носят принципиально контингентный характер – результат этой борьбы невозможно определить заранее, ссылаясь на логику развития производственных сил и производственных отношений. Контингентность затрагивает не только борьбу субъектов, но и саму генеалогию субъекта: идентичность не предшествует гегемонии, как считалось прежде, а учреждается и артикулируется ей или, словами Ш. Муфф, «власть должна пониматься не как внешнее отношение, существующее между двумя предустановленными идентичностями, а скорее как устанавливающее сами эти идентичности» (Муфф, 2004, с. 193). Это значит, что класс не предшествует классовой борьбе, а возникает в сложном процессе дискурсивной объективации и субъективации. Э. Лакло формулирует вывод из этого так: «Различие между движением и его идеологией не только безнадежно, но и неуместно» (Laclau, p. 13).

Однако дискурс-анализ не является просто марксистской интерпретацией деконструкции, как может показаться на первый взгляд. Чтобы прояснить статус реального (т.е. того, что влияет на символический порядок, но само не поддается символизации), они обращаются к психоанализу Ж. Лакана. По его мнению, символический порядок всегда структурируется вокруг реального, определяемого как нехватка, объект желания, который не может быть полноценно вписан в систему означающих. Следовательно, дискурс всегда конституируется своим недостающим элементом – реальным, функция которого внутри символической системы полностью негативна, его содержание сводится к имманентной невозможности быть репрезентируемым (Лакан, 2004, с. 57). С. Жижек, Э. Лакло и Ш. Муфф включают реальное в свою теорию похожим образом: единственным реальным, которое онтологически предшествует символизации и ускользает от нее, является сама непреодолимость социальных антагонизмов. Задача гегемонии, таким образом, заполнить лауну реального с помощью идеологического дискурса, который исключает противоречие из поля зрения интерпретированного субъекта. Подобный гегемонистский дискурс, впрочем, как и контргегемонистский, функционирует путем фиксации всей массы значений в центральном означающем – узловой точке (Жижек, 1999, с. 93). Например, для доминирующего сегодня неолиберализма такой узловой точкой является «экономическая свобода», вокруг которой структурируются все остальные означающие. Это указывает на еще один парадокс языка идеологии: его главный элемент, который задает значение для всех остальных, столь же произволен и не менее отдален от реального, чем любые другие; он не репрезентирует, но замещает собой реальную непреодолимость противоречий.

Как ни странно, понимание социальных и политических антагонизмов как неустранимых не ведет дискурс-анализ к критике демократии как таковой. Наоборот, она служит основанием для концептуального перехода от демократии консенсуса, главными сторонниками которой выступают Дж. Роулз и Ю. Хабермас, к радикальной демократии. Если идеалом сторонников консенсуальной модели является диалог равноправных субъектов, последовательно устраняющий все противоречия, то радикальная демократия стремится не нивелировать противоречия, а скорее обнажить их. Например, С. Жижек подвергает критике саму возможность существования пространства рационального диалога полностью равных собеседников. Любое социальное взаимодействие, в силу свойств самого языка, не свободно от насилия и принуждения: в нем сталкиваются субъекты, наделенные разным количеством власти и располагающие разными средствами выражения, чтобы обговорить ситуацию неравенства, их языки принципиально отличаются; один стремится оспорить статус-кво, а другой сохранить его (Жижек, 2010, с. 52). Несмотря на это, радикальная демократия в определенном смысле сама является коммуникативной средой субъектов, пусть неравных и противоборствующих. Она должна преобразовать антагонизм в агонизм или, иными словами, дискommунитивное отношение «друг – враг» в коммуникативное «союзник – соперник», основанием для которого является признание легитимности своего оппонента (Муфф, 2005, с. 195).

Здесь мы можем наблюдать амбивалентность языка, о которой было сказано во введении. В данном случае именно она открывает возможность для демократической политики: язык всегда отсылает к определенному насилию и неравенству, но оно оспаривается с его же помощью, превращая борьбу врагов в коммуникацию соперников. Двойственность языка, с нашей точки зрения, может быть объяснена только как следствие его зависимости от артикуляции. Субъект политики, вступая в борьбу за гегемонию, постоянно преобразует символическое пространство последовательностью высказываний. Таким образом, язык, будучи сам по себе нейтральным, служит целям разных субъектов, один из которых стремится сохранить текущее неравенство, а другой преобразовать его. И именно в результате этого он приобретает свои амбивалентные очертания.

Схожую точку зрения в отношении связи между языком и говорящим субъектом высказывают А. Бадью и Ж. Рансьер. Говоря об этих мыслителях, необходимо отметить, что несмотря на многолетний продуктивный диалог между ними и схожую биографию (оба принадлежали к так называемой школе Альтюссера в 1960-е гг. и участвовали в студенческом движении), они не образуют общей школы и имеют ряд существенных разногласий. Тем не менее мы расположили их теории вместе на основании фундаментального сходства: оба философа рассматривают политику как определенную языковую ситуацию, создаваемую столкновением интерпретаций.

Как мы могли увидеть выше, постмарксизм определяет политическое пространство не просто как непрерывный поток означающих, но пытается объяснить, каким образом этот поток приостанавливается и структурируется. Политика в этой перспективе понимается скорее как столкновение дискурсов, которым удалось зафиксировать множество означающих вокруг узловой точки, нежели просто как свободная языковая игра. В этом, пожалуй, главное отличие постмарксистской философии языка от постмодернистской, которую можно обнаружить

в трудах Ж.-Ф. Лиотара и Дж. Ваттимо. Основная задача постмарксизма, в том числе в работах Ж. Рансьера и А. Бадью, это не опровергнуть тезис о дискурсивном конструировании политического пространства и идентичностей (наоборот, эта идея охотно принимается), а обнаружить его более глубокие основания (в том числе в самом языке), чем те, которые предлагает постмодернизм. Отталкиваясь от этого тезиса, рассмотрим их теории политики.

Интересно, что А. Бадью сформулировал программу постмарксизма за несколько лет до того, как это сделали Э. Лакло и Ш. Муфф: «Устремление моего текста состоит в том, чтобы, не смиряясь с простой регистрацией беспомощности, предложить свой собственный способ деструкции марксизма и, предохранив его от вырождения, перейти таким образом к аксиомам переустройства политики» (Бадью, 2005, с. 44). Аксиоматический метод переосмысления марксизма (а следовательно, и политики как таковой) опирается на понятия, которые А. Бадью предложил в процессе разработки собственной онтологии, в первую очередь на событие. Французский философ, объединяя онтологический аппарат с политическим, определяет событие через противопоставление ситуации: «Я называю структурой ситуации существующий механизм «счета за единицу», квалифицирующего ситуацию как именно эту ситуацию в сфере представимого» и «Я называю событием то, что при режиме Единицы квалификация оставляет в остатке, следовательно, нарушение функционирования этого режима. Событие не дано нам, поскольку определяющим для всякой данности является режим Единицы. Так что событие является продуктом некоей интерпретации» (с. 61). Ситуация соответствует тому, что ранее мы называли символическим порядком: она закрепляет неравенство и дает ему обоснование. Событие, в свою очередь, связано с тем структурным элементом, который ставит это неравенство под сомнение и не может быть репрезентирован.

Таким образом, символическое в философии языка А. Бадью принадлежит к двум регистрам: репрезентативному (ситуации) и презентативному (события). Ситуация отражает то, как символически структурируется социальное целое. Она, по выражению французского ученого, «считает множество за единицу», т. е. формально репрезентирует всех субъектов без остатка, создавая иллюзию отсутствия внешнего и исключая событийность. В действительности ситуация (например, французская парламентская демократия), конечно, всегда предполагает остаток, кого-то неучтенного. Пример, который стал классическим для левых французских авторов – нелегальные иммигранты, которых во Франции называют *sans-papiers* («не имеющие документов»). Символическая структура ситуации не включает их в себя: нет ни одного означающего, которое репрезентировало эту часть сообщества. Однако при этом отрицается сам факт неучтенности. Отдельные субъекты настолько исключены из символического порядка, что их репрезентация объявляется невозможной. Мигранты без документов сводятся либо к рабочей силе, либо к фигуре нарушителя границы, подлежащего депортации – оба случая не подразумевают легального представительства.

Именно поэтому А. Бадью характеризует событие как презентивное – оно предъявляет сам факт своего существования, разрушая символический порядок ситуации. Однако это не значит, что событие располагается за пределами языка подобно лакановскому реальному. Событие сверхформально как раз потому, что оно дестабилизирует привычное отношение между означающим и означаемым:

означающее не просто указывает на него, но производит (презентирует) событие в этом процессе сигнификации. Поскольку событие является продуктом интерпретации, оно не существует до того момента, как обрело свою дискурсивную артикуляцию в интерпретативном акте. Эту самопрезентацию события через означающее можно сравнить с перформативом, т. е. таким высказыванием, чье содержание заключается в самом акте высказывания.

Конечно, событие нельзя редуцировать к означающему, даже самому субверсивному. У события всегда есть место локализации внутри ситуации, и само оно всегда конкретно, будь то политическая забастовка, научное открытие или поэма, иными словами, оно не является языковой игрой. Однако его значение, благодаря которому событие становится действительным, всегда задается ретроактивно как результат интерпретации или, точнее, наименования уже свершившегося (Бадью, 2003, с. 130). Принципиально важно, что субъект, по крайней мере политический, не предшествует этой интерпретации. Можно сказать, что субъект в работах А. Бадью – тот, кто осуществляет интерпретативное вмешательство, указывая тем самым на раскол ситуации, который привносит событие. Генеалогия политического субъекта дискурсивна в том смысле, что он конституируется актом интерпретации и его артикуляцией, не являясь при этом пассивным эффектом символической структуры, как предполагает (пост)структурализм. Это понимание субъекта отсылает нас к сформулированному ранее: язык не автономен от политического субъекта, но постоянно преобразуется его речевыми актами.

Однако субъект вмешательства, несмотря на свое дискурсивное происхождение, не является, выражаясь словами Ю. Хабермаса, «субъектом коммуникативного действия». А. Бадью настаивает на том, что событие не создает коммуникации: «Сегодня подняли большой шум вокруг коммуникации. Между тем, ясно, что именно некоммуникация, творя возможность из невозможного, способствует циркуляции истины в политике» (Бадью, 2005, с. 77). Событие, разрушая символическую ткань ситуации, не создает новое коммуникативное пространство, как предполагает Ш. Муфф, а указывает на ту точку, где диалог невозможен: результат коммуникации, предшествующей событию, скорее игнорируется, чем оспаривается. Например, символическая структура ситуации обычно исключает сам акт эмансипации как невозможный, но субверсивное действие (событие) и его интерпретация игнорируют эту формальную невозможность, предполагаемую коммуникативным консенсусом тех, чей голос учитывается. В вопросе коммуникации А. Бадью явно не учитывает, что политика сталкивается не только с необходимостью разрушения старого символического порядка, но и с созданием нового, а это неосуществимо без налаживания коммуникации между разными субъектами. Несмотря на это, с его точки зрения, теория коммуникации только маскирует полную неучтенность угнетенных.

Проблему учтенности и неучтенности подробно рассматривает в своих работах Ж. Рансьер. Он, как и А. Бадью, исходит из противопоставления – в его случае это оппозиция полиции и политики. Следуя за М. Фуко, он расширяет понятие полиции до универсального структурирующего принципа, определяющего распределение тел в социальном пространстве (Рансьер, 2013, с. 55). Напомним, что М. Фуко начиная с 1970-х гг. смещает акцент с языка на телесность, пространство и материальные практики. Конечно, он продолжает уделять большое

внимание анализу научных, юридических, медицинских и других дискурсов, но определяет конечную цель социального механизма, в который они встроены, как власть над телами. В итоге предлагается проект «политической анатомии», которая рассматривает дискурсивные и материальные практики власти в качестве стратегии контроля над телами дисциплилируемых субъектов (Фуко, 1999, с. 43).

Однако полиция в понимании Ж. Рансьера, хоть он и сохраняет заданный М. Фуко акцент на телесность, не только структурирует пространство, но и регулирует режим высказывания: «Это порядок видимого и внятного, согласно которому одна деятельность видима, а другая нет, одни слова воспринимаются как речь, а другие как шум» (Рансьер, 2013, с. 55). Можно сказать, что полиция объединяет две взаимосвязанные практики учета: с одной стороны, она задает материальную топику и практику субъекта, с другой – определяет, будет ли учтен его голос в общем коммуникативном пространстве. По этой причине французский философ определяет полицию как неполитический феномен (Рансьер, 2006, с. 99). Полицейские места (например, домашнее хозяйство для женщин или завод для пролетариев) и власть, локализованная в них, не являются политическими сами по себе, но политизируются субъектом в тот момент, когда он превращает их в место спора и заявляет, что его голос игнорируется. Иными словами, политика возникает вместе с языковой ситуацией, которая ставит под сомнение полицейский порядок учета мнений. Таким образом, не только ткань политического является дискурсивной, как утверждают Э. Лакло и Ш. Муфф, но сам объект политического спора – это язык и учет высказываний неучтенных.

На первый взгляд может даже показаться, что основа политической философии языка Ж. Рансьера – некий «лингвистический эссенциализм». Фундаментальным и единственным основанием спора (или, как чаще говорит автор, несогласия), отождествляемым с политикой, является равенство людей как говорящих существ: «Чтобы подчиняться приказу, необходимы по крайней мере две вещи: нужно понимать приказ и понимать, что ему нужно подчиняться. А для этого нужно для начала быть равным с тем, кто вами командует. Это равенство и разъедает любой естественный строй» (Рансьер, 2013, с. 40–41). Иными словами, политическое пространство конструируется спором об учете голосов, но сама эгалитарная общность, создаваемая языком, якобы является чем-то не оспариваемым и имманентным. На самом деле все несколько сложнее: у политики действительно нет другого основания, кроме равенства говорящих субъектов, но это равенство никогда не является действующим принципом само по себе. Обычный полицейский порядок любого общества, как мы отметили выше, предполагает неравный учет голосов и попросту игнорирует, что все субъекты в равной мере обладают способностью к артикулированной речи. Неучтенный субъект создает ситуацию равенства в тот момент, когда оспаривает полицейскую конфигурацию и утверждает, что его голос равноценен любому другому. Этим актом высказывания субъект доказывает, что общее коммуникативное пространство существует, хоть и не признается теми, чей голос учитывается. Подход Ж. Рансьера можно назвать эссенциализмом без эссенции: всеобщее равенство, будучи сущностью коммуникации, имеет смысл только при условии, что его актуализирует политический субъект, но никогда не действует непосредственно; это скорее предмет борьбы, чем метафизическая универсальность (Рансьер, 2006, с. 101). Наиболее важным выводом из этого

является то, что сам язык, пусть и в зависимости от определенной артикуляции, является продуктивным условием политики, направленной на достижение большего равенства.

Балансирование философии языка Ж. Рансьера между эссенциализмом и конструктивизмом имеет ряд важных последствий для теории репрезентации и субъективации. Если политика – это ситуация несогласия с исключением из общего коммуникативного поля, то политическая идентичность полностью гетерогенна по отношению к социальной идентичности. Социальную идентичность можно назвать включенной в том смысле, что она является необходимой частью социального порядка, рабочий и домохозяйка учтены именно как производящая сила в соответствии со своей социальной ролью трудящегося или воспитательницы детей. Политическая ситуация несогласия, противопоставляемая полицейской ситуации социальной диспозиции, в свою очередь создает сообщество неучтенных, которое не репрезентирует никакую социальную группу. Субъект несогласия Ж. Рансьера презентивен и перформативен в том же смысле, в котором таковым является субъект события А. Бадью: он не замещает себя каким-то «партийным означающим», но производится в результате речевого акта, который дает имя сообществу. Примером такого гетерогенного отношения между политической и социальной идентичностями в работах Рансьера служит пара «пролетарий – рабочий». Он с большим рвением доказывает, что референты этих двух означающих принципиально противоположны: «Пролетарии – не работники физического труда, не рабочий класс. Они – класс неучтенных, существующий только в самом заявлении, которым они учитываются как те, кто не был учтен» (Рансьер, 2013, с. 66). В этом смысле у пролетариата нет ни референта, ни денотата, и именно этот разрыв с символическим полем полицейской ситуации делает пролетариат политическим субъектом.

Таким образом, А. Бадью и Ж. Рансьер имплицитно предполагают двойственность языка, на которую мы уже указывали. Это особенно заметно, если обратить внимание на используемые ими противопоставления: структура неравенства называется ситуацией у А. Бадью и полицией у Ж. Рансьера. В обоих случаях она является символической и конструируется дискурсивно, но ее семантическая ткань разрушается, если язык артикулирует интерпретацию события (в терминах А. Бадью) или создает несогласие (в терминах Ж. Рансьера), что и делает язык амбивалентным. Важно, что у обоих мыслителей эта артикуляция отождествляется с политикой. Это подтверждает наш более ранний тезис об амбивалентности языка как условия демократической политики.

Другой взгляд на язык предлагают теоретики (пост)оперализма. Стоит сказать, что данные авторы, как и рассмотренные ранее, испытали значительное влияние французской теории: они часто ссылаются на М. Фуко, используют концепты Ж. Делеза, отдают дань уважения деконструкции Ж. Деррида и т. д. Одновременно с этим они принадлежат к самобытной традиции итальянского автономистского марксизма, и это в значительной мере определяет специфику их теории, в том числе в вопросе языка.

А. Негри и П. Вирно в период бурной политической борьбы в Италии второй половины XX в. принадлежали к нескольким радикальным политическим группам, которые разрабатывали альтернативную марксистскую теорию, так называемый операизм. Они отличались от других коммунистов тем, что делали

акцент на пристальном анализе капиталистической техники и непосредственного процесса труда рабочих. Как утверждал Р. Панциери, стоявший у истоков операизма, «капиталистическое использование машин не является простым искажением или отклонением от некоего «объективного» развития, которое само по себе рационально. Наоборот, машины определялись капиталом, который использовал их для дальнейшего подчинения живого труда» (Wright, 2017, p. 41). В работах операистов эта устойчивая система производства, в основе которой лежит ленточный конвейер, получила название фордизма. Именно с ним связан период относительной стабильности капитализма, интеграции рабочих партий и профсоюзов в государство и укрепления дисциплинарного режима.

Однако уже во второй половине 1970-х гг. фордизм начинает давать сбой: студенты и рабочие отказываются от однообразной работы в пользу той, которая способна дать бóльшую свободу самовыражения и активно выступают против дисциплинарного порядка. С этого момента все большее распространение получают аматериальные формы труда, основанные на коммуникации и задействующие эмоции людей. Не только в (пост) марксизме, но и в других социологических теориях эти фундаментальные изменения в капиталистическом способе производства были обобщены с помощью понятия постфордизма (Хардт, Негри, 2004, с. 246). В этом заключается особенность подхода постопераизма к языку. Он рассматривается как производительная сила, играющая решающую роль как в современном капитализме, так и в антикапиталистическом сопротивлении. С точки зрения рассмотренных ранее теорий, политический субъект производится субверсивной языковой ситуацией, в которой он заявляет о себе. П. Вирно и А. Негри согласны, что политический субъект, называемый ими вслед за Спинозой множеством, это *par excellence* лингвистическое явление, но оно имманентно современному капитализму (Вирно, 2013, с. 75). Подход постопераистов действительно можно назвать марксистским, т. к. он сосредоточивает внимание на процессе производства. Всеобщая коммуникация предстает в этом свете почти как некая форма классовой борьбы: пролетариат преодолевает ограниченность фордистского капитализма и путем внедрения языка и культуры освобождает себя от монотонного труда.

Несмотря на этот освобождающий потенциал языка, А. Негри и М. Хардт, как и другие постмарксисты, в своих совместных работах акцентируют внимание на свойственной ему двойственности: «Во все большей степени языковая общность влияет на прибыли, а также возведение локальных и глобальных иерархий. Язык поддерживает иерархические связи, по крайней мере, в трех отношениях: внутри каждой языковой общины – обеспечивая сохранение знаков общественного превосходства и неполноценности; между языковыми общинами – устанавливая преобладание одного языка над другими, скажем, доминирование английского языка в глобальном масштабе; и, наконец, в технических языках – где возникает взаимосвязь между властью и знанием» (Хардт, Негри, 2006, с. 159). Но постфордизм, будучи модусом капитализма, который более не способен подавлять творческую активность масс, вооружает субъекта инструментами борьбы с этими символическими иерархиями. Поскольку коммуникация становится неотъемлемой частью производства, то и борьба с иерархией осуществляется повсеместно. Поэтому стоит не искать отдельные точки локализации (события) политики, а признать ее ризоматичный характер.

Политика понимается как всеобщая не только на основании того, что субъект повсюду сталкивается с властными практиками (это, как показал М. Фуко, характерно и для дисциплинарного общества, которое появилось задолго до постфордизма), но и потому, что автономия частной жизни больше невозможна: постфордистский капитал разрушает демаркацию между рабочим и свободным временем, а его заточенность на коммуникацию делает частные места общими в лингвистическом смысле (Вирно, 2013, с. 30). Этот тезис можно рассматривать как еще одну попытку обоснования универсалистской политики: язык субъекта все меньше подходит для выражения партикулярных различий, свойственных отдельным идентичностям, и все больше способен артикулировать протест против системы глобального неравенства, которую А. Негри и М. Хардт удачно назвали империей.

Как мы уже заметили, философия языка разных авторов влияет и на то, как они видят возможные пути сопротивления капитализму. Постопераисты с их явным акцентом на всеобщность коммуникации и предшествующий ей «исход» пролетариата в пространство языка и культуры, параллельные капиталу и государству, дистанцируются от политики вообще, если под ней понимать борьбу за государственную власть (в отличие, например, от Ш. Муффа, которая настаивает на участии в демократических институтах). Если объектом власти в эпоху биополитики и всеобщей коммуникации становится непосредственно этот человек, то и сопротивление ей лежит в плоскости создания альтернативных пространств и образов жизни, избегающих аффиляции с капиталом и государством (Hardt & Negri, 2009, p. 152). В этом заключается глобальная субверсивная сила языка и всех способов его артикуляции от искусства до массовых акций протеста вроде *Occupy Wall Street*, которые дестабилизируют гомогенность символической структуры капитализма.

Основным двигателем этого процесса является коммуникация. Однако она, как и любой другой языковой феномен, нейтральна сама по себе и приобретает значение только благодаря определенной артикуляции. Это значит, что политический смысл коммуникации зависит от ее субъектов и целей, стоящих перед ними. Она может как закреплять неравенство, будучи фундаментом современного капиталистического производства, так и подрывать его, выступая основой солидарности внутри множества. Здесь мы обнаруживаем ту же амбивалентность языка, что и в других постмарксистских теориях, и она также находит свое выражение в противопоставлении. Язык империи противоположен языку множества.

Заключение

Мы постарались показать, что каждая из ведущих постмарксистских теорий предполагает аутентичную философию языка, которая влияет на ее понимание природы политического и социального. Резюмируя, можно сказать, что теоретический проект постмарксизма – это обновление наследия западного марксизма с помощью тех инструментов, которые предоставил языковой поворот. Конечно, он ставит под вопрос большинство базовых положений марксизма и даже открыто предлагает новую онтологическую парадигму. Неслучайно первые постмарксистские тексты второй половины 1980-х гг. начинаются

с обоснования этой онтологии, исходящей из символического конструирования политического пространства. При всей неоднородности постмарксизма, общая онтология все же предполагает несколько фундаментальных положений, разделяемых всеми направлениями. В качестве такого положения мы выделили амбивалентность языка, которая всегда проявляет себя в отношениях гегемонии и контргегемонии, полиции и политики, империи и множества.

В своем анализе современного капитализма все теоретики постмарксизма показывают, что за определенным символическим порядком (гегемонией) так или иначе скрывается неравное распределение репрезентации. Однако сопротивление ему также невозможно представить без сигнификации речи угнетенных. Обращая внимание одновременно на генеалогическую связь языка с неравенством и на его субверсивный потенциал в борьбе с ним, они делают важный шаг навстречу объединению философии языка с философией политической. И если постмарксизм не является именем синтеза этих двух философских дисциплин, то он хотя бы указывает на возможность продуктивного союза между ними.

Список литературы

1. Бадью, А. (2003). *Манифест философии*. СПб.: Machina.
2. Бадью, А. (2005). *Мета/Политика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике*. М.: Логос.
3. Вирно, П. (2013). *Грамматика множества: к анализу форм современной жизни*. М.: Ад Маргинем Пресс.
4. Грамши, А. (1959). *Избранные произведения. Т. 3: Тюремные тетради*. М.: Издательство иностранной литературы.
5. Жижек, С (1999). *Возвышенный объект идеологии*. М.: Художественный журнал.
6. Жижек, С. (2010). *О насилии*. М.: Европа.
7. Лакан, Ж. (2004). *Семинары. Кн. 11: Четыре основные понятия психоанализа*. М.: Гнозис; Логос.
8. Муфф, Ш. (2004). К агонистической модели демократии. *Логос*, (2), 180–197.
9. Рансьер, Ж. (2006). *На краю политического*. М.: Праксис, 2006.
10. Рансьер, Ж. (2013). *Несогласие: Политика и философия*. СПб.: Machina.
11. Терборн, Й. (2021). *От марксизма к постмарксизму*. М.: Издательский дом ВШЭ.
12. Фуко, М. (1999). *Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы*. М.: Ад Маргинем Пресс.
13. Хардт, М., Негри А. (2004). *Империя*. М.: Праксис.
14. Хардт, М., Негри, А. (2006). *Множество: война и демократия в эпоху империи*. М.: Культурная революция.
15. Hardt, M., & Negri, A. (2009). *Commonwealth*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press.
16. Laclau, E. (2005). *On populist reason*. London: Verso, 2005.
17. Laclau, E., & Mouffe, Ch. (2001). *Hegemony and socialist strategy*. London: Verso.

18. Mouffe, Ch. (1999). *The challenge of Carl Schmitt*. London: Verso.
 19. Wrigth, S. (2017). *Storming heaven: Class composition and struggle in Italian autonomist Marxism*. Padstow: Pluto Press.
-

References

1. Badiou, A. (2003). *Manifest filosofii* [Manifesto for philosophy]. Saint Petersburg: Machina.
2. Badiou, A. (2005). *Meta/Politika: Mozhno li myslit' politiku? Kratkij traktat po metapolitike* [Metapolitics. Can politics be thought? A short treatise on metapolitics]. Moscow: Logos.
3. Foucault, M. (1999) *Nadzirat' i nakazy'vat'*: rozhdienie tyur'my' [Discipline and punish: The birth of the prison]. Moscow: Ad Marginem Press.
4. Gramsci, A. (1959). *Izbrannye proizvedeniya. T. 3: Tyuremnye tetradi* [Selected works. Vol. 3: Prison notebooks]. Moscow: Izdatel'stvo inostranoj literatury.
5. Hardt, M., & Negri, A. (2004). *Imperiya* [Empire]. Moscow: Praxis.
6. Hardt, M., & Negri, A. (2006). *Mnozhestvo: vojna i demokratiya v e'poxu imperii* [Multitude: War and democracy in the age of empire]. Moscow: Kul'turnaya revolyuciya.
7. Hardt, M., & Negri, A. (2009). *Commonwealth*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press.
8. Lacan, J. (2004). *Seminary. Kn. 11: Chetyre osnovnye ponyatiya psixoanaliza* [The seminars. Book 11: The four fundamental concepts of psychoanalysis]. Moscow: Gnosis, Logos.
9. Laclau, E. (2005). *On populist reason*. London: Verso.
10. Laclau, E., & Mouffe, Ch. (2001). *Hegemony and socialist strategy*. London: Verso.
11. Mouffe, Ch. (1999). *The challenge of Carl Schmitt*. London: Verso.
12. Mouffe, Ch. *K agonisticheskoy modeli demokratii* [Toward an agonistic model of democracy]. *Logos*, (2), 180–197.
13. Rancière, J. (2006). *Na krayu politicheskogo* [On the shores of politics]. Moscow: Praxis.
14. Rancière, J. (2013). *Nesoglasie: Politika i filosofiya* [Disagreement: Politics and philosophy]. Saint Petersburg: Machina.
15. Therborn, G. (2021). *Ot marksizma k postmarksizmu* [From Marxism to post-Marxism]. Moscow: Izdatel'skij dom VShE'.
16. Virno, P. (2013). *Grammatika mnozhestva: K analizu form sovremennoj zhizni* [A grammar of the multitude: For an analysis of contemporary forms of life]. Moscow: Ad Marginem Press.
17. Wrigth, S. (2017). *Storming heaven: Class composition and struggle in Italian autonomist Marxism*. Padstow: Pluto Press.
18. Žižek, S. (1999). *Vozvyshenny'j ob'ekt ideologii* [The sublime object of ideology]. Moscow: Xudozhestvenny'j zhurnal.
19. Žižek, S. (2010). *O nasilii* [On violence]. Moscow: Evropa.

Информация об авторе

Даниил Аркадьевич Тютченко, студент департамента философии и религиоведения, Школа искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7960-5974>, e-mail: nowayborov@gmail.com

Information about the author

Daniil Arkadyevich Tyutchenko, Student, Department of Philosophy and Religious Studies, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7960-5974>, e-mail: nowayborov@gmail.com

ЗАПАДНЫЕ БАЛКАНЫ: ТРЕНДЫ ВЛИЯНИЯ ВНЕШНИХ ИНТЕРЕСАНТОВ

Елена Георгиевна Пономарева,

Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России,
Москва, Россия,
nastya304@mail.ru

Елена Сергеевна Арляпова,

Институт системно-стратегического анализа,
Москва, Россия,
elena.s.arlyapova@gmail.com

Статья поступила в редакцию 26.01.2023, принята к публикации 07.03.2023

Для цитирования: Пономарева Е.Г., Арляпова Е.С. Западные Балканы: тренды влияния внешних интересантов // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 1. С. 86–106. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_86

Аннотация

В условиях усиления международной напряженности Западные Балканы как исторически сложившаяся арена столкновения интересов ведущих держав требуют особого аналитического внимания. В статье подняты вопросы международной субъектности Западных Балкан (Албания, Босния и Герцеговина, Северная Македония, Сербия, Черногория и самопровозглашенная полития Косово), а также позиционирования региона в текущей неопределенности мировой политики. Основной фокус исследования – политические стратегии, позиции и конкретные

© Пономарева Е.Г., Арляпова Е.С., 2023

шаги ключевых внешних акторов, тренды и прогнозы в вопросах влияния долгосрочных бенефициаров балканской политической повестки. Отдельное внимание уделено проблемам уязвимости балканской политики Евросоюза, мнимой монолитности «западного блока», ресурсности России и китайскому потенциалу на Балканах. На базе историко-системного подхода и парадигмы неореализма проанализированы внешнеполитические цели и установки мировых грандов, ведущих свою Большую балканскую игру, также выявлено отношение обществ стран региона к присутствию «чужих». Богатый эмпирический материал позволил сделать аргументированный вывод, что Западные Балканы находятся в глубокой зависимости от внешних сил. Эхо украинского кризиса добавило остроты балканской повестке, но не изменило состав ключевых игроков. Однако уровень их присутствия разнится: «западный блок», равно как и Китай, имеют потенциал к наращиванию влияния, в то время как ресурсность РФ ограничена сербским сегментом. Тем не менее единство «коллективного Запада» на балканском поле не монолитно, и существующие в западном лагере противоречия дают Москве возможность вести более тонкую политику.

Ключевые слова:

Западные Балканы, внешнее влияние, украинский кризис, Великобритания, ЕС, Китай, Россия, США, внешние игроки.

UDC 327.8

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_1_86

WESTERN BALKANS: INFLUENCE TRENDS OF EXTERNAL STAKEHOLDERS

Elena G. Ponomareva,

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),
Russia, Moscow,
nastya304@mail.ru

Elena S. Arlyapova,

Institute of System-Strategic Analysis,
Moscow, Russia,
elena.s.arlyapova@gmail.com

Article received on January 26, 2023, accepted on March 7, 2023

For citation: Ponomareva, E.G., Arlyapova, E.S. (2023). Western Balkans: Influence Trends of External Stakeholders. *Discourse-P*, 20(1), 86-106. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_86

Abstract

In the context of increasing international tension, the Western Balkans, as a historically formed arena for the clash of interests of the leading powers, require special analytical attention. The article raises questions of the international subjectivity of the Western Balkans (Albania, Bosnia and Herzegovina, North Macedonia, Serbia, Montenegro, and the self-proclaimed polity of Kosovo), as well as the positioning of the region in the current uncertainty of world politics. The main research focus is the political strategies, positions and specific steps of key external actors; trends and forecasts in terms of the influence of long-term beneficiaries of the Balkan political agenda. Special attention is paid to the problems of the vulnerability of the EU policy towards the Balkans, the imaginary monolithic nature of the “Western bloc”, the resource capacity of Russia, and the Chinese potential in the Balkans. Based on the historical-systemic approach and the neorealism paradigm, the study analyzes the foreign policy goals and settings of the world’s giants, leading their Big Balkan Game, and also reveals the attitude of the local societies to the presence of “aliens” in the region. The rich empirical material made it possible to come up with a reasoned conclusion: the Western Balkans is highly dependent on external forces. The echo of the Ukrainian crisis has added urgency to the Balkan agenda but has not changed the composition of the key players. However, the level of their presence varies: the “Western bloc”, as well as China, have the potential to increase their influence, while the resource capacity of the Russian Federation is limited to the Serbian segment. Nevertheless, the unity of the “collective West” in the Balkans is not monolithic, and the contradictions among the Western camp give Moscow opportunities to pursue a more subtle policy.

Keywords:

Western Balkans, external influence, Ukrainian crisis, Great Britain, EU, China, Russia, USA, external actors.

Введение

Украинский кризис сместил «зрочок мира»¹ от опасного подбрюшья Европы. Однако это не означает, что Балканы израсходовали свой геополитический порох. Пестрый в этнокультурном, религиозном и политическом плане, густонаселенный полуостров, продолжающий жить своими обидами и фобиями, был и остается турбулентной зоной. Здесь, как и прежде, происходит (не всегда явное) столкновение интересов ведущих субъектов мировой политики. На фоне усиления международной напряженности балканские политики предсказуемо выражают опасения по поводу возможности включения Западных Балкан в орбиту затягивающегося конфликта². О «балкан-

¹ Выражение Г.В. Плеханова.

² *Президент Словении опасается продолжения украинского кризиса на Балканах* (2022, 11 августа). Взято 20 декабря 2022, с <https://radiosputnik.ria.ru/20220811/balkany-1808770006.html>; Tharoor, I. (2022, August 1). Russia’s war in Ukraine

ских мотивах» в нынешнем противостоянии регулярно пишет отечественная и зарубежная пресса³. Кроме того, балканская тема в прецедентном качестве не покидает риторику лидеров мировых держав уже более десяти лет⁴, начиная с грузинских событий конца 2000-х гг. О «живейшем отклике» на решение косовского вопроса в постсоветских политиях и ряде проблемных европейских территорий предупреждала Россия еще на стадии его обсуждения (Кандель, 2018, с. 93). Для экспертов «очевидно, что проблемы урегулирования этнических конфликтов, перед которыми стоит международное сообщество, стали намного масштабнее и интенсивнее именно после, а не до принятия решения по Косову» (Гарцль, 2018, с. 93). К слову, апеллирование российской стороны к состоявшемуся балканскому опыту урегулирования и, в частности, кейсу Косово в настоящее время активно используется руководством непризнанной республики для попыток форсированной интеграции в евроатлантические структуры.

Смещение аналитического фокуса на украинский театр политических и военных действий закономерно. Но и в прямой зависимости от исхода вооруженного противостояния на Украине, и отдельно от него столкновение или, как минимум, активизация ведущих игроков на балканском направлении выглядят неминуемыми. С учетом этого исследовательский интерес к нему более чем обоснован не только с эвристической, но и с практической точки зрения. Последнее особенно важно для России, уже совершавшей ошибку дипломатического «забвения» и с трудом отыгравшей небольшое количество позиций в регионе в последние несколько лет (Ропомарева, 2020).

Таким образом, цель данного исследования – дать четкую картину позиционирования региона на международной арене, определить региональные стратегии внешних игроков, оценить российские перспективы в регионе в условиях усиливающегося противостояния с Западом и общего обострения международной обстановки.

Базовыми методологическими подходами стали историко-системный, позволяющий рассмотреть процессы и ключевые события в соответствующем пространственном и хронологическом контексте вне жесткой привязки к какой-либо из существующих парадигм, а также неореализм К. Уолтца, который применил в теории системных регуляторов международных отношений наработки представителей либеральной школы. В нашем случае важна возможность оценивать намерение мирополитических гигантов не рассматривать войну в качестве альтернативы переговорному процессу для решения существующих и возникающих проблем (Waltz, 2010). Специфика плотного во всех смыслах

finds echoes in the Balkans. *The Washington Post*. Retrieved December 20, 2022, from <https://www.washingtonpost.com/world/2022/08/01/western-balkans-kosovo-ukraine/>

³ Last, J. (2022, September 23). As Russia expands its war in Ukraine, will the delicate peace in the Balkans be disrupted? *CBC News*. Retrieved December 20, 2022, from <https://www.cbc.ca/news/world/balkans-russian-influence-1.6593195>; Сысоев, Г. (2022, 22 февраля). Балканские мотивы на украинский лад. *Коммерсантъ*. Взято 20 декабря 2022, с <https://www.kommersant.ru/doc/5228293>

⁴ *Putin cites precedent of Kosovo in explaining recognition of DPR* (2022, 27 April). Retrieved December 20, 2022, from <https://tass.com/politics/1443661>

региона, а также текущие геополитические реалии определяют логику такого методологического выбора.

Географически анализ охватывает регион Западных Балкан – Албанию, Боснию и Герцеговину (БиГ), политику Косово, Северную Македонию, Черногорию и Сербию. В ряду ключевых внешних игроков стабильно представлены ЕС, Китай, РФ и США. К таковым же относится Великобритания, которая, несмотря на аффилированность по целому спектру вопросов в сфере международных отношений с Западом в целом, имеет свои, отличные от США (при всей истории стратегического партнерства в регионе) и тем более от ЕС интересы. Все другие интересные отнесены к игрокам «второго плана» и упомянуты в исследовании вскользь.

Источниковой базой для исследования стали официальные документы изучаемых стран, международных организаций, наднациональных структур, работающих по региону, публичная риторика лиц, принимающих решения или влияющих на их принятие, национальные стратегии, статистические материалы, результаты опросов по проблеме иностранного присутствия и влияния на Балканах.

Международная субъектность Западных Балкан

Балканский полуостров на протяжении столетий был и остается ареной столкновения культур, религий, борьбы великих держав. В XXI в. страны Западных Балкан, хотя и в разной степени, не только сохранили потенциал неустойчивости, но и остаются конфликтной зоной. Весьма слабые внутрорегиональные связи (даже среди бывших югославских республик) и существующие во всех странах реваншистские настроения дают грандиозные возможности для вмешательства внешних сил (Arlyarova et al., 2022, p. 218). Иными словами, Балканы всегда нужны внешним игрокам как зона борьбы, как своеобразный геополитический ринг, где можно без особых издержек для себя меряться «мягкой», «липкой» и даже «жесткой» силой.

Проблема политической самостоятельности Балкан на международной арене вообще не звучит в материалах небалканского происхождения. В многочисленных отчетах, аналитических записках и прогнозах внешних экспертов регион априори рассматривается ведомым, а вопрос обычно состоит только в том, кто в конкретный момент времени является его ведущим – в зависимости от пресловутого «баланса сил». И даже в концептуализирующих внешнеполитические задачи в западнобалканском направлении стратегиях (американской, британской и европейской) «по умолчанию, регион вновь рассматривается как территория конкуренции, отчасти – противостояния» (Энтина, 2019, с. 81). Сегодня роль зоны противостояния стала доминирующей, т. к. под ним изначально подразумевалось противодействие именно России и российскому влиянию в регионе. Конкуренция в нынешних условиях, скорее, может иметь отношение к Китаю (с перспективой перехода в более острую фазу) и наверняка игрокам «второго эшелона», например, ближневосточным государствам, ненавязчиво наращивающим присутствие в регионе.

Дискурс отсутствия политической самостоятельности Балкан в сфере международных отношений не только типичен для внешнего, но и привычен

для внутреннего восприятия. Апелляция к его пересмотру происходит редко, обычно инициируется «снизу», носит ограниченный характер, будучи чаще всего краткосрочным мобилизующим инструментом для решения каких-либо синоминутных тактических задач, и служит исключительно для внутреннего применения. Стоит отметить, что, казалось бы, очевидно нежелательный и болезненно воспринимаемый обществами дискурс зависимости от внешних сил нашел применение у элит практически всех балканских стран, давая им дополнительные возможности в политическом лавировании и аргументы в торге с мировыми тяжеловесами.

В международном контексте политическое поведение балканских столиц оценивается и прогнозируется, как правило, с позиции ожидаемой реакции: в ответ на предложенные реформы, ограничения, предложения или любое иное вмешательство. «Внезапные» политические инициативы на международной арене местных игроков тоже, как правило, хорошо скоординированы извне. С тех же позиций регулируется взаимодействие местных элит с другими внешними по отношению к локации участниками мирового политического процесса. Региональным игрокам перманентно предлагается провести своего рода политический аудит с целью взвесить угрозу отчуждения от США и Европы и сравнить с размером выгоды от положительного взаимодействия с другими партнерами, присутствие которых открыто определяется Западом как крайне нежелательное.

Такого рода политические торги – достаточно привычная для «регионазагадки», как образно определил Балканы С. А. Романенко, практика и состояние. За время их существования, а многие отсчитывают его с подводившего итоги русско-турецкой войны Берлинского конгресса 1878 г. (Романенко, 2021, с. 24), местные политические элиты и лидеры научились довольно искусным манипуляциям на этой основе, поставив их на вполне прагматичные рельсы.

С другой стороны, Западные Балканы в качестве арены соперничества мировых держав особо чувствительны к малейшим изменениям глобального международного порядка, а открытые столкновения, подобные нынешнему кризису, приводят регион в состояние практически броуновского движения, что мы и наблюдаем сегодня – в очередной раз в истории.

Позиции долгосрочных «инфлюэнсеров»

Проблема внешнего влияния на Западных Балканах за последние годы привлекла широкую аудиторию, были предприняты попытки посчитать его и измерить. Правда, интересные калькуляции охватывают период до главных событий 2022 г. Тем не менее приведем некоторые результаты. Одним из интригующих (несмотря на спорный временной отрезок – с 1986 по 2016 гг.) стало вычисление долгосрочных «инфлюэнсеров». Ими оказались 15 стран. В числе западных: Австрия, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Италия, Нидерланды, Словения, США, Франция, Хорватия, Швейцария, а также ЕС в качестве самостоятельного западного игрока. Восточные: Россия, Китай и относимая к ним Турция⁵.

⁵ Rrustemi, A., de Wijk, R., Dunlop, C., Perovska, J., & Palushi, L. (2019). Geopolitical influences of external powers in the Western Balkans. *The Hague Centre for Strategic Studies*.

Евросоюз остается ключевым торговым партнером Западных Балкан более десяти лет, тем самым обеспечивая себе позиции влияния в регионе. В случае замирения разговоров о скором членстве балканских государств в ЕС экономическое доминирование Евросоюза может стать его единственным преимуществом и аргументом для сохранения позиций на Балканах. Хотя последствия вступления Хорватии в еврозону и Шенген с 1 января 2023 г. могут оказаться не радужными (в переносном смысле, в прямом они давно уже таковы), что в свою очередь сбавит градус политической привязанности потенциальных членов к ЕС.

В долгосрочном срезе индивидуально из всех государств Германия предстает наиболее влиятельным торговым партнером со средним показателем в 12,11%. Кроме того, ее политика по отношению к региону стабильна, в отличие, например, от Франции. Зоны влияния: Северная Македония, БиГ, Черногория, Сербия и самопровозглашенное Косово. Для всех, кроме Черногории (и Албании), Германия – торговый партнер номер один. Немецкий – второй после английского по количеству изучающих иностранный язык на Балканах.

Италия, менее стабильная в оказываемом влиянии, тем не менее стала второй. Итальянское влияние распространяется преимущественно на БиГ, Черногорию и особенно Албанию. Форма влияния тоже экономическая. Третья по долгосрочному влиянию – Турция с показателем, «не составляющим и половины от немецкого», на что обратили внимание авторы исследования⁶. Самое высокое турецкое влияние наблюдается в Косово, Албании, Северной Македонии и БиГ. Самое низкое – в Черногории. На четвертом месте оказалась Франция, в основном за счет плотного сотрудничества с Албанией, т. к. в других странах региона влияние ее незначительно. Для Франции Западные Балканы остаются политическим приоритетом преимущественно с евроатлантической точки зрения.

США на девятом месте со средним показателем 3,1%. Наибольшим влиянием страна пользуется в БиГ и Косово. Наименьшим – в Черногории. А вот форма американского влияния существенно отличается от европейской. США доминируют в политической сфере, имея лишь номинальные показатели экономического участия. По итогам проведенных в рамках исследования интервью, в случае ухода США из региона респонденты ожидают немедленное переустройство политического порядка Западных Балкан под воздействием других внешних акторов.

Великобритания с показателем 2,65% пропустила вперед Хорватию и, кстати, Россию. Заметно, что даже с подчеркнутой авторами «важной ролью» и «положительным восприятием ее в регионе» контент британской части был сведен больше к воспоминаниям о проделанной работе.

Аутсайдерам с «негативным» влиянием – России, Китаю и странам Персидского залива – отведено минимум текстового пространства, с чем, конечно, трудно согласиться: как по уделенному вниманию, так и по оценке объема влияния и его дальнейших перспектив. Впрочем, с отсылкой к другим материалам тенденцию роста авторы все же отметили.

Retrieved December 20, 2022, from https://hcsc.nl/wp-content/uploads/2021/01/Geopolitical-Influences-of-External-Powers-in-the-Western-Balkans_0.pdf

⁶ Ibid, p. 150.

Действительно, подавляющее большинство материалов говорит о росте как российского, так и китайского влияния в Балканском регионе. Некоторые из них носят откровенно алармистский характер. Причем фактор текущего кризиса служит, скорее, нарастанию этих настроений, нежели переоценке с учетом изменившихся и ситуации, и возможностей ряда внешних игроков.

В контексте усиления влияния в регионе нельзя обойти вниманием такого значимого актора, как Турция. Стремление страны «развиться в глобального игрока» в последние годы все заметнее. После активизации украинского кризиса намного более востребованной стала ее роль «потенциального посредника» (Azežina, 2018) в различных переговорных комбинациях, что, несомненно, усиливает позиции Анкары и по балканским вопросам. Притязания Турции на особое влияние в бывшем «османском пространстве» – важная составляющая новой политики расширения, активно продвигаемой Р.Т. Эрдоганом. «Республика демонстрирует, что она существенный игрок в международной политике и не имеет ничего общего с той Турцией, которая была лишь исполнителем курса старших союзников»⁷. На данном этапе в свете дискуссии о вступлении в НАТО Финляндии и Швеции позиции Анкары выглядят очень сильными.

В наименьшей мере, на наш взгляд, воздействию горячей фазы украинского кризиса подверглись США (в ракурсе их влияния на Балканах). Этому способствовали сразу несколько причин. Во-первых, постоянство усилий и многосторонность их работы по региону. США не «выпускают» Балканы из повестки (собственной или НАТО), даже когда их присутствие ограничивается исключительно риторикой. Добавим к этому великолепно отточенный навык своевременного «соучастия» для успешных инициатив и оперативного дистанцирования – для провальных. Во-вторых, отсутствие очевидного риска и ответственности (в отличие, например, от ЕС) в игре на балканском поле, которое географически и политически, не в последнюю очередь усилиями США, аффилировано как раз с Евросоюзом, хотя бы на уровне интенций. В-третьих, низкая зависимость западного гегемона от союзников – в балканском, как и в других, направлении. Политика США воспринимается в качестве самостоятельной всеми странами региона, и, отбросив здесь данные опросов как не определяющие практическую балканскую политику, местные лидеры в той или иной степени «оглядываются» на американцев в принятии внешнеполитически значимых решений. Впрочем, постоянно «оглядываться» вынуждены и союзники США, особенно ярко это проявляется в случае ЕС, в меньшей степени – Великобритании. США же свободно приближаются или, наоборот, удаляются от региона, как это было в 2000-е гг. (Киясов, 2010, с. 79), без существенных репутационных издержек и потери влияния.

Эти постоянные характеристики позволяют сохранять и довольно быстро наращивать американское влияние на Балканах. В условиях текущего кризиса последнее очень вероятно, поскольку балканский театр возможных действий – это Европа, в максимальной близости к России, которая в формулировках новой

⁷ Меликян, Т. (2022, 31 октября). Какую роль в мировых делах играет Анкара, и хорошо ли это у нее получается. *Профиль*. Взято 9 февраля 2023, с <https://profile.ru/politics/kakuju-rol-v-mirovyh-delah-igraet-ankara-i-udaetsya-li-ej-eto-1188147/>

Стратегии национальной безопасности США «представляет непосредственную угрозу свободной и открытой международной системе». Примечательно, что в документе на фоне недвусмысленных обещаний поддержки европейских устремлений в адрес Грузии и Молдовы в отношении Западных Балкан прозвучали лишь намерения «помогать партнерам в укреплении демократических институтов, верховенства закона и экономического развития»⁸.

При всем постоянстве пассажа о «прочных экономических связях с регионом» в официальной риторике ключевым видится то, что более всего «США ценят свои партнерские отношения в области обороны и безопасности, в том числе с... новыми союзниками по НАТО, Черногорией и Северной Македонией»⁹. В пользу этого говорят и сведения в пилотном отчете по оборонным секторам балканских стран, отразившие факт доминирования в них американцев: «Согласно имеющимся данным, США на сегодняшний день являются крупнейшим донором оборонных секторов в регионе»¹⁰. В данном контексте упоминается также РФ, но со ссылкой на конфиденциальность сведений о российском вкладе в эти секторы сравнение оборонных вливаний не производится.

Цель США в установлении постоянного военного присутствия в Юго-Восточной Европе не являлась секретом и была презентована в числе задач американской внешней политики еще в 2017 г. в новой региональной стратегии под названием «Балканы, вперед!»¹¹ По справедливому замечанию, «повестка США больше сосредоточена на действиях внешних держав в регионе, чем на последовательной политике непосредственного взаимодействия» со странами региона¹². Это «роднит» американский подход с подходами союзников, особенно Великобритании. Общность направленности (антироссийская, позднее также антикитайская) и конечного целеполагания отражена в последовательно принятых в 2017–2018 гг. стратегиях США, Великобритании и ЕС. При всех отличиях документов вдумчивый анализ позволил сделать важное обобщение: эти ведущие западные игроки продолжают рассматривать Балканы «как еще один фронт противодействия России и арену борьбы с жупелом ее всепроникающего влияния» (Энтина, 2019, с. 81).

⁸ *National Security Strategy* (2022, October 12). Retrieved December 24, 2022, from <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>

⁹ *U.S. Commitment to the Western Balkans* (2021, April 26). Retrieved December 24, 2022, from <https://www.state.gov/u-s-commitment-to-the-western-balkans/>

¹⁰ Ignjatijević, M., Bjeloš, M., & Šterić, L. *Balkan defense monitor* (2022, March). *Belgrade Centre for Security Policy*. Retrieved December 24, 2022, from <https://bezbednost.org/wp-content/uploads/2022/03/Balkan-Defence-Monitor.pdf>

¹¹ Marusic, D., Bedenbaugh, S., & Wilson, D. (2017). *Balkan forward: A new US strategy for the region*. *JSTOR*. Retrieved December 24, 2022, from <https://www.jstor.org/stable/resrep16768?refreqid=excelsior%3Ab4fac4aaf951f3d96a8375f1ed39b2d7>

¹² Conley, H. A., & Ruy, D. (2021, May 26). *Confronting stabilocracy in the Western Balkans: A new approach for U.S. assistance*. *The Center for Strategic and International Studies*. Retrieved December 24, 2022, from <https://www.csis.org/analysis/confronting-stabilocracy-western-balkans-new-approach-us-assistance>

Такой посыл является определяющим в характеристике трендов влияния «коллективного Запада». Конечно, с нюансами для индивидуальных игроков в его составе, особенно ЕС.

Уязвимости балканской политики ЕС

Несмотря на плотную включенность в региональные дела, позиции Евросоюза представляются самыми уязвимыми в сравнении, пожалуй, со всеми другими внешними субъектами, включая Россию и Китай. Важно добавить, что не последнюю роль в создании и поддержании этой уязвимости играют союзники европейцев в лице США и Великобритании. Оба игрока «торгуют» на Балканах членством в ЕС, хоть и в уменьшенном объеме после Брекзита. Таким образом, Брюссель становится постоянным заложником не только своих собственных обещаний, но и обещаний союзников, вся тяжесть выполнения которых ложится на него индивидуально.

Кроме того, ЕС в последние годы вынужден прилагать большие усилия по поддержанию собственного авторитета и веса в международных делах. На ослабление его позиций вновь работают все остальные игроки. Примером могут служить те же «Балканы, вперед!» – стратегия американцев вышла годом раньше европейской. По сути, это не что иное, как попытка перехватить инициативу у менее расторопного союзника, к тому же вынужденного тратить дополнительное время и силы на согласование общей внешнеполитической линии, что в условиях ЕС всегда непросто. Фиксация британской стратегии на фоне выхода самой страны из Союза, в общем-то, уже малозначима. Однако она содержит завуалированный отказ считать Западные Балканы зоной исключительно европейских интересов и контроля.

Рассчитывая на поддержку союзников в столкновении с внешними по отношению к союзу игроками, ЕС в то же время подвергается серьезному давлению внутри западного альянса. Приверженность общей линии, далеко не всегда исходящей из Брюсселя, становится незыблемым условием сохранения номинального контроля и влияния ЕС на Балканах. Есть некоторая доля иронии в том, что именно Евросоюз сталкивается с такого рода сложностями, поскольку при всех оговорках он сделал для Балкан значительно больше своих союзников. Но обремененный мандатом ответственности за все неудачи на балканском поле именно Брюссель подвергается жесточайшей критике со стороны как внешнеполитических оппонентов, так и западнобалканских «подопечных».

По данным опросов, ЕС и тема членства в нем теряет популярность у балканского населения. Причина в том, что перспектива интеграции (а это до сих пор основной западный рычаг влияния в регионе) в последние годы утратила доверие¹³. Сегодня все чаще вину за «дискредитацию» ЕС в глазах балканской общественности пытаются возложить на Россию и ее усилия в информационном поле. Тем более что кризис подобного рода располагает к самому масштабному «списыванию» любого рода недостатков и неудач в адрес всеобщего оппонента.

¹³ *The effects of the war in Ukraine on the Western Balkans* (2022, August). Retrieved December 24, 2022, from <https://www.iiss.org/publications/strategic-comments/2022/the-effects-of-the-war-in-ukraine-on-the-western-balkans>

Однако европейские аналитики вынуждены признать: «благодатную почву» для дискредитирующих информационных кампаний создает «паралич процесса европейской интеграции», но никак не наоборот.

В итоге «благодатная почва» оказывается «не только в Сербии и среди сербов, проживающих в Западных Балканах, но с недавнего времени и в Северной Македонии, которая пошла на большие жертвы для разблокировки своего европейского пути». Даже для Албании и Косово, где нет пророссийских настроений, а прозападные стабильно сильны, делаются прогнозы на тот случай, если путь вступления для них останется закрытым: «их граждане могут стать более легкой мишенью для внешних игроков»¹⁴.

Завершая тему, отметим, что идея членства западнобалканских стран теряет популярность в самом Евросоюзе. Его «старожилы» занимают сдержанную позицию. Энтузиазм Великобритании в свое время по расширению в западнобалканском направлении был подхвачен Вышеградской четверкой, рисующей сценарий «темного будущего» (прямой перевод) Балкан в случае их отказа от европейского пути¹⁵. Общее число прогностических сценариев – пять. Их градация проходит четко в связке Западные Балканы – Евросоюз, хотя допущены промежуточные сценарии с вариантами региональной интеграции – сближения с балканскими соседями-членами ЕС или западнобалканских стран между собой, но с конечной точкой в виде присоединения к ЕС.

Невзирая на то, что голоса евроскептиков множатся, и отечественные, и зарубежные эксперты достаточно оптимистично оценивают перспективы ЕС, считая, что «единая Европа обладает значительным запасом прочности», и напоминая об историческом опыте, который «показывает, что европейская интеграция успешно переживала любые кризисы, даже более серьезные, чем современный» (Браницкий, 2018, с. 46). Тем более что перед лицом «российской угрозы», особенно в начале украинского кризиса, наблюдается сплочение всех западных игроков в коллективный «западный монолит», попытка выступить единым фронтом со скоординированной внешней политикой, в том числе на балканском направлении.

Евроатлантический контроль над локацией: казус БиГ

В текущих условиях регион Западных Балкан исключительно важен для союзников. Точнее, важен контроль над этой локацией. Все значимые события 2022 г. с задействованием балканских лидеров – от саммита НАТО в Мадриде 29–30 июня до встречи в Тиране 6 декабря – подчинены этой цели. В контексте обострения международной обстановки наиболее важными представляются результаты встречи в Испании. Итоговый документ – «Стратегическая концепция НАТО 2022 г.» – отчетливо продемонстрировал, что в активной работе

¹⁴ Jovanović, J. (2022, July 7). Russian disinformation in the Western Balkans during the war in Ukraine. *The Oslo Center*. Retrieved December 24, 2022, from <https://oslocenter.no/news/russian-disinformation-in-the-western-balkans-during-the-war-in-ukraine/>

¹⁵ *Western Balkans Futures. Strategic Foresight Report for 2030* (2022). Retrieved December 24, 2022, from <https://visegradinsight.eu/app/uploads/2022/03/Western-Balkans-Final.pdf>

находится БиГ¹⁶, что имело определенный международный резонанс, в виде реакции России на данное событие.

В свете изменившейся геополитической ситуации декабрьский саммит ЕС – Западные Балканы в Тиране сопровождался повышенным вниманием прессы и экспертов, а также привычно завышенными ожиданиями балканских участников. Но и на этот раз встреча не стала для Западных Балкан прорывом. Все прошло довольно обыденно: в очередной раз подтверждалась «полная и недвусмысленная приверженность перспективам членства Западных Балкан в Европейском Союзе»; была обещана опция ускорения процесса интеграции на основе все тех же «заслуживающих доверия реформ партнеров, справедливых и строгих условий...» и т.п., но, как и прежде, полностью на усмотрение Брюсселя; объявлен масштабный инвестиционный план в размере 30 млрд евро в обмен на «полное соответствие Общей внешней политике и политике безопасности»¹⁷.

Последнее предполагает присоединение к антироссийским санкциям – как часть требуемого соответствия (к слову, звучавшего и ранее). В остальном Тиранская декларация не привносит ничего ощутимо нового и очень перекликается со Стратегией 2018 г.¹⁸, фиксируя все те же сконцентрированные усилия по контролю над внешнеполитической и энергетической сферами западнобалканских политий. Индивидуально в документе названы только Албания и Северная Македония, о недавних фаворитах – Сербии и Черногории – ни слова.

В реальной «работе» у Евросоюза оказалась на данном этапе БиГ, получившая 15 декабря 2022 г. официальный кандидатский статус на саммите ЕС в Брюсселе. Еврочиновники исключительно из (гео) политических соображений закрыли глаза на имеющиеся в стране проблемы и посчитали, что требования по глубоким реформам в области демократии, обеспечению верховенства закона, приоритету основных прав человека и изменению в системе госуправления выполнены. В то же время статус кандидата не означает быстрого вступления в Союз – европейская мечта для «государства-фантома» (Пономарева, 2009) может оказаться такой же далекой, как и прежде. В соответствии с правилами, установленными в 2020 г., «ЕС может остановить, прекратить или перезапустить переговорный процесс по отдельным направлениям, если не будет удовлетворен ходом обсуждений»¹⁹.

Интенсификация политических шагов Запада по Боснии была остро воспринята в РФ и стала поводом к обозначению возможной реакции. Но, судя

¹⁶ *Стратегическая концепция НАТО* (2022, 29 июня). Взято 25 декабря 2022, с https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf

¹⁷ *Tirana declaration* (2022, December 6). Retrieved December 25, 2022, from <https://www.consilium.europa.eu/media/60568/tirana-declaration-en.pdf>

¹⁸ *Strategy for the Western Balkans: EU sets out new flagship initiatives and support for the reform-driven region* (2018, February 6). Retrieved December 25, 2022, from https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_18_561

¹⁹ *Босния и Герцеговина стала кандидатом в члены ЕС* (2022, 15 декабря). Взято 26 декабря 2022, с <https://www.rbc.ru/politics/15/12/2022/639b7a169a794774f1900acd?ysclid=lclmx5qe1j725672243>

по всему, для противной стороны аналогией выступил кейс Черногории. Выводы по нему содержит Стратегия США по Балканам 2017 г.: «Несмотря на заявления о том, что вступление Черногории в НАТО представляет собой «красную черту» для Москвы, существует мало свидетельств того, что Кремль рассматривает Западные Балканы как сферу влияния, не подлежащую обсуждению, как в случае с Украиной». И если «многие сотни российских солдат сражались и погибли на Донбассе», то в БиГ, Македонии, Сербии и Косово функционирует «лишь горстка российских агентов и дипломатов»²⁰.

Работа по БиГ продолжается. Причем некоторые отечественные и сербские аналитики, знакомые со спецификой британской политики, справедливо указывают на повышенный интерес Лондона к этой балканской стране²¹. В частности, весной 2022 г. там была размещена 77-я британская бригада, известная по психологическим операциям в рамках когнитивной войны. В БиГ она «активно работает с гражданским обществом, прежде всего, на религиозной горизонтали»²².

Ответ на вопрос, каким будет дальнейшее развитие ситуации в регионе, зависит от течения общего противостояния России и Запада. До перехода его в острую фазу внешние западные игроки, наиболее вероятно, будут наращивать на Балканах присутствие, особенно военное, тем более что имеются соответствующие запросы с мест (например, Косово сделало таковой в первые дни конфликта на Украине²³). Повышать «градус политического термометра»²⁴ – в их интересах. И до тех пор, пока не произойдут принципиальные изменения в противостоянии на Украине в пользу России, градус влияния на Балканах будет выше у западных игроков.

Китай: тренд на наращивание влияния

Позиции Пекина на Балканах неотделимы от общего плана «стремительной активизации внешней политики, фактически призванной обеспечить доминирование КНР в системе международных отношений с использованием нового глобального геопроекта» (Улунян, 2021, с. 63). Это диктует тренд на наращивание влияния в «балканском звене» проекта.

²⁰ Marusic, D., Bedenbaugh, S., & Wilson, D. (2017). *Balkan forward: A new US strategy for the region*. *JSTOR*. Retrieved December 28, 2022, from <https://www.jstor.org/stable/resrep16768?refreqid=excelsior%3Ab4fac4aaf951f3d96a8375f1ed39b2d7>

²¹ Галијашевић: Британски систем глобалне деструкције против православног хришћанства (2022, 29 децембра). Взято 30 децембра 2022, с <https://www.in4s.net/galijasevic-britanski-sistem-globalne-destrukcije-protiv-pravoslavnog-hriscanstva/>

²² Великотренија готовит масштатну провакацију в Босни и Герцеговини (2022, 28 децембра). Взято 30 децембра 2022, с <https://rg.ru/2022/12/28/prepodavatel-mgimolog-ianovskij-v-interviu-rg-velikobritaniia-gotovit-masshtabnuiu-provokaciiu-v-bosnii-i-gercegovine.html>

²³ *Kosovo president asks Washington for help in joining NATO* (2022, March 17). Retrieved December 30, 2022, from <https://www.reuters.com/world/europe/kosovo-president-asks-washington-help-joining-nato-2022-03-17/>

²⁴ Толстой, Л.Н. (2008). *Война и мир* (Кн. 1, Т. 1–2, с. 457). М.: Астрель.

К настоящему моменту Китай более чем успешно справился с задачей формирования благоприятного общественного и политического климата для продвижения экономических инициатив в ключевых для себя локациях. На Западных Балканах – это прежде всего Сербия. Результатом китайских усилий стало выраженное расположение сербского населения к присутствию и деятельности Пекина в регионе. По данным опросов, на 2020 г. «сербские граждане определяли Россию и Китай как своих лучших друзей»²⁵. Причем 90 % респондентов уверены в положительном влиянии КНР (рост 30 % по отношению к 2017 г.). Для сравнения те же данные по России: 72 % положительно оценили российское влияние, и это рост в 11 % к 2017 г.

С учетом имеющихся данных можно предположить, что упор Китая на Белград продиктован не только соображениями экономики и географии – это еще и вполне прагматичный выбор в политическом смысле. Китай имеет схожую с российской целевую аудиторию на Балканах. Она прямо противоположна западной, исключая из анализа лишь идею евроинтеграции, во-первых, как широко распространенную у всех аудиторий, во-вторых, как не противоречащую китайским конечным устремлениям, даже наоборот. В этом плане именно в Сербии Китай приходил на наиболее «подготовленную почву». Косвенно это подтверждает тот факт, что наименьшее влияние Китая наблюдается в балканских странах с наименьшим российским и наибольшим западным воздействием. Самый яркий пример – Албания и информационная борьба албаноязычных СМИ.

По аналогии со скорым китайским замещением всех свободных ниш, образовавшихся на Балканах в отсутствие пристального внимания и плотной работы со стороны ЕС и США, можно допустить подобные риски для России в случае «отхода» ее с балканского направления. Возможна потеря некоторой части сторонников в пользу Китая при сохранении российского присутствия в полном объеме; это следует учитывать во взаимодействии с восточным партнером на балканском поле. Вес Китая постоянно растет: в 2021 г. на него пришлось 8 % всех торговых операций на Западных Балканах. При этом на Россию – 3 %, Турцию – 5 %, Великобританию – 3 %, ЕС – 68 %, другие страны – 13%²⁶.

Китай продвигается не только в торговой и общеэкономической, но и других сферах: культурной, академической, информационной и т. д. Одной из наиболее успешных стала «масочная дипломатия» Пекина (или «дипломатия масок и вакцин»). В Сербии ему удалось завоевать первый приз – признание сербской общественностью в качестве главного помощника страны в деле иммунизации населения и борьбы с пандемией. Этому не помешали попытки критиков обратить внимание на непрозрачность расчетов с китайцами и необоснованность позиционирования оказанной помощи как наибольшей и безвозмездной²⁷. Как

²⁵ *Many faces of Serbian foreign policy. Public opinion and geopolitical balancing* (2020, November). Retrieved December 25, 2022, from <https://bezbednost.org/wp-content/uploads/2020/11/MANY-FACES-OF-SERBIAN-FOREIGN-POLICY.pdf>

²⁶ *Infographic – the EU: Main trade partner and investor for the Western Balkans in 2021* (2023, January 9). Retrieved January 15, 2023, from <https://www.consilium.europa.eu/en/infographics/the-eu-main-trade-partner-and-investor-for-the-western-balkans/>

²⁷ *Ambasadorka Kine u Beogradu: Od svih kompanija tražimo da poštuju zakone Srbije* (2021, November 19). Retrieved December 25, 2022, from <https://www.slobodnaevropa>

следствие, в 2021 г. показатели положительного отношения к Пекину прибавили в росте: 83 % назвали Китай дружественной страной, и стабильные три четверти респондентов оценили положительно китайское присутствие²⁸.

Эти результаты подчеркивают успех продвижения восточного партнера на Балканах и конкретно в Сербии, где при всех вопросах к методам, целям, особенностям видения и ведения дел Китай, очевидно, идеализируется общественным сознанием. Неудивительно, что с таким восприятием Сербия стала фигурировать у аналитиков как олицетворение (poster child²⁹) китайского влияния. Но если до определенного времени Китай двигался в общем и целом беспрепятственно, поскольку его «подход был замаскирован лучше российского» (Улуян, 2021, с. 77), то вскоре «градус беспокойства по поводу среднесрочного и долгосрочного будущего балканского региона» у других внешних игроков стал нарастать (Пономарева, Крыканов, 2021, с. 118).

Не случайно 2021 г. ознаменовался целым рядом антикитайских инициатив ЕС в плоскости «надвигающегося экологического ущерба», нарушений трудового законодательства, торговли людьми и преступлений против прав человека³⁰. Гораздо громче зазвучали прогнозы глубокой долговой зависимости стран Западных Балкан (в числе первых европейских) от КНР. Ситуация стала накаляться еще больше на фоне внешнеполитических заявлений Китая и осложнений с США. Сегодня в многочисленных материалах и публичной риторике западных и прозападных лидеров «китайская угроза» звучит наравне с российской.

Перспективы российского влияния на Балканах

Украинский кризис внес свои коррективы в сформировавшиеся (и уже изменявшиеся в ходе кризисного витка 2014 г.) тренды влияния внешних игроков на Балканах. В наибольшей степени, на наш взгляд, это коснулось России. Ревитализация ее присутствия в регионе в конце 2000-х гг. столкнулась с серьезными препятствиями после Крымской весны. Коллективный отпор Запада в виде информационной и санкционной войн существенно отразился на способности России удержать набранные темпы роста своего влияния. Но, несмотря

org/a/cen-bo-kina-vijetnamski-radnici-linglong/31569745.html; Kostić, V., & Tomić, J. (2020, April 15). Medicinska oprema i RFZO: tajni zaključak Vlade i nevidljive nabavke. *Centar za istraživačko novinarstvo Srbije*. Retrieved December 25, 2022, from <https://www.cins.rs/medicinska-oprema-i-rfzo-tajni-zakljucak-vlade-i-nevidljive-nabavke/>

²⁸ Stavovi građana Srbije prema Kini (2021, April). Retrieved December 27, 2022, from <https://iea.rs/wp-content/uploads/2021/04/Stav-gradjana-Srbije-prema-KINI-2021-1.pdf>; *Srbija I svet: Ključni nalazi iz istraživanja javnog mnjenja* (2021, May 31). Retrieved December 27, 2022, from <http://www.cesid.rs/istrazivanja/srbija-svet-kljucni-nalazi-iz-istrazivanja-javnog-mnjenja/>

²⁹ Vladislavljev, S. (2022, September 2). Chinese Influence in Serbia. *The Center for European Policy Analysis*. Retrieved December 25, 2022, from <https://cepa.org/comprehensive-reports/chinese-influence-in-serbia/>

³⁰ China's strategic interests in the Western Balkans (2022, June). *The European Parliament*. Retrieved December 27, 2022, from [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/733558/EPRS_BRI\(2022\)733558_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/733558/EPRS_BRI(2022)733558_EN.pdf)

на вполне конкретные, ощутимые потери в самых перспективных для российского продвижения отраслях (цифровой экономике и энергетике), стране удалось адаптироваться к постоянному давлению и двигаться дальше.

Об этом свидетельствует и дрейф в западной аналитике от дискурса о «слабой России»³¹ к известной максиме «Россия никогда не бывает ни такой сильной, ни такой слабой, как выглядит». Цитата с подчеркиванием вековой ее актуальности предваряла отчетное исследование корпорации *RAND* в 2019 г., посвященное калькуляции дорогостоящих (для России: чтобы ее траты, связанные с действиями в конкретной сфере, были выше таковых для США) вариантов «разбалансировки и перенапряжения» России³².

Изначально эксперты *RAND* исходили из того, что «несмотря на уязвимости и тревоги, Россия остается могущественной страной, которой по-прежнему удастся быть равным конкурентом США в нескольких ключевых областях». Собственно, просчеты вариантов для исправления этой ситуации составляли конечную цель исследования. Среди отмеченных «уязвимостей»: цены на нефть и газ – значительно ниже пиковых, экономические санкции, падение уровня жизни и естественное старение населения, усиление авторитаризма. «Глубоко укоренившаяся (хотя и преувеличенная) тревога» России – это, по мнению экспертов *RAND*, «возможность инспирированной Западом смены режима, потери статуса великой державы и даже военного нападения».

Отметим, что среди «большезатратных» геополитических направлений Балканы не фигурировали вовсе, только Украина, Сирия, Беларусь, Южный Кавказ, Центральная Азия и Приднестровье. Самым «перспективным», т. е. «дорогим» для России (и в этом эксперты не ошиблись), стало украинское направление, сопряженное с самыми высокими рисками, что также отражено в отчете. Вообще надо сказать, что ни одно из перечисленных направлений не было признано безрисковым – в оценке звучала, как минимум, «умеренная степень».

Характеризуя нашу страну в том же 2019 г. в профильном комитете Сената, прекрасный ее знаток и бывший посол США в РФ У. Бернс отметил: «Россия доказывает, что ослабевающие державы могут быть, по крайней мере, такими же разрушительными, как и растущие, нанося удар больше своего веса, поскольку использует внутренние разногласия Запада»³³. Самые сильные стороны РФ, по его мнению, находятся в военной сфере и сфере информационной войны. Думается, причиной последнего стала многолетняя постоянная практика. Россия вела повсеместную борьбу, в том числе на Балканах, в информационном поле начиная с 2014 г.

³¹ Baev, P.K. (2015, June 8). Russia is not strong. And Putin is even weaker. *Brookings*. Retrieved December 25, 2022, from <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2015/06/08/russia-is-not-strong-and-putin-is-even-weaker/>

³² *Overextending and unbalancing Russia: Assessing the impact of cost-imposing options* (2019). Retrieved December 27, 2022, from https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html

³³ Burns, W.J. (2019, February 27). Assessing the role of the United States in the world. *Carnegie Endowment for International Peace*. Retrieved December 27, 2022, from <https://carnegieendowment.org/2019/02/27/assessing-role-of-united-states-in-world-pub-78465>

С хорошо подготовленной антироссийской кампанией ей пришлось столкнуться практически во всех локациях, кроме Косово – ввиду отсутствия необходимости. Было множество нареканий по организации ответной работы и контрмерам, но уже в марте 2018 г. беспокойство в отчетах ЕС отразило ее успешность³⁴. Усиление российского влияния даже на фоне сворачивания ряда экономических инициатив после 2014 г. фиксируется в большинстве тематических материалов. В то же время согласимся с тем, что «роль России и ее влияние в регионе сознательно или нет преувеличиваются «коллективным» Западом» (Энтина, 2019, с. 81).

На наш взгляд, это происходит вполне осознанно, поскольку приносит выгоду целому ряду бенефициаров: от финансово заинтересованных до просто поддавшихся реваншистским идеям и настроениям. Иными словами, практически всем вовлеченным в западнобалканскую повестку внешним и локальным акторам. Показательна в этом смысле, во многом вынужденная – иначе лишат инвестиций – и весьма странная включенность некоторых региональных столиц в схемы поставок вооружений на Украину. Так, в августе 2022 г. Скопье присоединяется к «комплексной поддержке союзников по НАТО и партнеров по ЕС» и заявляет о передаче Киеву танков третьего поколения, которые были закуплены у Украины во время этнополитического конфликта 2001 г.³⁵ Причем точное количество переданных машин нигде не фигурирует. Правительство Черногории поступает еще хитрее – в начале июня 2022 г. заявлено, что «предложение Министерства обороны страны направить Украине «дополнительную военную помощь» принято»³⁶. Однако до сих пор нет информации, что было направлено какое-либо оружие. Можно предположить, что причины затягивания и замыливания этого вопроса не только экономические, а кроются глубоко в истории отношений наших стран и народов.

На протяжении очень сложного для себя 2022 г. Россия демонстрировала наличие балканской карты в своей внешнеполитической повестке. В западной прессе скрупулезно отслеживались российские шаги в этом направлении³⁷. Как следует из материалов СМИ, наибольшее беспокойство вызывает кооперация РФ с Сербией и Республикой Сербской – именно эти локации находятся

³⁴ Eisentraut, S., de Leon, S. (2018, March). Propaganda and disinformation in the Western Balkans: How the EU can counter Russia's information war. *The Konrad-Adenauer-Stiftung*. Retrieved December 27, 2022, from https://www.kas.de/documents/252038/253252/7_dokument_dok_pdf_51729_2.pdf/33dbbc29-eb30-e4ec-39c8-a4c976319449?version=1.0&t=1539647810617

³⁵ *Ukrajina zahvaljuje Sjevernoj Makedoniji na donaciji tenkova* (2022, August 6). Retrieved December 27, 2022, from <https://www.slobodnaevropa.org/a/ukrajina-zahvalnica-sjeverna-makedonija-tenkovi/31976744.html>

³⁶ *Ko sa Balkana šalje najviše oružja Ukrajini?* (2022, June 21). Retrieved December 27, 2022, from <https://www.danas.rs/svet/ko-sa-balkana-salje-najvise-oruzja-ukrajini/>

³⁷ *EU candidate Serbia and Russia sign foreign policy agreement* (2022, September 24). Retrieved December 27, 2022, from <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/serbia-ap-russia-new-york-aleksandar-vucic-b2174618.html>; Karcic, H. (2022, March 30). Why NATO should worry about the Balkans. *Foreign Policy*. Retrieved December 27, 2022, from <https://foreignpolicy.com/2022/03/30/bosnia-russia-nato-ukraine-war-dodik/>

в фокусе. Это особенно важно в свете отмеченной выше активизации борьбы вокруг БиГ. В условиях украинского конфликта широко тиражируется мнение о создании Москвой предлога для дальнейшего вмешательства в боснийские дела.

Как и ее оппоненты, Россия в полной мере осознает важность Западных Балкан, тем более в текущих условиях. Есть и не без труда апробированная в регионе работающая схема: «...более активно предлагать балканским странам собственные инициативы в торгово-экономической, энергетической, инфраструктурной, инвестиционной и других сферах, в том числе в целях соответствующего влияния на общественное мнение и национальные бизнес-структуры»³⁸. Главный вопрос сегодня – хватит ли России ресурсов для поддержания влияния на балканском направлении. Возможно, не упомянутое вовсе в числе «большезатратных» геополитических направлений для России, оно по иронии может стать как раз таковым.

Заключение

Вступление человечества в затяжной и самый масштабный со времен Второй мировой войны кризис еще раз зафиксировало глубокую зависимость Западных Балкан от внешних сил. Сегодня, как и почти полтора века назад, «крупнейшие государства, международные военно-политические блоки и экономические союзы в соответствии со своими интересами проводили и проводят здесь границы, определяли и определяют лицо политических режимов, идеологий и экономических систем, пытались и пытаются урегулировать порожденные их собственными действиями межэтнические и межгосударственные конфликты» (Романенко, 2021, с. 24).

После старта горячей фазы украинского конфликта состав ключевых внешних игроков на Западных Балканах остается прежним – Великобритания, ЕС, Китай, Россия и США. Все ведущие акторы сохраняют присутствие и влияние в регионе в полном объеме. Однако «западный блок» и Китай имеют потенциал к наращиванию влияния. Ресурсность России в этом направлении под вопросом. Ограничители есть даже в лояльном Москве сербском сегменте.

Наибольшая активность Запада и России фиксируется вокруг БиГ. Интенсификация усилий с обеих сторон ведет к обострению внутригосударственных противоречий и эскалации боснийского конфликта, что с большой долей вероятности повлечет за собой внешнее вмешательство.

Сербия и тлеющий конфликт в Косово по-прежнему остаются главным «узлом» не столько внутренних противоречий, сколько полем игры внешних заинтересованных. В течение 2022 г. неоднократно возникала реальная или мнимая возможность возвращения конфликта в острую фазу. Все достигнутые договоренности продолжают носить временный характер. При этом Белград, находящийся в плоскости борьбы России и Запада (и в перспективе Китая) за доминирующее влияние в этой части Балкан, пытается максимально выгодно использовать статус самой пророссийской балканской столицы.

³⁸ Искендеров, П. А. (2018, 9 февраля). Евросоюз заманивает Западные Балканы. *Международная жизнь*. Взято 30 декабря 2022, с <https://interaffairs.ru/news/show/19297>

Несмотря на высокий, возможно, самый высокий среди внешних игроков потенциал влияния, Китай на балканском поле остается в рамках своей игры. Пекин продолжит работу в парадигме «липкой» силы, развивая экономические и социальные проекты. В свою очередь, западная коалиция во всех обличиях (ЕС, НАТО, международные организации) будет и дальше открыто позиционировать китайское влияние как нежелательное и рассматривать его в одном ключе с «российской угрозой». Однако при пристальном внимании единство «коллективного Запада» на балканском поле не выглядит монолитным: Великобритания и США согласованно и по отдельности часто играют против ЕС. Существующие в западном лагере противоречия дают возможность Москве вести более тонкую политику, если, конечно, у последней есть соответствующая стратегия, ресурсы и политическая воля.

Список литературы

1. Браницкий, А. Г. (2018). Взаимосвязь процессов интеграции и дезинтеграции в современном Евросоюзе. *Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество*, (1–2), 46–48.
2. Гарцль, Б. (2018). Открытие ящика Пандоры, или как право на самоопределение разжигает обманчивые страсти (некоторые международно-правовые аспекты независимости Косова). *Труды Института государства и права Российской академии наук*, 13(5), 92–116.
3. Кандель, П. Е. (2018). Юбилей независимости Косово: итоги и перспективы. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, (1), 91–98.
4. Киясов, А. С. (2010). «Завершая начатую работу»: политика республиканской администрации США на Западных Балканах в 2000-е годы. *Вестник Самарского государственного университета*, (5), 79–83.
5. Пономарева, Е. Г. (2009). Босния и Герцеговина: государство-фантом. *Свободная мысль*, (1), 69–84.
6. Пономарева, Е. Г., Крыканов, Д. Д. (2020). Балканское дыхание Пекина. Стратегия и тактика китайского присутствия в странах Западных Балкан. *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз*, (1), 117–137. <http://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-96-1-117-137>
7. Романенко, С. А. (2021). Балканы / Юго-Восточная Европа: Регион-загадка и регион загадок. *Актуальные проблемы Европы*, (2), 22–58. <https://doi.org/10.31249/ape/2021.02.02>
8. Улунян, Ар. А. (2021). Инициатива «Один пояс, один путь» и Балканы в оценках экспертного сообщества и СМИ Центрально-Восточной Европы (2017–2020). *Актуальные проблемы Европы*, (2), 59–83. <https://doi.org/10.31249/ape/2021.02.03>
9. Энтина, Е. Г. (2019). Приоритеты политики США, ЕС и Великобритании в Западнобалканском регионе после Брекзита. *Россия и современный мир*, (1), 72–83. <https://doi.org/10.31249/rsm/2019.01.05>
10. Arežina, S. (2018). Turkish foreign policy towards Balkans and Serbia under Davutoğlu administration. *Murmara University Journal of Political Science*,

6(2), 203–216. <http://doi.org/10.14782/ipsus.460138>

11. Arlyapova, E., Ponomareva, E., & Prorokovic, D. (2022). NATO's capabilities in global governance: On the Balkan scene. *International Organisations Research Journal*, 17(2), 208–223. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-09>

12. Ponomareva, E.G. (2020). Quo Vadis, Serbia? A multi-vector policy as a way to retain political agency. *Russia in Global Affairs*, 18(1), 158–179. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-1-158-179>

13. Waltz, K.N. (2010). *Theory of international politics*. Long Grove: Waveland Press.

References

1. Arežina, S. (2018). Turkish foreign policy towards Balkans and Serbia under Davutoğlu administration. *Murmara University Journal of Political Science*, 6(2), 203–216. <http://doi.org/10.14782/ipsus.460138>

2. Arlyapova, E., Ponomareva, E., & Prorokovic, D. (2022). NATO's capabilities in global governance: On the Balkan scene. *International Organisations Research Journal*, 17(2), 208–223. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-09>

3. Branitsky, A.G. (2018). Vzaimosvyaz' processov integracii i dezintegracii v sovremennom Evrosoyuze [Interrelation of integration and disintegration processes in the modern European Union]. *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo*, (1–2), 46–48.

4. Entina, E.G. (2019). Prioritety' politiki SShA, ES i Velikobritanii v zapadnobalkanskom regione posle Brekzita [Priorities of the USA, EU and UK policy in the Western Balkan region after Brexit]. *Rossiya i sovremennyy mir*, (1), 72–83. <https://doi.org/10.31249/rsm/2019.01.05>

5. Harzl, B. (2018). Otkrytie yashika Pandory, ili kak pravo na samoopredelenie razzhigaet obmanchivy'e strasti (nekotory'e mezhdunarodno-pravovy'e aspekty nezavisimosti Kosova) [Opening up of Pandora's box, or how the right to self-determination inflames deceptive passions (some international legal aspects of Kosovo's independence)]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk*, 13(5), 92–116.

6. Kandel, P. E. (2018). Yubilej nezavisimosti Kosovo: itogi i perspektivy [Kosovo independence anniversary: Results and prospects]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN*, (1), 91–98.

7. Kiyasov, A. S. (2010). "Zavershaya nachatuyu rabotu": politika respublikanskoj administracii SShA na Zapadnyh Balkanah v 2000-e gody ["Completing the work begun": The policy of the US Republican administration in the Western Balkans in the 2000s]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, (5), 79–83.

8. Ponomareva, E.G. & Krykanov, D.D. (2020). Balkanskoe dyhanie Pekina. Strategiya i taktika kitajskogo prisutstviya v stranax Zapadnyh Balkan [Balkan breath of Beijing. Strategy and tactics of Chinese presence in the Western Balkans]. *Politiya: Analiz. Xronika. Prognoz*, (1), 117–137. <http://doi.org/10.30570/2078-5089-2020-96-1-117-137>

9. Ponomareva, E.G. (2009). Bosniya i Gercegovina: gosudarstvo-fantom [Bosnia and Herzegovina: A phantom State]. *Svobodnaya mysl'*, (1), 69–84.

10. Ponomareva, E.G. (2020). Quo Vadis, Serbia? A multi-vector policy as a way to retain political agency. *Russia in Global Affairs*, 18(1), 158–179. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-1-158-179>

11. Romanenko, S.A. (2021). Balkany / Yugo-Vostochnaya Evropa: Region-zagadka i region zagadok [The Balkans / South-Eastern Europe: The region of mystery and mysteries of the region]. *Aktual'nye problemy Evropy*, (2), 22–58. <https://doi.org/10.31249/ape/2021.02.02>

12. Ulunyan, Ar.A. (2021). Iniciativa “Odin po yas, odin put” i Balkany v ocenkah ekspertnogo soobshhestva i SMI Centralno-Vostochnoj Evropy (2017–2020) [The initiative “One Belt, One Road” and the Balkans: The assessments of the expert community and the media of Central and Eastern Europe (2017–2020)]. *Aktual'nye problemy Evropy*, (2), 59–83. <https://doi.org/10.31249/ape/2021.02.03>

13. Waltz, K.N. (2010). *Theory of international politics*. Long Grove: Waveland Press.

Информация об авторах

Елена Георгиевна Пономарева, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8370-8597>, e-mail: nastya304@mail.ru

Елена Сергеевна Арляпова, кандидат политических наук, научный сотрудник, Институт системно-стратегического анализа, Москва, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8095-7229>, e-mail: elena.s.arlyapova@gmail.com

Information about the authors

Elena Georgievna Ponomareva, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Comparative Politics, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Moscow, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8370-8597>, e-mail: nastya304@mail.ru

Elena Sergeevna Arlyapova, Candidate of Political Sciences, Researcher, Institute of System-Strategic Analysis, Moscow, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8095-7229>, e-mail: elena.s.arlyapova@gmail.com

УДК 327.8+32.019.51

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_1_107

РОЛЬ МОЛОДЕЖНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «КМАРА» В ПОДГОТОВКЕ И ОСУЩЕСТВЛЕНИИ «РЕВОЛЮЦИИ РОЗ» В ГРУЗИИ*

Александр Олегович Наумов,

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
naumovao@my.msu.ru

Ксения Александровна Дубинкина,

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
xenia.aleksandrovna@gmail.com

Статья поступила в редакцию 22.11.2022, принята к публикации 07.03.2023

Для цитирования: Наумов А.О., Дубинкина К.А. Роль молодежной организации «Кмара» в подготовке и осуществлении «революции роз» в Грузии // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 1. С. 107–123. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_107

Аннотация

Целью статьи является изучение роли молодежной организации «Кмара» в подготовке и осуществлении осенью 2003 г. «революции роз» в Грузии. Актуальность

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

© Наумов А.О., Дубинкина К.А., 2023

исследования, впервые осуществляемого на данную тему в отечественной историографии, заключается в необходимости анализа деструктивной деятельности молодежных движений в ходе «цветных революций» с целью предотвращения подобных негативных сценариев на территории России, ее союзников и стратегических партнеров. Рассматриваются такие вопросы, как история создания «Кмары», особенности ее тактики и стратегии накануне «революции роз», деятельность в ходе свержения президента Грузии Э. Шеварднадзе. В создании организации огромную роль сыграли финансируемые Дж. Соросом структуры, особенно Институт Свободы и Фонд «Открытое общество – Грузия». Значительное влияние оказали также активисты сербского молодежного движения «Отпор». Благодаря финансированию со стороны зарубежных структур и консультативной помощи «Отпора» «Кмара» быстро стала важным актором операции по смене режима. Ее главной стратегической задачей была мобилизация протестного электората и борьба с политической апатией населения. Авторы статьи приходят к выводу, что роль «Кмары» в подготовке и осуществлении «революции роз» очень существенна, при этом молодые активисты искусно использовались организаторами «цветной революции» для захвата власти. После отставки Шеварднадзе новые президент и правительство более не испытывали необходимости в молодежной структуре, и в отсутствие поддержки со стороны зарубежных спонсоров «Кмара» достаточно быстро канула в политическое небытие.

Ключевые слова:

«цветные революции», «революция роз», Грузия, «Кмара», Э. Шеварднадзе, Фонд Сороса, Дж. Шарп, «Отпор», молодежные движения.

UDC 327.8+32.019.51

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_1_107

THE ROLE OF THE KMARA YOUTH ORGANIZATION IN THE PREPARATION AND IMPLEMENTATION OF GEORGIA'S ROSE REVOLUTION

Aleksandr O. Naumov,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
naumovao@my.msu.ru

Ksenia A. Dubinkina,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
xenia.aleksandrovna@gmail.com

Article received on November 22, 2022, accepted on March 7, 2023

For citation: Naumov, A.O., Dubinkina, K.A. (2023). The Role of the Kmara Youth Organization in the Preparation and Implementation of Georgia's Rose Revolution. *Discourse-P*, 20(1), 107-123. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_107

Abstract

The purpose of this article is to study the role of the Kmara youth organization in the preparation and implementation of the Rose Revolution, conducted in Georgia in the fall of 2003. The relevance of the research, which is being carried out on this topic for the first time in Russian historiography, lies in the need to analyze the destructive activities of youth movements during the color revolutions in order to prevent such negative scenarios on the territory of Russia, its allies and strategic partners. The article considers such issues as the history of the creation of Kmara, the peculiarities of its tactics and strategy on the eve of the Rose Revolution, and the activities during the overthrow of Georgian President Eduard Shevardnadze. The structures funded by George Soros, especially the Liberty Institute and the Open Society Georgia Foundation, played a huge role in the creation of this organization. Activists of the Serbian youth movement Otpor also had a significant influence. Thanks to funding from foreign structures and the advisory assistance of Otpor, Kmara quickly became an important actor in the Rose Revolution. Its main strategic task was to mobilize the protest electorate and to struggle against the political apathy of the population. The authors come to the conclusion that the role of Kmara in the preparation and implementation of the Rose Revolution is very significant, but in fact, the young activists were used skillfully by the organizers of the color revolution to seize power. After Shevardnadze's resignation, the new president and the government no longer felt the need for the youth structure, and in the absence of support from foreign sponsors, Kmara quickly sank into political oblivion.

Keywords:

color revolutions, Rose Revolution, Georgia, Kmara, Eduard Shevardnadze, Open Society Foundations, Gene Sharp, Otpor, youth movements.

Введение

Двадцать лет назад, в 2003 г., произошла первая «цветная революция» на постсоветском пространстве – «революция роз» в Грузии. Она представляла собой государственный переворот, одну из операций по смене политических режимов, реализованных с помощью почти идентичных инструментов и технологий «мягкой силы» в начале XXI столетия в ряде государств Восточной Европы, Центральной Азии и Закавказья. Огромную роль в победе «цветных революций» сыграло новшество социальной инженерии – формирование в качестве ударной

силы протестного движения молодежных организаций, придерживавшихся принципов ненасильственной борьбы. В ходе государственных переворотов в Сербии, Грузии, Украине и Киргизии было создано несколько таких движений, каждое из которых целенаправленно строилось по образцу предыдущего.

На наш взгляд, «цветные революции» сегодня уже можно рассматривать как уникальный феномен всеобщей истории начала XXI в. В этой связи основополагающим для нашего исследования стал системный подход, предполагающий, что объектом исследования является состоящая из взаимосвязанных элементов система, и учитывающий конкретно-исторические условия, в которых происходит развитие данной системы (применительно к рассматриваемой проблеме такой системой являются «цветные революции» в целом и молодежные движения, в них участвовавшие, в частности). Продуктивным для исследования оказался и сравнительный подход, позволяющий в рамках определенной системы оценивать причины, масштабы и значимость явлений и событий, способствуя проведению обобщений (ключевым является сравнение деятельности двух молодежных движений – сербского «Отпора» и собственно грузинской «Кмары»). Более того, учитывая, что данная научная проблема имеет ярко выраженный междисциплинарный характер, актуальным стало ее изучение в рамках концепций «электоральных революций», «патронажного президентства», «превентивного авторитаризма» и других политологических подходов. Междисциплинарный характер исследования обусловил также применение неолиберального подхода теории международных отношений для анализа ресурсов «мягкой силы» в деятельности «Кмары», изучение ключевых постулатов теории общественного договора для понимания ее тактики и стратегии, использование неоинституциональной теории для исследования проблемы эффективности импортируемых институтов и анализа популярности антиправительственных движений в странах с экстрактивными институциональными системами.

Актуальность изучения роли молодежных движений в ходе «цветных революций», особенно в непосредственно граничащих с Российской Федерацией странах, на наш взгляд, не вызывает сомнений, т. к. со стороны коллективного Запада все еще продолжают попытки реализовать на территории России и ее партнеров по ЕАЭС, ОДКБ и ШОС «цветные» сценарии, в рамках которых антиправительственным молодежным движениям отводится особая роль (последний пример – так называемый «Беломайдан» 2020 г.). Не случайно в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации 2021 г. четко прописано, что достижение целей обеспечения национальной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на «недопущение вмешательства во внутренние дела Российской Федерации, ... в том числе путем инспирирования «цветных революций». При этом особо подчеркивается важность предупреждения вовлечения в противоправную деятельность российской молодежи и проявлений радикализма в данной среде¹.

Тем не менее проблема участия молодежи и студенчества в «цветных революциях» практически не представлена в отечественном научном дискур-

¹ Указ Президента Российской Федерации № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (2021, 2 июля). Взято 15 октября 2022, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/2>

се. Можно выделить лишь исследование, посвященное сербской организации «Отпор» (Наумов, Демин, 2022), и несколько небольших работ, в которых данная тема исследуется в самом общем плане (Емельянов, 2012; Меркулов, 2015; Станчик, 2012). Их авторы утверждают, что в силу своего возраста, характера и мировоззрения молодые люди в возрасте от 15 до 25 лет являлись идеальным инструментом для организаторов «цветных революций». Во-первых, чаще всего молодежь не была обременена бытовыми проблемами (например, заботой о семье и карьере), вследствие чего у нее не было необходимости объективно и рационально задумываться о завтрашнем дне. Во-вторых, благодаря своим бунтарско-романтическим настроениям и априорной оппозиционности власти она активно способствовала «революционным» событиям: рисовала граффити, расклеивала листовки, участвовала в демонстрациях и протестных акциях, вступала в противостояние с органами правопорядка. Кроме того, ввиду недостаточного социального опыта и знаний, ограниченного характера ее практической созидательной деятельности, неполной вовлеченности в систему общественных отношений молодежь представляла самую социально неподготовленную и уязвимую часть общества. По сути, именно отсутствие жизненного опыта у молодых «революционеров» позволяло организаторам государственных переворотов сравнительно легко манипулировать их мнением. Особенно это касалось студентов, которые ощущали себя наиболее элитарной, интеллектуальной и пассионарной частью населения, обладая при этом весьма маргинальным мировоззрением. Молодежь имела более завышенные ожидания от жизни и порой искренне верила, что «цветная революция» представляет собой некое благо, борьбу «добра со «злом», была склонна судить резкими категориями и более других ощущала социальную несправедливость, сложившуюся в государствах постсоветского пространства на рубеже XX–XXI вв. (Емельянов, 2012; Меркулов, 2015; Станчик, 2012). С этими утверждениями сложно не согласиться, однако указанные работы носят скорее теоретический характер, в них не нашлось места детальному анализу роли подобных структур в той или иной операции по смене политических режимов в начале XXI в. (за исключением «бульдозерной революции» в Сербии). Данная статья, посвященная анализу деятельности молодежной организации «Кмара» в ходе «революции роз», призвана ликвидировать этот пробел в отечественной историографии, по крайней мере в отношении грузинского кейса.

История создания организации «Кмара»

Истоки «Кмары» восходят к 2000 г., когда группа оппозиционно настроенных студентов создала самоуправление в Тбилисском государственном университете. Они выступали против коррупции в сфере высшего образования и призывали к радикальным реформам этого сектора, качество которого, по их мнению, резко ухудшилось в годы правления Э. А. Шеварднадзе. В том же году около 2 тыс. студентов сформировали первый общенациональный Студенческий совет, который провел ряд резонансных мероприятий. Осенью 2001 г. во время студенческих протестов, вспыхнувших после попытки властей закрыть оппозиционный телеканал «Рустави 2», появилась еще одна молодежная структура – «Студенческое движение за Грузию». В начале 2003 г. эти группы

объединились в организацию «Кмара», что в переводе с грузинского буквально означает «Хватит!»

Стоит отметить, что огромную роль в этом процессе сыграли структуры, финансируемые одиозным американским миллиардером Дж. Соросом, – Институт Свободы, Фонд «Открытое общество – Грузия», Ассоциация молодых юристов Грузии и Ассоциации права и общественного образования (Rosenberg, 2011, p. 257). Особенно следует выделить Институт Свободы, который был основан еще в середине 1990-х гг. молодыми журналистами Л. Рамишвили и Г. Бокерией. Он предоставлял «Кмаре» материально-технические ресурсы, например, офисные помещения и компьютерное оборудование на протяжении всего периода ее деятельности, оказывал помощь в обучении активистов и способствовал координации действий с политической оппозицией режиму Шеварднадзе. Свергнутый президент, кстати, в мемуарах впоследствии непосредственно признавал большую роль Сороса в победе «революции роз» (Шеварднадзе, 2009, с. 27). По сути, Институт Свободы был движущей силой «Кмары» и участвовал во всех аспектах ее деятельности. Многие сотрудники данной соросовской структуры занимали важные позиции как в «Кмаре», так и в самом Институте (Angle, 2013, p. 46).

В конце 2002 г. Фондом Сороса в Тбилиси была организована встреча Рамишвили и Бокерии с визитерами из Сербии – С. Джиновичем (одним из лидеров молодежного движения «Отпор»), М. Благоевичем (сотрудником сербского Центра за свободные выборы и демократию) и С. Личт (главой отделения Фонда Сороса в Сербии). Спустя некоторое время Рамишвили и Бокерия отправились в Сербию, где встретились с премьер-министром З. Джиджичем, активистами «Отпора» и другими ключевыми участниками свержения С. Милошевича в ходе «бульдозерной революции» осенью 2000 г. (Collin, 2009, p. 67). После этого и было принято решение создать в Грузии по аналогии с «Отпором» молодежную антиправительственную структуру, принципы деятельности которой основывались на стратегии ненасильственной борьбы с авторитарными режимами, разработанной известным американским политтехнологом Дж. Шарпом еще в 1970-е гг. (Sharp, 1973) и с успехом примененной в ходе операции по демонстрации режима Милошевича. По сути, «Кмара» стала неким клоном «Отпора». Как справедливо подчеркивают западные исследователи вопроса В. Банс и Ш. Волчик, сходство двух молодежных движений прослеживалось даже в их названиях и логотипах, которые были практически идентичны: в переводе оба названия означали «Хватит!», а логотипы представляли собой черный сжатый кулак на белом фоне (Bunce & Wolchik, 2006, p. 60).

В апреле 2003 г. Дж. Сорос, окончательно разочаровавшийся в Шеварднадзе и не видевший более собственных финансово-экономических перспектив при сохранении власти в руках последнего, через подконтрольные структуры выделил «Кмаре» грант в размере 500 тыс. долл.² (очень солидную по грузинским меркам сумму). Это позволило молодежной организации полноценно включиться в операцию по смене правящего режима. 14 апреля в ходе своей первой

² Mackinnon, M. (2003, November 26). Georgia revolt carried mark of Soros. *The Globe and Mail*. Retrieved October 15, 2022, from <https://www.theglobeandmail.com/news/world/georgia-revolt-carried-mark-of-soros/>

публичной акции несколько сотен студентов прошли маршем от Тбилисского государственного университета к зданию правительства, скандируя свой лозунг «Кмара» и требуя отставки «коррупцированного правительства» и президента³.

Реакция властей на акцию «Кмары» оказалась на удивление неуклюжей. 21 апреля лидер входившей в пропрезидентский блок «За новую Грузию» Национально-демократической партии И. Саришвили-Чантурия, выступая на пресс-конференции и полагая, очевидно, что организация финансируется из Москвы, заявила: «Российские спецслужбы планируют крупномасштабную и хорошо подготовленную операцию под секретным названием «Кмара»⁴. Разумеется, это было глубоким заблуждением, ведь на самом деле «Кмара» по своей сути являлась молодежным крылом политической оппозиции, особенно партии «Единое национальное движение» М. Саакашвили, также финансируемой из средств Фонда Сороса.

Тактика и стратегия «Кмары» в ходе борьбы с правящим режимом

Тем временем «Кмара» активно ворвалась в общественно-политическое пространство страны в качестве нового антиправительственного актора, причем заметно отличавшегося от остальных противников режима. Как и сербский «Отпор», организация избегала жесткой иерархической структуры, в результате чего у нее не было легко идентифицируемых лидеров. Один из лидеров «Кмары» Г. Канделаки отмечал: «У нас в организации нет вертикальных связей, есть только горизонтальные»⁵. Хотя давление со стороны властей никогда не перерастало в настоящие репрессии, в Аджарии, где на членов «Кмары» оказывалось серьезное давление, эта особенность организационной структуры оказалась весьма уместной: многие активисты просто не знали друг друга и, соответственно, не могли указать властям на своих «коллег» в случае задержаний.

Примечательно, что среди первых лиц движения было немало активисток женского пола. Так, студентка юридического факультета Тбилисского госуниверситета Т. Тутберидзе выступала в качестве пресс-секретаря «Кмары»; еще одна учащаяся ведущего грузинского вуза Н. Гогиберидзе принимала деятельное участие в логистике и сборе средств; Г. Липартелиани входила в команду по связям с общественностью; К. Кобиашвили отвечала за обучение и набор новых членов (Nikolayenko, 2017, p. 162). С одной стороны, присутствие в руководстве движения молодых женщин и девушек имело важный психологический эффект, лишняя раз убеждая грузинскую общественность, что молодежная структура привержена исключительно ненасильственным действиям, с другой – такая

³ Student movement “Enough” gains momentum (2003, April 22). Retrieved October 15, 2022, from <https://old.civil.ge/eng/article.php?id=4087>

⁴ Duda, A. (2010). *When “it’s time” to say “Enough!”*. *Youth activism before and during the Rose and Orange Revolutions in Georgia and Ukraine* [Doctoral dissertation, University of Birmingham] (p. 209). Retrieved October 15, 2022, from <https://etheses.bham.ac.uk/id/eprint/1108/1/Duda10PhD.pdf>

⁵ Снегирев, В. (2003, 2 декабря). Активист Канделаки: у молодежного движения «Кмара» есть доллары и контрразведка. *Российская газета*. Взято 15 октября 2022, с <https://rg.ru/2003/12/02/kmara.html>

вовлеченность лиц женского пола в политическую жизнь страны вполне соответствовала современным тенденциям.

Тактическое планирование акций «Кмары» происходило в еженедельном режиме, в основном во время мозговых штурмов. Как только идея и детали акции получали одобрение от западных кураторов, составлялся ее подробный бюджет и начиналось исполнение в соответствии с планом. «Демократия в планировании, но диктатура в исполнении»⁶, – гласил один из главных принципов «Кмары». Принятие решений порой вызывало споры и занимало немало времени, однако грамотное распределение людских ресурсов и повышенная за счет хорошего зарубежного финансирования мотивация сводили такие проблемы к минимуму. В этой связи уместно будет отметить, что видный американский исследователь Г. Саймон еще в 1970-е гг. уделял особое внимание процессу принятия решений в организациях, т. к. именно от этого, по его мнению, зависит успешность функционирования любого объединения (Simon, 1976, p. 81), что и произошло в случае с «Кмарой».

Непосредственно стратегия «Кмары» в рамках операции по демонстрационному режиму Шеварднадзе включала два основных этапа. На первом шло создание региональных отделений, обладавших значительной автономией в деятельности, и налаживание контактов с оппозиционными партиями. При этом вербовка новичков в столице представляла собой определенную проблему для молодежного движения, т. к. большинство студентов престижных тбилисских вузов являлись детьми представителями политико-экономической элиты страны и, будучи бенефициарами существовавшего режима, не разделяли радикальных антиправительственных идей. Сельская же молодежь, чье социально-экономическое положение в условиях существовавших в Грузии экстрактивных политических и экономических институтов было менее благоприятным, оказалась более восприимчивой для агитации «Кмары». В этой связи уместно вспомнить, что один из наиболее ярких представителей неинституциональной теории Д. Норт делал акцент на том, что именно институты и институциональная структура определяют траекторию развития общества и государства (Норт, 1997, с. 17–26). В отсутствие же инклюзивных политических и экономических институтов, нацеленных на обеспечение равных возможностей и доступа к общественным благам всем гражданам (Аджемоглу, Робинсон, 2015, с. 170–174), так и не получивших развитие в независимой Грузии, общество, особенно молодежь, с объяснимым воодушевлением восприняло антиправительственные настроения «Кмары» и критику политики Э. Шеварднадзе.

В ходе этой фазы велась также работа по производству и распространению плакатов, наклеек, футболок и листовок с единственным лозунгом «Кмара», который должен был донести до общественности идею о том, что молодежь устала от злоупотреблений властей и правления Шеварднадзе в целом. Главная цель на тот момент заключалась в том, чтобы сделать это название заметным и известным. «Быть ненавистным лучше, чем быть проигнорированным, – от-

⁶ Kandelaki, G. (2006, July). Georgia's Rose Revolution: A participant's perspective. *United States Institute of Peace. Special report 167* (p. 6). Retrieved October 15, 2022, from <https://www.usip.org/sites/default/files/sr167.pdf>

кровенно признавался в 2008 г. Л. Рамишвили, – мы не пытались завоевать сердца всех. Идея состояла в том, чтобы нас заметили» (Nikolayenko, 2017, p. 161).

В ходе второго этапа, начавшегося в конце весны 2003 г., основной акцент был сделан на консолидации и мобилизации всех противников правящего режима. Эффективным методом борьбы с властями стала организация и координация одновременных действий в разных местах. Первая общенациональная акция «Кмары» состоялась 12 мая 2003 г. В этот день члены движения организовали раздачу листовок с указанием конституционных запретов на пытки и незаконное содержание под стражей, а также пикетировали полицейские участки, которые, по их мнению, были скомпрометированы злоупотреблениями и неправомерными действиями властей в отношении мирных демонстрантов. Заметим, что требования «Кмары» вполне соответствовали идеям классического либерализма, согласно которым свобода трактовалась как независимость, автономность и отсутствие принуждения, как то «естественное состояние», в основе которого лежат право на жизнь, свободу и собственность. Для целей настоящего исследования, а также для понимания тактики и стратегии «Кмары» одним из ключевых понятий является именно право на свободу, которое отрицает политическое давление, авторитаризм и деспотизм, а также свободы слова, совести, собраний (эти идеи наиболее ярко представлены в теории «общественного договора», также называемой контрактной теорией общества, берущей свое начало в трудах Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо (Локк, 1988; Руссо, 2022)). В итоге к митингующим в Тбилиси и девяти других городах Грузии присоединились так называемые правозащитные неправительственные организации, превратив тем самым «Кмару» в некий «передовой отряд» оппозиции.

Летом 2003 г. около 2 тыс. активистов «Кмары» под руководством сербских инструкторов, ветеранов «Отпора», прошли подготовку на специальных семинарах, организованных на средства Фонда Сороса⁷. Официально это делалось для «стимулирования гражданской активности», однако на самом деле молодым людям разъясняли, каким образом необходимо совершать акты гражданского неповиновения, как проводить акции, вести себя при аресте, общаться с прессой и т.д. «Они узнали, как проводить акции протеста и организовывать демонстрации», – утверждал в интервью «Вашингтон Пост» генеральный секретарь оппозиционной партии «Единое национальное движение» В. Мерабишвили⁸.

Один из самых важных уроков, которые «Кмара» извлекла из сербского опыта борьбы с правящим режимом, заключался в необходимости подорвать его основные «столпы поддержки» – полицию, армию, прокуратуру. Именно поэтому молодые активисты всячески подчеркивали, что их протест носит исключительно мирный характер и направлен только против Э. Шеварднадзе и его ближайших сподвижников, а противостоявшие им представители правоохранительных

⁷ Pope, H. (2003, November 24). Pro-West leaders in Georgia push Shevardnadze out. *The Wall Street Journal*. Retrieved October 15, 2022, from <http://www.wsj.com/articles/SB1069507873431700>

⁸ Baker, P. (2003, November 25). Tbilisi's "Revolution of Roses" mentored by Serbian activists. *The Washington Post*. Retrieved October 15, 2022, from <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/2003/11/25/tbilis-revolution-of-roses-mentored-by-serbian-activists/8cf6a82c-e1ee-4f4a-9276-b5fb6521c3fc/>

органов являются неотъемлемыми частями общества, которые сталкиваются с теми же проблемами, что и другие граждане Грузии. Единственным выходом из этой ситуации, по заявлениям лидеров «Кмары», была смена режима, что в конечном итоге привело бы к улучшению качества жизни всех жителей страны. Чтобы символизировать мирные намерения, активисты раздавали стоящим перед правительственными зданиями в оцеплении полицейским еду и цветы. Позднее один из членов организации рассказывал: «Мы пытались дать полицейским понять, что мы тоже боремся за них. Мы не винили их в коррупции. В ноябре 2003 г. мы дарили цветы и хачапури полицейским, стоявшим на улице» (Nikolayenko, 2017, p. 168). Подобная стратегия целиком соответствовала основным положениям теории «мягкой силы», сформулированной американским исследователем, представителем неолиберального направления в теории международных отношений Дж. Наем, по мнению которого «мягкая сила» – это способность привлекать, объединять людей, а не принуждать их (Nye, 2004, p. 5).

В это же время «Кмара» начала активно рекламировать себя на телевидении и радио, приглашая граждан присоединяться к проводимым ею мероприятиям – публичным дебатам, рок-концертам, митингам и другим ярким протестным акциям. Едва ли не ключевым приемом ненасильственных действий, направленных против действующего президента, стали уличные перформансы «Кмары». Например, на одной из акций молодежные активисты предлагали прохожим сфотографироваться, спуская в туалет фотографии Шеварднадзе и членов его правительства, что должно было символизировать потребность общества в избавлении от них. Еще одна уличная акция, подчеркивавшая плачевное состояние национальной экономики, – инсценировка похорон – была организована в тот день, когда правительство обнародовало новую экономическую программу (Kuzio, 2006, pp. 375–376). Огромное значение в ходе подготовки операции по свержению Шеварднадзе имело проведение культурно-массовых мероприятий, особенно рок-концертов в крупнейших городах Грузии, которые рассматривались как механизм мобилизации протестного электората, в первую очередь молодежного. В полном соответствии с методическими рекомендациями Дж. Шарпа активисты «Кмары» уделяли большое внимание и использованию технологий политического юмора. Так, одним из самых популярных развлекательных шоу на грузинском телевидении был транслируемый в 1999–2001 гг. на телеканале «Рустави 2» политический сатирический мультипликационный сериал «Дардубала», главными героями которого являлись Шеварднадзе и его министры (Manning, 2007, p. 181–184). Активисты «Кмары» не преминули обратиться к данным сюжетам, высмеивая в стиле этого сериала действующего президента, что значительно снижало его популярность в обществе.

В ходе своей деятельности «Кмара» во многом использовала маркетинговые приемы, позволявшие ей выглядеть гораздо более могущественной, чем она была на самом деле (Bunce & Wolchik, 2006, p. 60). Помимо раздачи листовок и расклеивания постеров ярким примером в этом плане стала кампания по созданию граффити, которая полностью укладывалась в стратегию ненасильственной борьбы с авторитарными режимами. Первые граффити появились вскоре после марша в Тбилиси 14 апреля, но лучшую рекламу этой кампании сделал, пожалуй, сам действующий президент. В ответ на вопрос журналиста о «Кмаре» Шеварднадзе заявил: «Если кто-то что-то пишет на тротуаре или на стене, это

не влияет на меня. Я не думаю, что власти будут дрожать и бледнеть при виде этого» (Nikolayenko, 2017, pp. 162–163). Тем самым глава государства косвенно подтвердил тот факт, что власти знают о существовании «Кмары» и, возможно, даже боятся ее. В течение следующих недель подобные граффити появились в других крупных городах Грузии, выведя эту тему на первое место в национальных новостях.

Вообще, «Кмара» старалась максимально активно позиционировать себя в местных средствах массовой информации, рассматривая присутствие в них, по словам одной из активисток движения Л. Саникидзе, как «одну из главных гарантий от насильственных действий со стороны государства» (Anglely, 2013, p. 48). На самом же деле, средства массовой информации были нужны в большей степени для привлечения внимания гражданского общества, особенно молодежи, к непосредственной деятельности организации и максимальной мобилизации своих сторонников, что в итоге «Кмаре» с успехом и удалось сделать.

«Кмара» и падение режима Э. Шеварднадзе

2 ноября 2003 г. в Грузии прошли парламентские выборы. Не дожидаясь оглашения официальных результатов и опираясь на весьма претенциозные данные организованных прозападными структурами экзитполов, «Кмара» немедленно призвала к аннулированию результатов голосования. Одновременно активизировались и другие акторы «революции роз», особенно находившаяся в жестком противостоянии с правящим режимом телекомпания «Рустави 2» и оппозиционные политические силы, которые возглавляли М. Саакашвили, Н. Бурджанадзе и З. Жвания. В стране начались массовые протесты. Через несколько дней требования демонстрантов трансформировались в отставку президента Грузии. Началась активная фаза «революции роз», которая продлилась около трех недель.

Этот период в деятельности «Кмары» характеризовался тесной координацией ее деятельности с остальными участниками операции по демонтажу режима Шеварднадзе. Особенно это касалось взаимодействия с «Рустави 2». Телеканал регулярно освещал действия молодежной организации, предоставив ей и значительное рекламное время. По словам одного из участников «революции роз», подобная реклама оказывала значительное влияние на позицию граждан относительно возможности перемен: «Они (телевизионные ролики. – А.Н., К.Д.) повлияли на менталитет людей. Старшее поколение не верило, что смена правительства возможна путем протеста. У них все еще был или есть советский менталитет, и они боялись протеста из-за 1956 и 1989 г. Но когда они увидели по телевизору кадры «Кмары», чего никогда бы не случилось во времена СССР, и осознали, что за это не последовало никакого наказания, их мышление изменилось» (Nikolayenko, 2017, pp. 163–164). В целом взаимодействие «Кмары» и «Рустави 2» имело синергетический эффект, позволяя максимально наэлектризовывать и без того напряженную ситуацию в стране, выводя на протестные митинги все большее число людей.

Плотное сотрудничество «Кмара» наладила и с оппозиционными партиями. При содействии различных прозападных неправительственных организаций движение Саакашвили делегировало сотни своих сторонников для участия в акциях

«Кмары». Н. Гогиберидзе позднее вспоминала, как велись переговоры с политическими деятелями эпохи «революции роз»: «Нам нужны были люди, чтобы провести большой митинг. Поэтому некоторые из нас обратились к различным политическим партиям с просьбой о помощи. Сначала мы пошли на вечеринку к Жвани и сказали ему, что нам нужны молодые люди для уличных акций. Мы заявили, что Саакашвили обещал нам привести 200 человек. И мы спросили Жванию: «Сколько ваша партия могла бы привести на митинг?». Он сказал нам: «500». Затем мы пошли в движение Саакашвили и сказали его однопартийцам, что Жвания обещал нам привести 500 молодых людей. Они сказали нам, что приведут 1000 молодых людей» (Nikolayenko, 2017, p. 163). Как пишет Г. Канделаки, «сотни студентов, марширующих под лозунгами таинственной организации, невиданной ранее, только усилили миф о «Кмаре» как о неизвестной, но очень могущественной силе»⁹.

Благодаря совместной и слаженной работе антиправительственных акторов в течение ноября позиции Шеварднадзе серьезно пошатнулись. 20 ноября 2003 г. были объявлены окончательные итоги выборов: блок Шеварднадзе «За новую Грузию» получил 21,32 %, политическая сила его союзника – главы Аджарии А. Абашидзе – 18,84 %, а главная оппозиционная партия – «Единое национальное движение» Саакашвили – лишь 18,08 %¹⁰. Оппозиция отказалась признать официальные итоги выборов и вывела в центр Тбилиси тысячи своих сподвижников, многие из которых были заранее доставлены автобусами из регионов в столицу. 22 ноября в ходе торжественного открытия заседания парламента нового созыва, прямо во время выступления президента Шеварднадзе, в зал ворвались сторонники Саакашвили. Вскоре все здание парламента оказалось в их руках, а ближе к ночи, не встречая никакого сопротивления, оппозиция захватила большинство правительственных зданий в столице.

23 ноября 2003 г. президент Грузии Э. Шеварднадзе подал в отставку. Интересно отметить, что буквально на следующий день активисты «Кмары» проникли в кабинет ректора Тбилисского государственного университета Р. Метревели и потребовали его увольнения¹¹. Были организованы акции протеста, сопровождавшиеся сбором подписей под петицией об уходе ректора. Однако после вмешательства временного президента Н. Бурджанадзе и главного вожака «революции роз» М. Саакашвили, в ходе которого оба политика подчеркнули автономию вуза в отношении кадровой политики, Ученый совет университета отклонил отставку Метревели. Еще одной мишенью «Кмары» в «постреволюционный» период стал глава Аджарии А. Абашидзе. Организация распространяла плакаты с лозунгом «Хватит диктатуры Абашидзе», а несколько ее членов даже объявили 23-дневную голодовку, чтобы оказать давление на местное правительство, однако безрезультатно. В начале мая 2004 г. Абашидзе все же

⁹ Kandelaki, G. (2006, July). Georgia's Rose Revolution: A participant's perspective. *United States Institute of Peace. Special report 167* (p. 7). Retrieved October 15, 2022, from <https://www.usip.org/sites/default/files/sr167.pdf>

¹⁰ *Elections to the Georgian Parliament* (2003, November 2). Retrieved October 15, 2022, from <http://psephos.adam-carr.net/countries/g/georgia/georgia2003.txt>

¹¹ *Архив внешней политики Российской Федерации*. Ф. 209. Оп. 11. П. 36. Д. 3. Л. 210.

подал в отставку и переехал в Россию, однако «Кмара» к этому уже не имела никакого отношения.

В целом, почти сразу после «революции роз» «Кмара» прекратила какую-либо активную деятельность и впоследствии исчезла с политической сцены, хотя некоторые из ее лидеров смогли установить контакты с молодежными активистами в Азербайджане, Белоруссии и на Украине с целью передачи успешного опыта по ненасильственной борьбе с авторитарными режимами. И по крайней мере в ходе «оранжевой революции» на Украине 2004 г. им удалось добиться определенных результатов. Кроме того, несколько активистов «Кмары» смогли сделать головокружительную политическую карьеру. Особенно этот тезис актуален в отношении Г. Канделаки, превратившегося из «юного паренька в кроссовках, недорогих джинсах и с рюкзаком за спиной»¹² в советника президента Саакашвили, а затем в депутата грузинского парламента и представителя Грузии в ПАСЕ.

Заключение

К 2003 г. в Грузии сформировалась неопатримониальная модель с гигантским уровнем коррупции, слиянием публичной и частной сфер, доминированием связей «патрон – клиент», кумовством, превалированием неформальных практик по отношению к установленным процедурам. Однако в отсутствие серьезных внешних и внутренних вызовов режим Шеварднадзе выглядел весьма устойчивым. В этих условиях главной задачей «Кмары» стало разрушение этой иллюзии путем максимальной мобилизации протестного электората на борьбу с властями. Для того чтобы привлечь внимание социума к многочисленным проблемам в стране, данная молодежная структура действовала весьма нестандартно. В рамках стратегии ненасильственной борьбы с авторитарными режимами она организовывала яркие уличные протесты и перформансы, рок-концерты, забастовки, голодовки и прочие акции гражданского неповиновения, привлекая все больше сторонников в стан оппозиции. Когда население Грузии осознало, что молодежные активисты из «Кмары» массово выходят на улицы и выступают против всего того, чем было недоволено общество, оно гораздо более энергично стало поддерживать идеи свержения Шеварднадзе, а затем и непосредственно участвовать в акциях, направленных на демонтаж его режима.

Ключом к успеху «Кмары» стало использование технологий «мягкой силы», позволяющих достигать политических целей без применения насилия. Этим успехом, правда, воспользовались не рядовые члены движения (как и, заметим, большинство населения Грузии), а лишь лидеры политической оппозиции во главе с М. Саакашвили, которые, придя к власти, умело избавились от своих юных соратников, требовавших выполнения наиболее радикальных обещаний вожак протеста. Это обстоятельство, однако, не отменяет той колоссальной роли, которую сыграла «Кмара» в подготовке и осуществлении «революции роз». История ее деятельности показала, каким образом в короткие сроки при

¹² Снегирев, В. (2003, 2 декабря). Активист Канделаки: у молодежного движения «Кмара» есть доллары и контрразведка. *Российская газета*. Взято 15 октября 2022, с <https://rg.ru/2003/12/02/kmara.html>

грамотно выстроенной политике (по словам самих же активистов, «с помощью ненасилия, дисциплины, координации, продвижения своего бренда и умелого использования юмора»¹³) и солидной поддержке из-за рубежа молодежные движения способны расшатать и активно содействовать демонтажу авторитарных режимов, которые в 1990-е гг. пышным цветом расцвели в республиках бывшего СССР.

В разгар «цветной революции» в Грузии численность «Кмары» составляла по разным оценкам всего от 3 до 7,5 тыс. человек (Емельянов, 2012, с. 103; Vunse & Wolchik, 2006, p. 61). Однако и этого небольшого количества активных членов, получавших обильное финансирование от западных структур и снабженных методическими рекомендациями по ненасильственной борьбе с авторитарными режимами, оказалось достаточно, чтобы внести важный вклад в свержение правившего независимой Грузией более 10 лет Э. Шеварднадзе. Именно «Кмара» смогла мобилизовать наиболее активную часть протестного электората – молодежь, а также вывести из апатии представителей других групп населения, недовольных правящим режимом, побудить их прийти на избирательные участки, отдать свой голос в пользу политической оппозиции, а затем бороться за украденные (по данным противников президента Шеварднадзе) голоса, что и стало триггером для начала активной фазы «революции роз» и ее итоговой победы.

Список литературы

1. Аджемоглу, Д., Робинсон, Дж. (2015). *Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты*. М.: АСТ.
2. Емельянов, В. А. (2012). Роль молодежных организаций в «цветных» переворотах, произошедших на пространстве бывшего СССР. *Челябинский гуманитарий*, (3), 101–103.
3. Козлова, Н. Н., Успенская, В. И. (2022). Феминистская внешняя политика: концептуализация и имплементация понятия. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 24(1), 25–41. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-25-41>
4. Локк, Дж. (1988). *Сочинения* (Т. 3). М.: Мысль.
5. Меркулов, П. А. (2015). Молодежь как основной ресурс «цветных революций» и борьба за нее. *Власть*, (6), 63–66.
6. Наумов, А. О., Дёмин Д. В. (2022). Роль молодежной организации «Отпор» в «цветной революции» в Сербии. *Вопросы истории*, (1–2), 4–18.
7. Норт, Д. (1997). *Институты, институциональные изменения и функционирование экономики*. М.: Фонд экономической книги «Начала».
8. Руссо, Ж.-Ж. (2022). *Об общественном договоре, или принципы политического права*. М.: ЮРАЙТ.
9. Станчик, С. С. (2012). Молодежные организации как ударная сила «цветных революций». *Право и политика*, (10), 1676–1679.

¹³ Kandelaki, G. (2006, July). Georgia's Rose Revolution: A participant's perspective. *United States Institute of Peace. Special report 167* (p. 5). Retrieved October 15, 2022, from <https://www.usip.org/sites/default/files/sr167.pdf>

10. Стиглиц, Д. (2005). *Ревущие девяностые. Семена развала*. М.: Современная экономика и право.
11. Шеварднадзе, Э. (2009). *Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания*. М.: Европа.
12. Angley, R.E. (2013). Escaping the Kmara box: Reframing the role of civil society in Georgia's Rose Revolution. *Studies of Transition States and Societies*, 5(1), 42–57.
13. Bunce, V., & Wolchik, Sh. (2006). Youth and electoral revolutions in Slovakia, Serbia, and Georgia. *SAIS Review of International Affairs*, 26(2), 55–65. <https://doi.org/10.1353/sais.2006.0028>
14. Collin, M. (2009). *The time of the rebels: Youth resistance movements and 21st century revolutions*. London: Serpent's Tail.
15. Kuzio, T. (2006). Civil society, youth and societal mobilization in democratic revolutions. *Communist and Post-Communist Studies*, 39(3), 365–386. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2006.06.005>
16. Manning, P. (2007). Rose-colored glasses? Color revolutions and cartoon chaos in postsocialist Georgia. *Cultural Anthropology*, 22(2), 171–213. <https://doi.org/10.1525/can.2007.22.2.171>
17. Nikolayenko, O. (2017). *Youth movements and elections in Eastern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108241809>
18. Nye, J.S. (2004). *Soft power. The means to success in world politics*. New York: Public Affairs.
19. Rosenberg, T. (2011). *Join the club. How peer pressure can transform the world*. London: Icon Books.
20. Sharp, G. (1973). *The politics of nonviolent action: in 3 volumes*. Boston: Porter Sargent.
21. Simon, H.A. (1976). *Administrative behavior. A study of decision-making processes in administrative organization*. New York: Free Press.

References

1. Acemoglu, D., & Robinson, J. (2015). *Pochemu odni strany bogatye, a drugie bednye. Proiskhozhdenie vlasti, procvetaniya i nishchety* [Why some countries are rich and others are poor. The origins of power, prosperity, and poverty]. Moscow: AST.
2. Angley, R.E. (2013). Escaping the Kmara box: Reframing the role of civil society in Georgia's Rose Revolution. *Studies of Transition States and Societies*, 5(1), 42–57.
3. Bunce, V., & Wolchik, Sh. (2006). Youth and electoral revolutions in Slovakia, Serbia, and Georgia. *SAIS Review of International Affairs*, 26(2), 55–65. <https://doi.org/10.1353/sais.2006.0028>
4. Collin, M. (2009). *The time of the rebels: Youth resistance movements and 21st century revolutions*. London: Serpent's Tail.
5. Emelyanov, V.A. (2012). Rol' molodezhnyh organizacij v "cvetnyh" perevorotah, proizoshedshih na prostranstve byvshego SSSR [The role of youth organizations in the "color" revolutions in the former USSR]. *Chelyabinskij*

gumanitarij, (3), 101–103.

6. Kozlova, N.N., & Uspenskaya, V.I. (2022). Feministskaya vneshnyaya politika: konceptualizaciya i implementaciya ponyatiya [Feminist foreign policy: Selected issues of conceptualization and implementation]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya*, 24(1), 25–41. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-1-25-41>

7. Kuzio, T. (2006). Civil society, youth and societal mobilization in democratic revolutions. *Communist and Post-Communist Studies*, 39(3), 365–386. <https://doi.org/10.1016/j.postcomstud.2006.06.005>

8. Locke, J. (1988). *Sochineniya* [The works of John Locke, Esq.] (Vol. 3). Moscow: Mysl'.

9. Manning, P. (2007). Rose-colored glasses? Color revolutions and cartoon chaos in postsocialist Georgia. *Cultural Anthropology*, 22(2), 171–213. <https://doi.org/10.1525/can.2007.22.2.171>

10. Merkulov, P.A. (2015). Molodezh' kak osnovnoj resurs "cvetnyh revolyucij" i bor'ba za nee [Young people as the main resource of "color revolutions"]. *Vlast'*, (6), 63–66.

11. Naumov, A.O., & Demin, D.V. (2022). Rol' molodezhnoj organizacii "Otpor" v "cvetnoj revolyucii" v Serbii [Role of the student movement "Otpor" in the "colour revolution" in Serbia]. *Voprosy istorii*, (1–2), 4–18.

12. Nikolayenko, O. (2017). *Youth movements and elections in Eastern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/9781108241809>

13. North, D. (1997). *Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki* [Institutions, institutional change and economic performance]. Moscow: Fond ekonomicheskoy knigi "Nachala".

14. Nye, J.S. (2004). *Soft power. The means to success in world politics*. New York: Public Affairs.

15. Rosenberg, T. (2011). *Join the club. How peer pressure can transform the world*. London: Icon Books.

16. Rousseau, J.-J. (2022). *Ob obshchestvennom dogovore, ili principy politicheskogo prava* [The social contract, or Principles of political right]. Moscow: YURAJT.

17. Sharp, G. (1973). *The politics of nonviolent action: in 3 volumes*. Boston: Porter Sargent.

18. Shevardnadze, E. (2009). *Kogda ruhnul zheleznyj zanaves. Vstrechi i vospominaniya* [When the iron curtain came down. Meetings and memories]. Moscow: Evropa.

19. Simon, H.A. (1976). *Administrative behavior. A study of decision-making processes in administrative organization*. New York: Free Press.

20. Stanchik, S.S. (2012). Molodezhnye organizacii kak udarnaya sila "cvetnyh revolyucij" [Youth organizations as a strike force of the "color revolutions"]. *Pravo i politika*, (10), 1676–1679.

21. Stiglitz, J. (2005). *Revushchie devyanostye. Semena razvala* [The roaring nineties. Seeds of destruction]. Moscow: Sovremennaya ekonomika i pravo.

Информация об авторах

Александр Олегович Наумов, доктор исторических наук, доцент кафедры международных организаций и проблем глобального управления, факультет государственного управления Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8366-5934>, e-mail: naumovao@my.msu.ru

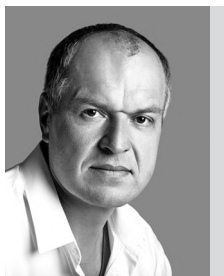
Ксения Александровна Дубинкина, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры международных организаций и мировых политических процессов, факультет мировой политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4970-2631>, e-mail: xenia.aleksandrovna@gmail.com

Information about the authors

Aleksandr Olegovich Naumov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Department of International Organizations and Global Governance, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8366-5934>, e-mail: naumovao@my.msu.ru

Ksenia Aleksandrovna Dubinkina, Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer, Department of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4970-2631>, e-mail: xenia.aleksandrovna@gmail.com

УРАЛЬСКАЯ РЕСПУБЛИКА: «ЗАБЫТЫЕ» СТРАНИЦЫ

Сергей Вячеславович Мошкин,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия,
osa-sv@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 13.02.2023, принята к публикации 07.03.2023

Для цитирования: Мошкин С.В. Уральская республика: «забытые» страницы // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 1. С. 124–140. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_124

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые обстоятельства провозглашения в 1993 г. на территории Свердловской области Уральской республики. Главным образом это касается политических мотивов ее создания и юридических процедур провозглашения. Отмечается, что при подготовке Конституции РФ 1993 г. намерения руководства Свердловской области состояли в стремлении к обеспечению конституционного равенства субъектов Федерации, для чего сначала предлагалось отказаться от разделения на национально-государственные и территориально-административные образования, превратив их в равноправные территориальные образования – губернии. Встретив сопротивление со стороны как федерального центра, так и руководителей национальных республик, свердловские власти приступили к другому, менее предпочтительному варианту достижения желаемого результата – провозгласили Уральскую республику. Однако, как показывает статья, юридические процедуры были выполнены некорректно. Так, опрос жителей, состоявшийся 25 апреля 1993 г., не был связан с изменением конституционно-правового статуса Свердловской области, а следовательно, не мог считаться достаточным основанием для провозглашения Уральской республики. Второе необходимое условие – согласие Съезда народных депутатов РФ на ее учреждение – вовсе не было выполнено, хотя и по независящим от свердловских властей обстоятельствам. В этой части авторы проекта

© Мошкин С.В., 2023

пошли на сознательное нарушение действовавшего тогда законодательства, за что понесли справедливое политическое наказание. Делается вывод, что провозглашение Уральской республики и последующая ее ликвидация силами федерального центра стали не только заметным событием постсоветской России, но и важной страницей истории региона.

Ключевые слова:

Российская Федерация, федерализм, Свердловская область, Уральская республика, сепаратизм, Э. Россель.

UDC 323+342.24

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_1_124

THE URAL REPUBLIC: “FORGOTTEN” PAGES

Sergey V. Moshkin,

Institute of Philosophy and Law
of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
osa-sv@yandex.ru

Article received on February 13, 2023, accepted on March 7, 2023

For citation: Moshkin, S.V. (2023). The Ural Republic: “Forgotten” Pages. *Discourse-P*, 20(1), 124–140. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_124

Abstract

The article discusses some circumstances, under which the Ural Republic was proclaimed in 1993 on the territory of the Sverdlovsk region. This mainly concerns the political motives for its creation and the legal procedures for its proclamation. It is noted that when preparing the Constitution of the Russian Federation 1993, the Sverdlovsk regional leadership intentionally strived to ensure the constitutional equality of the federal subjects. To achieve this aim, it was initially proposed to abandon the idea of territorial subdivision into national-state and administrative constituent entities, and to turn all subjects into equal-status territorial units – provinces. Having encountered resistance to these intentions both from the federal center and the leaders of the national republics, the Sverdlovsk authorities embarked on another, less preferable option to achieve the desired result – they proclaimed the Ural Republic. However, as the article shows, the legal procedures were carried out incorrectly. Thus, the opinion poll held on April 25, 1993, was not related to the change in the constitutional and legal status of the Sverdlovsk region, and therefore could not be considered a sufficient basis for the proclamation of the Ural Republic. The second

necessary condition – the consent of the Congress of People’s Deputies of the Russian Federation to the establishment of the Republic – was not satisfied at all, although due to circumstances beyond the control of the Sverdlovsk authorities. In this respect, the authors of the project violated deliberately the legislation in force at that time and were justly politically punished for this. It is concluded that the proclamation of the Ural Republic and its subsequent liquidation by the federal center became not only a notable event in post-Soviet Russia, but also an important page in the history of the Sverdlovsk region.

Keywords:

Russian Federation, federalism, Sverdlovsk region, Ural Republic, separatism, E. Rossel.

Введение

В 2023 г. исполняется 30 лет политическому проекту «Уральская республика», провозглашение которой в границах Свердловской области и последовавшая затем ее ликвидация силами федерального центра стали заметными событиями постсоветской России. И хотя история Уральской республики хорошо описана в научной литературе (Камынин, Храмцов, 2022; Кириллов, 1997; Мошкин, 2013; Осипов, 2018; Рябов, 2007), неоднократно рассказана в многочисленных интервью непосредственными участниками тех событий, споры о ней не утихают до сих пор и время от времени всплывают в медийном пространстве¹.

Инициаторы провозглашения Уральской республики по-прежнему настаивают, что в их действиях не было даже намека на сепаратизм, что все их устремления были продиктованы лишь желанием выстроить настоящие федеративные отношения в России, а для этого было необходимо уравнивать в правах территориально-административное образование в составе Российской Федерации, коим тогда являлась Свердловская область, с национально-государственными образованиями, т. е. с национальными республиками, округами и областями, входящими в состав РФ и занимающими более привилегированное положение относительно неэтнических краев и областей. Причем сделать это законно, на легальных основаниях (такая правовая возможность в то время действительно была), путем изменения конституционно-правового статуса *области* на статус *республики*. Таким образом, по замыслу, Свердловская область должна была превратиться в Уральскую республику и тем самым в рамках российского федерализма получить права, аналогичные правам национальных республик. Слово «уральская» в данном случае рассматривалось как наиболее подходящее для названия нового образования в составе Российской Федерации, оно не содержало в себе этнического компонента и позиционировало исключительно по географическому признаку:

¹ Анисимова, Н. (2022, 3 мая). Россель вспомнил об Уральской республике и предпочтениях для области. РБК. Взято 6 марта 2023, с <https://www.rbc.ru/politics/03/05/2022/62702c8e9a79477f160e5991>

уральская, т. е. расположенная на Урале. Целью такого преобразования было формирование подлинного федерализма. «Мы Уральскую республику создавали исключительно в интересах развития федерализма», – не устают повторять все эти годы вдохновитель проекта Э.Э. Россель².

Однако подобные объяснения не устраивают критиков. За 30 лет даже в научной литературе сформировалась изрядная подборка всякого рода небывлиц, мифов и просто ложных утверждений по поводу учреждения Уральской республики в 1993 г. Обвинения в сепаратизме здесь самые часто употребляемые, но не только. Росселя обвиняли в «подготовке к сецессии» (Аминов, 2018, с. 17), стремлении «к фактическому распаду государства» (Алябьева, 2019, с. 27), вынашивании планов по «введению в обиход своих денег – уральских франков» на территории Уральской республики (Гелеранский, 2013, с. 135). Но самым оригинальным, пожалуй, был тезис, что своими идеями Россель не только следовал, но даже шел «на шаг впереди задумок Зб. Бжезинского», который лишь четыре года спустя в своей книге «Великая шахматная доска» высказался о целесообразности дробления России (Морозов, 2014, с. 47).

То, что приведенные высказывания являются откровенными фальсификатами, доказать несложно, достаточно прочесть Конституцию Уральской республики. В нашем распоряжении есть уникальный документ – ее проект в третьей редакции. Именно этот текст после многочисленных предварительных правок и изменений был принят как окончательный на внеочередном заседании Свердловского Облсовета 27 октября 1993 г. и затем вынесен на областной референдум, назначенный на 12 декабря того же года. Уже в преамбуле документа прямо говорится, что настоящая Конституция основывается на принципе «необходимости сохранения целостности Российского государства», а в п. 1 ст. 14 особо подчеркивается: «Уральская Республика является субъектом Российской Федерации с правовым статусом республики в составе Российской Федерации»³. В п. 3 ст. 16 еще раз специально указывается: «Уральская Республика не претендует на право выхода из Российской Федерации»⁴. В этой же статье оговаривается, что Республика не устанавливает своего гражданства; граждане, проживающие на ее территории, являются гражданами Российской Федерации (п. 4), что Республика не имеет своей армии (п. 6) и не устанавливает таможенных границ (п. 8). Что касается собственных денег, то и здесь все предельно ясно. П. 7 ст. 16 однозначно устанавливает: «Уральская Республика не имеет собственной официальной денежной единицы»⁵. Важная деталь: обложка брошюры с текстом проекта Конституции Уральской республики была украшена трехполосной лентой цветов российского флага как символа единства Российской Федерации.

² Рябов, А. (2023, 17 января). «Наше будущее – коммунизм»: конспект лекции Эдуарда Росселя в Екатеринбурге. *Европейско-Азиатские новости*. Взято 23 января 2023, с https://eanews.ru/news/nashe-budushcheye-kommunizm-konspekt-lektsii-eduarda-rosselya-v-yekaterinburge_17-01-2023

³ Проект Конституции Уральской Республики (третья редакция) (1993). Екатеринбург.

⁴ Там же. С. 11.

⁵ Там же.

Как видим, в конституирующем документе будущей Уральской республики не было положений, позволяющих трактовать их как стремление к сепаратизму и тем более выходу (сецессии) из Российской Федерации. И, казалось бы, тему критики проекта на этом можно было бы закрыть, а всех заинтересованных лиц отправить читать документы и источники, тем более, сохранились они в избытке, если бы не одно «но». Точнее, таких «но» несколько. Это своеобразные «белые пятна» истории Уральской республики, мимо которых по разным причинам прошли исследователи, и о которых сами строители проекта предпочитают не вспоминать. Обозначим некоторые из них в виде вопросов.

Какой дизайн федерализма в Российской Федерации был наиболее приемлемым для лидеров Уральской республики и Э. Росселя в частности?

Могли ли результаты проведенного 25 апреля 1993 г. опроса жителей области о полномочиях Свердловской области служить основанием для провозглашения Уральской республики?

Соответствовала ли процедура провозглашения Уральской республики правовым нормам и установлениям того времени в целом?

Используя метод исторической реконструкции прошлого на основе сохранившихся текстов (стенограммы заседаний, публикации в СМИ, нормативные документы и пр.), мы попытаемся проникнуть в смыслы процессов, происходивших в Екатеринбурге и Москве 30 лет назад, и тем самым дать ответы на поставленные вопросы.

Результаты исследования

Напомним, что к началу 1993 г., т. е. спустя более чем год после крушения коммунистического режима и распада СССР, в стране по-прежнему действовала многократно исправленная и дополненная, но советская по духу Конституция, в соответствии с которой Российская Федерация носила явно выраженный асимметричный характер и состояла из двух типов субъектов: национально-государственные образования (национальные республики, национальные округа и национальные области), в название которых было «зашиито» наименование титульного этноса, и территориально-административные образования (края, области), сформированные по социально-экономическим соображениям вне связи с проживающими там этническими группами. При этом национальные республики имели значительно больше прав и преференций, особенно в сфере межбюджетных отношений с федеральным центром, нежели области и края, что, естественно, не устраивало последних.

С 1992 г. начинается процесс разработки нового текста Конституции демократической России, сначала в комиссии Верховного Совета РФ под руководством О. Г. Румянцева, а потом параллельно и в президентской комиссии под руководством С. С. Алексеева и А. А. Собчака. Оба первоначальных концепта сохраняли прежний двухзвенный принцип построения Федерации с выраженным неравенством в правах и полномочиях между национально-государственными и территориально-административными образованиями. Для руководителей краев и областей это был вызов, но одновременно и шанс попытаться исправить несправедливую, на их взгляд, ситуацию. Если мы

строим новую Россию, то и несущая конструкция федеративного устройства государства должна быть пересмотрена и заново собрана на принципиально других основаниях. Обсуждение проекта новой конституции открывало для этого уникальную возможность. «Коренной вопрос новой Конституции заключается в федеративном устройстве России. В настоящее время сложилась ненормальная ситуация, когда из 89 субъектов Федерации 21 республика, входящая в состав России, имеет исключительные права и приоритет в формировании своего бюджета», – заявил глава областной администрации Э. Россель на встрече с представителями партий и общественных организаций Свердловской области перед поездкой на первое заседание Конституционного совещания, созванного президентом Б.Н. Ельциным для выработки окончательного текста новой Конституции⁶.

Главным для Росселя в тот момент было добиться конституционного равенства субъектов Федерации, и чтобы положение о равенстве было зафиксировано в тексте Основного Закона. В обоснование своего стремления он даже инициировал 25 апреля 1993 г. опрос жителей области с единственным вопросом: «Согласны ли вы с тем, что Свердловская область по своим полномочиям должна быть равноправна с республиками в составе Российской Федерации?» Отметим, вопрос касался не изменения статуса области на статус республики (ни о какой Уральской республике в то время еще и речи не было), а лишь о равноправии Свердловской области со всеми национальными республиками. В опросе приняло участие 67 % избирателей, 83,4 % из них ответили на заданный вопрос утвердительно⁷.

Результаты опроса стали для Росселя дополнительным аргументом в дискуссии с федеральным центром и еще одним доказательством того, что не только он как руководитель Свердловской области, но и подавляющее число ее жителей хотят равноправных отношений внутри Федерации. Потом, правда, Россель использует этот опрос в качестве обоснования для провозглашения Уральской республики. Но об этом чуть ниже. Сейчас же заметим, что установить равенство между субъектами Федерации теоретически можно было путем отказа от двухзвенной конструкции, превратив все субъекты, включая национальные республики, в обычные территориально-административные образования (губернии) или же, напротив, придать всем субъектам, включая края и области, статус республик. Оба варианта выравнивали бы права и полномочия субъектов, а саму Федерацию делали бы симметричной и более справедливой.

Вначале Россель выбрал первый вариант. 12 июня он выступил в Москве на пленарном заседании Конституционного совещания с предложением отказаться от национально-территориального устройства, полностью перейти на территориальное деление страны и заодно напомнил, что так было с эпохи Петра I, и только в 1920-е гг. губернии были принудительно ликвидированы

⁶ *Политический мониторинг. Екатеринбург и Свердловская область в июне 1993 г. Политика* (без даты). Взято 16 ноября 2022, с <http://www.igpi.ru/monitoring/1047645476/1993/0693/66.html>

⁷ Итоговые данные российского референдума в Свердловской области и областного опроса 25 апреля 1993 г. (1993, 30 апреля). *Областная газета: Екатеринбургские ведомости*, 50(322), 1.

большевиками. Сегодня области и края требуют равенства – экономического, политического, законотворческого – с республиками, а последние этому решительно сопротивляются. По мнению Росселя, такая система абсурдна, поскольку народы России давно перемешаны. К тому же большинство республик являются дотационными и живут, по существу, за счет развитых регионов, в том числе Свердловской области, которая с ее 5-миллионным населением ничуть не хуже, например, Калмыкии, где проживают 350 тыс. человек. И получается, что по новому Основному Закону развитые регионы продолжают не только кого-то содержать, но и считаться образованиями второго сорта⁸.

Это, собственно, и есть ответ на вопрос о конституционном дизайне Федерации. Для Росселя наиболее предпочтительной конструкцией была такая, в которой отсутствовали бы субъекты, образованные по этническому принципу, а их место заняли бы равные между собой территориально-административные, без этнического окраса в названии, образования (губернии). Например, превратить Республику Татарстан в Казанскую губернию, Республику Башкортостан – в Уфимскую и т. д.

Следует сказать, что Россель не был оригинален в таком подходе. Идею отказа от национально-государственных (этнических) образований внутри России в те годы активно продвигал В. В. Жириновский, и в этом отношении пальма первенства принадлежит ему. С той лишь разницей, что лидер ЛДПР предлагал полностью отказаться от федерализма и перейти на унитарную форму правления, радикально сократив при этом число административных единиц до 30–40 губерний путем слияния субъектов Федерации. Эти идеи не были популярны в национальных республиках, однако кочуют из одной партийной программы в другую практически на всем протяжении существования ЛДПР⁹.

Став губернатором, а затем и сенатором, Россель предпочитал не афишировать схожесть своей позиции с Жириновским, чья политическая репутация была неоднозначной. Однако, уже уйдя из большой политики, создатель Уральской республики во время встречи в январе 2023 г. со студентами Уральского института управления РАНХиГС признался, что всегда выступал против создания субъектов РФ по национальному признаку¹⁰.

Также отметим, что идеи Жириновского – Росселя по территориальному переустройству России нашли отклик и у политиков либерального спектра. Так, в октябре 2012 г. лидер «Гражданской платформы» М. Д. Прохоров на съезде партии поставил под сомнение экономическую эффективность территориально-административного деления России и предложил расформировать национальные республики. «Если бы сегодня Россия состояла из 10–15 земель, то тогда чиновник из Москвы не смог бы навязывать свою волю этим землям. Я хочу поставить вопрос на обсуждение: а так ли эффективно

⁸ Леонова, Н. (1993, 22 июня). Даешь Уральскую республику!.. *Областная газета: Екатеринбургские ведомости*, 69(341), 1.

⁹ Программа ЛДПР (2016). М.: ЛДПР.

¹⁰ Рябов, А. (2023, 17 января). «Наше будущее – коммунизм»: конспект лекции Эдуарда Росселя в Екатеринбурге. *Европейско-Азиатские новости*. Взято 23 января 2023, с https://eanews.ru/news/nashe-budushcheye-kommunizm-konspekt-leksii-eduarda-rosselya-v-yekaterinburge_17-01-2023

разделение нашей страны на национальные округа и национальные республики? <...> Не лучше ли признать, что сталинско-ленинская система оказалась неэффективна?»¹¹ Естественно, эти слова вызвали бурю негодования во всех без исключения национальных субъектах РФ.

Но вернемся в 1993 г. Выступление Росселя на пленарном заседании Конституционного совещания не встретило поддержки, напротив, представители национальных республик его резко раскритиковали. Не приняли предложения свердловского руководителя и в Конституционной комиссии Верховного Совета. По приезде в Екатеринбург позиция Росселя существенно радикализировалась. Так, на встрече с журналистами 18 июня он заявил: «Бывшие автономии России уже добились для себя статуса суверенных республик, это чревато распадом страны «по второму кругу»: союзные республики высосали из «империи зла» соки, необходимые для становления их экономики и государственности, и – наплевали на «старшего брата». Теперь очередь за бывшими автономиями – насосаться, как клопам, и «сделать ручкой». Поэтому выход один: во избежание распада России – выровнять статус субъектов Федерации. А так как выровнять его посредством понижения статуса республик уже невозможно (легко дать права, а отобрать – истерика случится массовая), то придется снивелировать положение единиц целого посредством повышения статуса краев и областей»¹². Именно на этой встрече из уст Росселя впервые публично прозвучала идея провозглашения Уральской республики. «Если права не дают – будем брать... Конечно, окончательное решение должны принять Советы, и хорошо бы это сделать быстро»¹³.

Итак, идея провозглашения Уральской республики была публично озвучена только в середине июня 1993 г., когда стало окончательно ясно, что «националы» не откажутся от своего государственного статуса и не согласятся превратиться в этнически безликие губернии. Рассчитывать на поддержку федерального центра Росселю также не приходилось. Кремль боялся открытой конфронтации с национальными республиками, и без того проявлявшими нешуточные сепаратистские устремления. Оставалось одно: если невозможно понизить статус республик до уровня областей, значит, нужно повысить статус областей до уровня республик. Для Росселя это был менее предпочтительный, но возможный вариант.

Россель торопился учредить Уральскую республику до принятия новой Конституции России. Уже 1 июля в повестку очередного заседания Свердловского областного Совета народных депутатов был внесен проект решения об изменении статуса Свердловской области и декларации о провозглашении Уральской республики в составе РФ. Не все депутаты встретили этот шаг с одобрением. Признавая, что область действительно ущемлена

¹¹ Иванова, К. (2012, 28 октября). Прохоров предложил расформировать национальные республики. *Татар-информ*. Взято 4 февраля 2023, с <https://www.tatar-inform.ru/news/prohorov-predlozhl-rasformirovat-natsionalnye-respubliki>

¹² Матюхин, С. (1993, 23 июня). Даешь республику! *На смену! Областная молодежная газета*, 114(14502), 1.

¹³ Леонова, Н. (1993, 22 июня). Даешь Уральскую республику!.. *Областная газета: Екатеринбургские ведомости*, 69(341), 1.

в правах по сравнению с республиками – Татарстаном, Башкирией, Якутией и пр., народные избранники все же пребывали в смятении. Одни боялись, что провозглашение Уральской республики будет расценено Б.Н. Ельциным как сепаратизм и повлечет за собой репрессии, другие просто сомневались, что декларация сама по себе способна хоть что-то изменить в межбюджетных отношениях между Екатеринбургом и Москвой. Выступала против и областная прокуратура, обращая внимание депутатов, что отсылка Росселя и его сторонников к результатам апрельского опроса как волеизъявлению свердловчан некорректна, поскольку там стоял вопрос не о превращении Свердловской области в Уральскую республику, а о равноправии в полномочиях области и республик в составе РФ. А это, очевидно, разные вещи.

Действительно, опрос 25 апреля был проведен вне всякой связи с проектом Уральской республики, поскольку такового на тот момент еще не существовало. Кроме того, формулировка вопроса носила манипулятивный характер, нацеливая избирателя на желательный ответ. С таким же успехом можно было спросить людей, хотят ли они жить лучше. Результаты опроса фиксировали лишь поддержку идеи равенства полномочий Свердловской области и национальных республик. Но сами по себе эти результаты не обязывали областные власти ни к чему, тем более к шагам по изменению конституционно-правового статуса региона. Это было понятно многим собравшимся депутатам Облсовета.

Однако Россель продолжал настаивать. Он произнес на заседании крайне эмоциональную речь. В частности, рассказал, что «добросовестно отсидел» две недели на заседаниях рабочей группы по подготовке проекта новой Конституции РФ и заметил, что главам «традиционно русских» областей на процесс откровенно наплевать. «Скажу, что в зале сидели 3–4 губернатора максимум, и больше никого нет. А суверены (так Россель называл глав национальных республик. – С.М.) сидели все. Почему в России 85% русских своими же руками лишают себя своих прав и закладывают основу развала России? Почему? Хочу обратить внимание, что все наши суверены живут за счет бюджета России. Нет почти ни одного суверена, который жил бы за счет собственных средств. Мы с вами собираем налогов с одного жителя на 36 тысяч рублей. Получаем назад 16 тысяч, 47%. Башкирия собирает на одного жителя на 10 тысяч меньше, 26 тысяч рублей, но получает те же 16. Татарстан собирает 24 тысячи рублей, а получает те же 16. Задумайтесь над этим. Почему мы должны выступать в роли кормильцев? <...> Я считаю, что, создавая равные субъекты Федерации, мы укрепляем Россию, создаем нормальное Российское государство. Мы, как разведчики, идем впереди, а все остальные на нас смотрят»¹⁴.

Слова Росселя возымели действие, его поддержали 152 депутата, 20 высказались против. Таким образом, 1 июля 1993 г. Уральская республика была провозглашена. В Москву, в адрес Конституционного совещания, было направлено официальное письмо Облсовета с просьбой о включении Уральской республики в список субъектов Федерации в проекте новой Конституции.

¹⁴ *Уральская республика Эдуарда Росселя. Ч. 1: Принятие декларации (документы)* (2018, 22 октября). Взято 20 ноября 2022, с <https://newdaynews.ru/ekb/647752.html>

Одновременно ученые Института философии и права Уральского отделения РАН приступили к разработке проекта Конституции Уральской республики.

Действительно, на Свердловскую область тогда смотрели многие. Если бы затея с Уральской республикой реализовалась, она позволила бы области получить права, сопоставимые с правами «суверенов», и создала бы прецедент появления в Российской Федерации республики, образованной не на этнических, а территориальных основаниях. Попытки учредить свои республики отмечались тогда в Вологодской, Томской, Челябинской и других областях России. В Томской области 3 октября 1993 г. даже инициировали опрос населения, нужен ли региону статус республики. Правда, его признали несостоявшимся, поскольку явка избирателей составила около 20 %¹⁵.

Россель тем временем начал искать союзников среди руководителей соседних областей. 14 сентября в Тюмени состоялось совещание Ассоциации экономического взаимодействия областей и республик Уральского региона. Традиционные участники подобных встреч – руководители Башкирии и Удмуртии – приглашены не были. И это не случайно. Лидеры национальных республик активно противились «губернизации» России и не могли быть союзниками свердловчан. Россель выступил на совещании с большим докладом «Уральская республика – путь к территориальному устройству и управлению Российским государством». В своем выступлении он рассказал о причинах изменения статуса Свердловской области и в очередной раз попытался доказать преимущества исключительно территориального устройства страны. «Для нас Уральская республика не самоцель, а средство. <...> Этот путь направлен на отрицание национально-государственной основы (построения Федерации. – С. М.)» (Гайда, Иванов, 1993, с. 11).

Далее Россель предложил новеллу, созвучную проекту Жириновского по укрупнению российских регионов: он призвал руководителей уральских областей включиться в процесс создания объединенной Уральской республики в составе шести областей – Пермской, Свердловской, Челябинской, Курганской, Оренбургской и Тюменской. «Преимущества такого объединения очевидны. В политическом плане это создало бы мощнейший импульс укреплению Российской Федерации, поставило бы заслон для сепаратизма и дальнейшей дезинтеграции России» (Гайда, Иванов, 1993, с. 13). Также Россель объяснил экономические преимущества подобного шага. По его утверждению, объединенная Уральская республика станет самым сильным и самодостаточным субъектом Федерации, обладающим всеми отраслями промышленного и сельскохозяйственного производства. В заключение был предложен календарный план, включающий примерные даты проведения областных опросов избирателей, ориентировочные сроки проведения Съезда депутатов Урала, этапы подготовки необходимых нормативных документов – проекта Конституции объединенной Уральской республики, проектов законов о выборах в парламент и глав исполнительной власти объединенной Республики, проекта закона о новом административно-территориальном делении и т. д. «Конечно, – попытожил Россель, – это лишь план. Промедление в его реализации может привести

¹⁵ Октябрь 1993. Хроника переворота. 4 октября. Области (без даты). Взято 13 декабря 2022, с <http://old.russ.ru/antolog/1993/oblast14.htm#tom>

к тому, что Россия останется ассиметричной федерацией, а статус областей законсервируется в полуассиметричном состоянии» (с. 16).

По итогам совещания в Тюмени было подписано совместное заявление (руководство Тюменской области к нему не присоединилась), в котором, в частности, говорилось: «Руководители представительной и исполнительной властей Курганской, Оренбургской, Пермской, Свердловской, Челябинской областей, основываясь на анализе процесса развития федеративных отношений, учитывая экономическое, природно-географическое единство Урала, опираясь на статью 70 часть 3 действующей Конституции, выражают готовность начать подготовительную работу возможного создания на базе областей Урала Уральской республики в составе РФ как ее субъекта»¹⁶. Для присутствовавшей на совещании прессы было особо подчеркнуто, что «необходимость создания республики в масштабе всего Уральского региона продиктована не стремлением обособиться от России, а желанием содействовать эффективному развитию производительных сил Урала»¹⁷. Будущей столицей объединенной Уральской республики Россель видел Екатеринбург.

Далее история развивалась драматично. Напомним, что изменение статуса субъекта Российской Федерации по действовавшей тогда Конституции было возможным при выполнении двух условий. Первое – проведение опроса местного населения с положительным результатом. Это условие со всеми известными оговорками, о чем мы писали выше, свердловчанами было выполнено. А вот второе условие – утверждение решения Съездом народных депутатов РФ – оказалось невыполнимым в принципе. 21 сентября, в период острейшего политического кризиса в стране, Ельцин подписал указ, прекращавший деятельность Верховного Совета и Съезда народных депутатов РФ¹⁸. Последовавшие 3–4 октября события в Москве поставили точку в работе Съезда. Это означало, что подготовительные усилия свердловчан по созданию Уральской республики рассыпались в прах. Принимать решение на федеральном уровне об изменении статуса Свердловской области было просто некому. Наступила правовая неопределенность, и законная процедура признания стала невозможной. Сложилась странная ситуация: уральцы хотели все сделать по закону, но не имели для этого возможности по независящим от них обстоятельствам. Хотя, конечно, не было никакой уверенности, что Съезд народных депутатов поддержал бы данную инициативу. По крайней мере, известно, что председатель Верховного Совета Р.И. Хасбулатов крайне негативно воспринял новость о провозглашении Уральской республики. Он обвинил в инспирировании процесса суверенизации России Конституционное совещание, созванное Ельциным, а Свердловская область, по его словам, «воспользовалась заговорческими формами суверенизации, последствия которых губительны для России, т.к. ведут к ее дезинтеграции» (Гайда, Иванов, 1993, с. 7).

¹⁶ Какая республика? (1993, 17 сентября). На смену! *Областная молодежная газета*, 174(14562), 1.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Указ Президента РФ № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» (1993, 21 сентября). Взято 21 ноября 2022, с <http://base.garant.ru/5137070/#friends>

Понимая, что правовых инструментов не осталось, свердловчане начали действовать в одностороннем порядке. К тому же поджимало время: п. 2 президентского указа предписывал «Конституционной комиссии и Конституционному совещанию представить к 12 декабря 1993 г. единый согласованный проект Конституции Российской Федерации в соответствии с рекомендациями Рабочей группы Конституционной комиссии»¹⁹, а значит, оставалась еще призрачная надежда вписать в новый текст Конституции Уральскую республику вместо Свердловской области.

27 октября депутаты Свердловского Облсовета собрались на заседание, где одним из пунктов повестки был вопрос о принятии Конституции Уральской республики. Ряд депутатов, еще вчера поддерживавших Росселя, высказывали свои сомнения. По их мнению, в сложившейся политической обстановке принятие Конституции может стать дестабилизирующим фактором. Так, депутат Емельянов заявил: «Когда мы поднимали вопрос об Уральской республике, во всей стране была другая ситуация и другая Конституция. Сейчас проект Конституции РФ переписывается, и понятие «суверенные республики» из него исключается»²⁰. Депутат подчеркнул, что в проекте федерального документа может быть еще очень много положений, о которых на Урале пока не знают. Соответственно, велик риск, что уральская Конституция войдет в противоречие с федеральной. Другое мнение высказал депутат Мальцев, руководитель рабочей группы по подготовке документа: «Если мы сегодня примем Конституцию, те, кто придет после нас, смогут внести поправки, если не примем – Уральская республика прикажет долго жить. Как бы ни сложились обстоятельства, насколько бы ни оправдались предположения и прогнозы скептиков, я уверен в одном: мы шли правильным путем. Не растерялись, не самораспустились, а постарались выполнить свою задачу по возможности полностью»²¹.

Голосование за проект Конституции Уральской республики состоялось в тот же день, ближе к вечеру. Результаты голосования: за – 171 депутат, воздержались – 8, против – 10²². 30 октября текст был опубликован в Областной газете, и, соответственно, вступил в силу. Конституция не предусматривала права выхода Республики из состава России, содержала принципы и механизмы разделения властей и гарантии местного самоуправления. Вводился институт всенародно избранного губернатора (не президента), правительства, председатель которого назначался губернатором только с согласия двухпалатного парламента. Губернатор наделялся правом вето, но парламент мог преодолеть его квалифицированным большинством; парламент вправе был выразить недоверие республиканскому правительству в целом и возбудить процесс отрешения губернатора от власти в случае нарушения им Конституции Уральской республики. В своем первом указе от 31 октября 1993 г. Э. Россель возложил на себя исполнение обязанностей губернатора Уральской Республики (до про-

¹⁹ Там же.

²⁰ *Уральская Республика Эдуарда Росселя. Ч. 2: Принятие Конституции и драматичный финал (документы)* (2018, 26 октября). Взято 25 ноября 2022, с <https://newdaynews.ru/ekb/648137.html>

²¹ Там же.

²² Там же.

ведения всенародных выборов), а полномочия правительства Республики поручил исполнять областному правительству во главе с его председателем В.Г. Трушниковым. Специальным решением Облсовета 27 октября объявили праздничным нерабочим днем на территории Уральской республики.

2 ноября Россель вылетел в Москву для участия в расширенном заседании Совета министров – Правительства РФ в Кремле, где обсуждались меры по стабилизации и реформированию российской экономики. На этом заседании Ельцин выступил с большим докладом, в котором, в частности, заявил: «Слабым местом в деятельности федеральной исполнительной власти остается региональная политика. Нет ничего удивительного поэтому, что субъекты Федерации пытаются решить этот вопрос самостоятельно. В том числе через повышение собственного статуса. Видеть в этом только амбиции местных лидеров и политических элит просто наивно. Именно в Москве есть огромное желание удержать полновластие над регионами. Но пора наконец понять: сохранить прежние порядки невозможно. Требование времени – разумное разграничение функций и ответственности. Альтернативы этому нет и уже не будет»²³. Эти слова были восприняты свердловчанами как косвенная поддержка со стороны земляка, их перепечатали практически все региональные СМИ, что еще больше вдохновило инициаторов Уральской республики.

8 ноября Облсовет принял решение о назначении даты референдума по Конституции, выборов губернатора и депутатов Законодательного собрания Уральской республики. Они должны были состояться 12 декабря 1993 г., одновременно с голосованием по Конституции РФ и выборами в обе палаты Федерального Собрания РФ. Однако уже на следующий день вышел президентский указ, который прекратил деятельность Свердловского областного Совета народных депутатов²⁴. Ему вменялись в вину неоднократные нарушения Конституции и законодательства РФ, выразившиеся в одностороннем изменении конституционно-правового статуса Свердловской области. Все решения относительно Уральской республики были объявлены юридически ничтожными. 10 ноября вышел президентский указ об отстранении от должности Росселя за превышение полномочий²⁵. Тем не менее в тексте Конституции РФ, вынесенной на голосование 12 декабря 1993 г., появилось положение о равноправии субъектов Федерации. Уральцы не без оснований считали это своей заслугой.

Заключение

Уральская республика просуществовала всего 132 дня, с 1 июля по 9 ноября 1993 г. Однако спустя 30 лет эта история не забылась на Урале, скорее

²³ Борис Ельцин: Каков бы ни был состав Федерального собрания, мы поборемся за Правительство реформ (1993, 4 ноября). *Российские вести*, 214(383), 2.

²⁴ Указ Президента РФ № 1874 «О прекращении деятельности Свердловского областного Совета народных депутатов» (1993, 9 ноября). Взято 30 ноября 2022, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4784>

²⁵ Указ Президента РФ № 1890 «О главе администрации Свердловской области» (1993, 10 ноября). Взято 30 ноября 2022, с <http://www.kremlin.ru/acts/bank/4797>

напротив, стала частью современной уральской идентичности (Киселев, Щербakov, 2013), ее «героическим мифом». И, как часто бывает с коллективной памятью, для самих уральцев за прошедшие годы она покрылась флером романтики и ностальгии по утраченной способности к большим начинаниям, когда помнится главное, а другое, пусть весьма важное и существенное, уже позабылось.

Но есть в этой истории и то, о чем сами устроители вспоминают неохотно, чтобы не разрушать романтический миф. Прежде всего это касается представлений авторов Уральской республики об идеальном, на их взгляд, территориальном устройстве России. Как мы показали выше, для Росселя Россия должна оставаться федерацией, но при условии ликвидации национально-государственных образований, превращении всех в равные территориально-административные образования (губернии). Это должно было снять существующую асимметричность и обеспечить равенство в правах. Именно такой позиции первоначально придерживался Россель, что сближало его с политической программой Жириновского, с той лишь разницей, что лидер ЛДПР выступал за полный отказ от федерализма и переход на унитарную форму государственного устройства.

Лишь позднее, чувствуя сопротивление лидеров национальных республик и понимая, что Москва, опасаясь всплеска сепаратизма, не пойдет на ликвидацию национально-государственных образований, Россель приступил к реализации другого варианта – изменению конституционно-правового статуса Свердловской области. Так родился проект создания Уральской республики – территориального образования в составе Российской Федерации. Но буквально через два с половиной месяца Россель предложил новый проект, вновь вторя Жириновскому, – укрупнение российских регионов путем создания Большой Уральской республики, объединяющей шесть областей Уральского региона в единый субъект Федерации.

Со временем, когда ситуация с территориальным делением страны успокоилась, а война в Чечне доказала пагубность чрезмерного вмешательства федерального центра в дела национальных республик, в риторике Росселя напрочь исчезли слова о ненужности «суверенов» в конструкции РФ. Эта тема постепенно забылась, в региональном истеблишменте не принято о ней вспоминать, как и о близости позиций Росселя и Жириновского.

Другим, не самым комфортным для романтических воспоминаний об Уральской республике, является вопрос о чистоте юридической процедуры ее провозглашения. Как мы показали, она была далека от правовых стандартов. Строго говоря, результаты опроса, проведенного на территории Свердловской области 25 апреля 1993 г., нельзя было класть в основу провозглашения Уральской республики. Опрос проводился вне всякой связи с изменением конституционно-правового статуса Свердловской области и имел к появившемуся позже проекту Уральской республики лишь косвенное отношение. Уже тогда на это правовое несоответствие обращали внимание представители областной прокуратуры, но их замечания были проигнорированы Э. Росселем и депутатами Облсовета.

Что еще более существенно, так это акт одностороннего, без утверждения Съездом народных депутатов Российской Федерации, изменения

конституционно-правового статуса Свердловской области и провозглашения ее Уральской республикой. Мы показали выше, что это произошло в силу сложившихся в стране политических обстоятельств и, как следствие, правовой неопределенности. Но факт остается фактом: лишившись правовых механизмов, уральцы осознанно пошли на нарушение действующего законодательства, за что и были наказаны президентом. Косвенным признанием своих неправовых действий со стороны авторов Уральской республики стал бесконфликтный роспуск Облсовета и принятая как должное отставка главы администрации.

Впрочем, провозглашение Уральской республики и последующая отставка сделали Э. Росселя крайне популярной политической фигурой в регионе. В декабре 1993 г. он был избран членом Совета Федерации ФС РФ от Свердловской области, а в 1995 г. – ее губернатором. Он проработал на этом посту до ноября 2009 г., а затем вновь перейдет в Совет Федерации, где проработает до сентября 2022 г. И все эти годы его имя будет прочно ассоциироваться с проектом несостоявшейся Уральской республики.

Список литературы

1. Алябьева, Т. (2019). Дискуссия по поводу модели федеративного развития России на рубеже XX–XXI вв. *Постсоветский материк*, (1), 21–52.
2. Аминов, И. Р. (2018). Модификации и трансформации региональной конфликтности в России. В *Культура. Политика. Понимание. (Культура, нация, государство – проблемы идентичности в контексте современной политики): Материалы VI Международной научной конференции (17–19 мая 2018 г., Белград)* (с. 16–26). Белград: Институт политических исследований.
3. Гайда, А. В., Иванов, А. В. (Ред.). (1993). *Уральская республика и проблемы становления новой российской государственности*. Екатеринбург: Институт философии и права УрО РАН.
4. Гелеранский, П. С. (2013). Сепаратизм и региональная стабильность в контексте регионального и национального факторов. *Вопросы национальных и федеративных отношений*, (3), 133–137.
5. Камынин, В. Д., Храмов, А. Б. (2022). Уральская республика 1993 г. в воспоминаниях ее творцов и современников событий. *Вопросы истории*, (9–2), 44–61.
6. Кириллов, А. Д. (1997). *Урал: от Ельцина до Ельцина (хроника политического развития, 1990–1997 гг.)*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета.
7. Киселев, К. В., Щербаков, А. Ю. (2013). Урал: к вопросу об идентификационной динамике бренда. *Вестник Пермского университета. Политология*, (1), 138–150.
8. Морозов, Ю. В. (2014). Сравнительный анализ борьбы с проявлениями сепаратизма на Дальнем Востоке Российской Федерации и в Китае: возможные уроки и пути решения проблем. *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*, (7), 44–59.
9. Мошкин, С. В. (2013). Уральская республика. Хроники. *Дискурс-*

Пи, (3), 103–107.

10. Осипов, И. В. (2018). Проект создания Уральской республики в 1993 г. *Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество)*, (3), 143–161.

11. Рябов, А. (2007). Уральская Республика: мифы и реалии. *Свободная мысль*, (6), 149–159.

References

1. Alyabyeva, T. (2019). Diskussiya po povodu modeli federativnogo razvitiya Rossii na rubezhe XX–XXI vv. [Discussion about the model of federal development of Russia at the turn of the XX–XXI centuries]. *Postsovetskij materik*, (1), 21–52.

2. Aminov, I. R. (2018). Modifikacii i transformacii regional'noj konfliktnosti v Rossii [Modifications and transformations of regional conflicts in Russia]. In *Kul'tura. Politika. Ponimanie. (Kul'tura, naciya, gosudarstvo – problemy identichnosti v kontekste sovremennoj politiki): Materialy VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (17–19 maya 2018 g., Belgrad)* (pp. 16–26). Belgrad: Institut politicheskix issledovanij.

3. Gayda, A. V., & Ivanov, A. V. (Eds.). (1993). *Ural'skaya respublika i problemy stanovleniya novoj rossijskoj gosudarstvennosti* [The Ural Republic and problems of the formation of Russian statehood]. Ekaterinburg: Institut filosofii i prava UrO RAN.

4. Geleranskiy, P. S. (2013). Separatizm i regional'naya stabil'nost' v kontekste regional'nogo i nacional'nogo faktorov [Separatism and regional stability in the context of regional and national factors]. *Voprosy nacional'nyx i federativnyx otnoshenij*, (3), 133–137.

5. Kamynin, V. D., & Khramtsov, A. B. (2022). Ural'skaya respublika 1993 g. v vospominaniyax ee tvorcov i sovremennikov sobytij [The Ural republic of 1993 in the memoirs of its creators and contemporaries of events]. *Voprosy istorii*, (9–2), 44–61.

6. Kirillov, A. D. (1997). *Ural: ot El'cina do El'cina (xronika politicheskogo razvitiya, 1990–1997 gg.)* [Ural: From Yeltsin to Yeltsin (chronicle of political development, 1990–1997)]. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

7. Kiselev, K. V., & Shherbakov, A. Yu. (2013). Ural: k voprosu ob identifikacionnoj dinamike brenda [Ural: On the issue of brand identification dynamics]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, (1), 138–150.

8. Morozov, Yu. V. (2014). Sravnitel'nyj analiz bor'by s proyavleniyami separatizma na Dal'nem Vostoke Rossijskoj Federacii i v Kitae: vozmozhnye uroki i puti resheniya problem [Comparative analysis of the struggle against separatist manifestations in the Russian Far East and in China: Possible lessons and ways to solve problems]. *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'*, (7), 44–59.

9. Moshkin, S. V. (2013). Ural'skaya respublika. Xroniki [The Ural Republic. Chronicles]. *Diskurs-Pi*, (3), 103–107.

10. Osipov, I. V. (2018). Proekt sozdaniya Ural'skoj respubliki v 1993 g. [The project of creation of the Ural Republic in 1993]. *Vestnik Moskovskogo*

universiteta. *Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshhestvo)*, (3), 143–161.

11. Ryabov, A. (2007). *Ural'skaya Respublika: mify i realii* [Ural Republic: Myths and realities]. *Svobodnaya mysl'*, (6), 149–159.

Информация об авторе

Сергей Вячеславович Мошкин, доктор политических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4541-9609>, e-mail: osa-sv@yandex.ru

Information about the author

Sergey Vyacheslavovich Moshkin, Doctor of Political Sciences, Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4541-9609>, e-mail: osa-sv@yandex.ru

УДК 141+316

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_1_141

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИЗАЙН СОВРЕМЕННЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ

Наталья Анатольевна Скобелина,Волгоградский государственный университет,
Волгоград, Россия,
skobfet71@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 23.09.2022, принята к публикации 07.03.2023

Для цитирования: Скобелина Н.А. Институциональный дизайн современных общественных движений // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 1. С. 141-154. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_141

Аннотация

Современные ученые, определяя особенности общественных движений, исследуют институциональную среду, культурные и материальные потоки, коммуникативные практики, условия, влияющие на деятельность участников. В ходе разнонаправленной деятельности движения создают новые «коммуникативные смыслы», актуализируют новые темы в определенной институциональной среде. Участники современных движений быстро передают информацию, мобилизуют население, собирают большое количество сторонников, выстраивают коммуникативные практики в интернет-пространстве, которое стало средой для формирования дискурса. Процесс создания движений и их деятельность детерминируются институциональным дизайном, включающим правила, нормы, возможности, коммуникативные практики участников общественных объединений. Целью настоящей статьи является определение специфики институционального дизайна современных движений, что позволяет понять процесс их становления и особенности адаптации к современным реалиям. Методология исследования базируется на стратегии интегрализма, которая синтезирует различные подходы и позволяет представить специфику институционального дизайна в институциональном аспекте. Исходя из полученных в ходе исследования результатов, автор делает ряд выводов. В информационном обществе институ-

© Скобелина Н.А., 2023

циональный дизайн способствует созданию новых форм, способов, направлений деятельности общественных движений, которые получают не только политические, социально-экономические, организационные, но и технологические возможности. Институциональный дизайн представляет собой сложное единство виртуальных и реальных практик и включает технологическую составляющую. Спецификой институционального дизайна современных движений являются виртуальные формы взаимодействия, абстрактные социальные образования, множество культурных вариаций, плюрализм коммуникативных практик, включенность в социальные сети.

Ключевые слова:

Институциональный дизайн современных общественных движений.

UDC 141+316

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_1_141

THE INSTITUTIONAL DESIGN OF MODERN SOCIAL MOVEMENTS

Natalia A. Skobelina,

Volgograd State University,
Volgograd, Russia,
skobfet71@yandex.ru

Article received on September 23, 2022, accepted on March 7, 2023

For citation: Skobelina, N.A. (2023). The Institutional Design of Modern Social Movements. *Discourse-P*, 20(1), 141-154. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_141

Abstract

Modern scientists, determining the features of social movements, investigate the institutional environment, cultural and material flows, communicative practices, and conditions affecting the activities of the participants. In the course of multidirectional activity, movements create new “communicative meanings” and make new topics relevant in a certain institutional environment. Participants of modern movements quickly transmit information, mobilize the population, gather a large number of supporters, and build communication practices in the Internet space, which has become the environment for the formation of discourse. The process of creating movements as well as their activities are determined by the institutional design, which includes rules, norms, opportunities, and communicative practices shared by the members of public associations. The purpose of this article is to outline the specifics of the institutional design of modern movements, which makes it possible to understand their formation process and the peculiarities of adaptation to modern realities. The research methodology is based on the strategy of integralism,

synthesizing various approaches and allowing us to present the specifics of institutional design in the institutional aspect. Based on the results obtained, the author draws a number of conclusions. In the information society, the institutional design contributes to the creation of new forms, methods, and activities of social movements that obtain not only political, socio-economic, organizational but also technological opportunities. Institutional design is a complex unity of real and virtual practices and includes a technological component. The specifics of the institutional design of modern movements are virtual forms of interaction, abstract social formations, many cultural variations, pluralism of cultures, communicative practices, and inclusion in social networks.

Keywords:

information society, social movements, institutional design, strategy of integralism, virtual space.

Введение

В информационном обществе распространение цифровых технологий послужило основой организации новых форм жизнедеятельности, которые связаны с вновь созданным институциональным порядком. Формальные и неформальные правила и нормы распространяются на виртуальное и реальное пространства, на отношения, которые возникают в сети Интернет в процессе дискурса на сайтах, форумах и блогах. Такие гибкие и динамичные структуры, как общественные движения, являются субъектом и объектом общественных изменений. Они имеют слабовыраженные властные отношения, быстро приспособляются к социальным условиям, привлекают внимание к актуальным вопросам.

По причине своей многогранности и динамичности движения являются сложным объектом исследования, поэтому в современной науке имеется множество определений, противоречащих друг другу. Ученые определяют их в качестве коллективных действий, сетей взаимодействия, протестного поведения, организованных практик, формализованных форм деятельности, институционализированных и неинституционализированных субъектов. Институциональная среда, в которой функционируют движения, состоит из независимых структурных элементов и представляет собой совокупность взаимосвязей и взаимодействий множества элементов современного общества. Организация общественных движений детерминируется развитием институционального дизайна как одного из элементов институциональной среды. В свою очередь, динамика движений является результатом целенаправленной деятельности социальных субъектов, на которых оказывают влияние возможности – элементы институционального дизайна. Под институциональным дизайном понимается совокупность правил, норм, возможностей, коммуникативных практик общественных объединений. Движения являются результатом активности участников, на которых влияет институциональный дизайн, формальные и неформальные нормы и правила. Развитие движений осуществляется на индивидуальном и структурном уровнях. Институциональным условиям,

которые создает политическая система, и возможностям, предоставляемым гражданам для выражения своих интересов, в данном процессе отводится особая роль. Формирование глобального гражданского общества, распространение цифровых технологий оказывают влияние на развитие институционального дизайна, появление новых форм и способов деятельности движений.

Многими современными исследователями поднимаются вопросы, связанные с ролью технологий, их непосредственным влиянием на социальные изменения, институты и отдельных субъектов (Осау, 2010), на динамику общественных движений (Ребров, 2016), в том числе в эпоху пандемии. Как в западной, так и в отечественной социологии в последние десятилетия возникло и развивается тематическое поле исследований Интернета и общественных движений (Колозариди, Ульданов, 2015). Проблемы, связанные с технологизацией современного общества, с институциональной средой, в которой функционируют общественные движения, находятся в центре внимания ученых и имеют междисциплинарный характер (Jennings & Zeitner, 2003). Учитывая вышесказанное, мы ставим своей целью определить специфику институционального дизайна современных движений, который формируется в зависимости от институциональной среды, предоставляющей движениям возможности для участия в общественно-политической жизни.

Результаты исследования

Современные исследователи используют положения множества теорий с целью выявить не только специфику деятельности участников новых общественных движений, их сетей, но и определить последствия активности движений в институциональной среде. Идеи конструктивистского подхода дают возможность сосредоточить внимание на процессе конструирования социального контекста и отдельных аспектах деятельности участников (Дж. Китсьюз, М. Спектор, А. Мосс). Представители неинституционального подхода выявляют возможность появления новых форм институциональных практик в виртуальном и реальном контенте, определяют направленность изменений институций, обозначают роль участников движений в этих процессах. А. Турен, М. Арчер, П. Штомпка и другие ученые акцентируют внимание на активности субъектов социального действия, взаимовлиянии структуры и агентов. Представители активистско-деятельностного подхода синтезируют в своих работах микро- и макроуровни социальной реальности (Д. Коулмэн, Э. Гидденс).

Синтез теорий применяется для анализа социальных движений, которые конструируют социальную реальность и вместе с другими участниками создают институциональный дизайн. Например, Д. Делла Порта объединяет концепции гражданского общества и общественных движений, представляет гибридизацию организаций и движений (Della Porta, 2020). К. Гиллан предлагает концепцию временного ландшафта, рассматривает культурные и материальные потоки, в которые включены участники движения, осуществляющие деятельность в социально-политической среде. Окружающую среду ученый характеризует через субъективные мотивации, организационную форму, конфликтные действия. В центре внимания исследователя находится изучение дискурсивного развития, включение участников движений в исторические

события и генерирование знаний в ходе их деятельности. Причем учитывается и индивидуальная автономия, и формы организации, и горизонтальная сетевизация (Gillan, 2020).

И. Кампос и Э. Марин-Гонсалес рассматривают практики просьюмеризма в качестве общественных движений, деятельность которых направлена на изменение дискурса для достижения коллективных целей. Участники (просьюмеры) имеют коллективную идентичность, включены в сетевое взаимодействие (виртуальные сети), осуществляют деятельность по получению и развитию знаний и коллективному обучению, осваивают и развивают различные формы накопления знаний, включая создание инновационных технологий, новых бизнес-моделей и интеграцию социокультурных практик (Campos & Marín-González, 2020).

Современные ученые, определяя специфику общественных движений, исследуют институциональную среду, культурные и материальные потоки, коммуникативные практики, условия, оказывающие влияние на деятельность движений. В информационном обществе, характеризующемся непрерывными модификациями, неопределенностью, рискогенностью, ценностным разнообразием, создается новый институциональный дизайн для институтов гражданского общества, способствующий появлению новых форм, способов, направлений деятельности участников общественных организаций и движений. Поэтому методология исследования движений базируется на стратегии интегрализма, объединяющей различные направления, подходы, теоретические модели. Это позволяет синтезировать микро- и макроуровневые концепции и представить специфику институционального дизайна общественных движений и их возможности в институциональном аспекте.

Движения формируются в различных социальных контекстах, устойчивых и неустойчивых системах, организованных и хаотичных пространствах. В зависимости от существующего общественного порядка, устройства социальной системы активисты изменяют форму и содержание деятельности. В виртуальном и реальном пространствах создается определенный институциональный дизайн, в рамках которого действуют участники движений, выражая интересы, решая проблемы, конструируя новые темы, организовывая практики. Согласно концепции спонтанного порядка Ф. Хайека, «индивидуальные элементы общества» адаптируются к ситуациям, существующим правилам, в результате чего возникает порядок, который выстраивается активными субъектами (Ходжсон, 2003, с. 210). Социальные модификации приводят систему к внезапным конфликтам, оказывающим влияние на деятельность индивидов. Дж. Ходжсон механизмами эволюционного типа в социуме считает институты, привычки и рутины (с. 215). Социальная практика показывает, что культурная, социально-экономическая, институциональная сферы претерпевают быстрые трансформации, это приводит к модификации устойчивых и неустойчивых структур. Привычки и рутины придают форму деятельности и «создают возможности для сознательного принятия решений другими (индивидами)» (с. 204). В то же время ученый не исключает изменение институтов: «Институты изменяются, и даже постепенные изменения могут в конечном счете привести систему в состояние такой напряженности, что не исключены внезапные конфликты или кризисы, в результате которых происходят изменения в деятельности

и социальных установках людей» (с. 212). Дж. Ходжсон уделяет внимание возможностям, которые предоставляются субъектам в процессе их деятельности.

Рутинизация характерна и для участников движений. Деятельность движений зависит от институциональных, социально-экономических, организационных возможностей, которые предоставляются институциональной средой. В современном обществе институциональный дизайн движений имеет свои особенности. В различных ситуациях в условиях цифровизации непосредственные контакты индивидов заменяются виртуальными формами взаимодействия, абстрактными социальными образованиями. По мнению Л. Бляхера, это способствует утрате оснований социальной рефлексии и возрастанию неопределенности в обществе (Бляхер, 2005, с. 19). В итоге создается новый институциональный дизайн, который и является множеством вариаций, плюрализмом смыслов, коммуникативных практик и культур. «В соответствии со всем этим должно быть по-новому сформулировано и понятие системной стабильности. Признание структурных противоречий и понятие динамической стабильности уже стали первыми шагами в этом направлении» (с. 99). Общество развивается, возникают новые варианты институционального дизайна, появляются более мобильные структурные элементы. Так возникает вариативность и плюрализм в социальной сфере. По мнению Н. Лумана, «вариация – это начальное, случайное появление нового, отклоняющегося, неожиданного коммуникативного смысла слова, который затем может быть отобран, а впоследствии и закреплен, если применяющие это слово коммуникации получат системно-воспроизводящий характер» (Луман, 2005, с. 250).

В продолжение этой мысли ответим на вопрос, какую роль можно отвести в этой ситуации движениям? Их участники участвуют в селекции вариаций. Инновации возникают в обществе и принимаются его членами благодаря возможности «интерпретации языка как генетического пула варьирующихся элементов». В то время как «варьирования (мутации) должны быть слепыми», «выражения, тексты целенаправленно придумываются». Другими словами, постоянное повторение нового приводит к изменениям в ожиданиях общества. В результате происходит «эволюционная стабилизация ожиданий или структур систем коммуникаций». Так формируется новый институциональный дизайн, институционализируются новые смыслы, устанавливаются новые практики, которые формируются активными деятелями. Движения непосредственно участвуют в этом процессе. Они несут новую информацию, обеспечивают ее варьирование в условиях определенного социального порядка.

Для участников движений большое значение имеет институциональный дизайн, когда гарантируется свобода слова, представляются возможности для организации митингов, свобода объединений, где органы власти лояльно относятся к гражданским инициативам. Поэтому, выстраивая стратегию исследования, необходимо учитывать институциональный дизайн, механизм социального контроля, те возможности, которые предлагает власть индивидам для участия в общественной жизни.

В информационном обществе под действием технологий на смену традиционным формам коллективной деятельности приходят более гибкие, мобильные объединения, трансформируются принципы и мировоззренческие позиции граждан, происходит полная переоценка ценностей и становление

«новой» личности. Именно в этих условиях движение, являющееся моделью становления новых структур, превращения мотивов в социальные феномены и наоборот, может быть рассмотрено с учетом определенного институционального дизайна, «в контексте современности» (Giddens, 1991, p. 32). Оно переживает свой жизненный цикл, изменяется под влиянием институциональных трансформаций и в процессе осуществления деятельности участниками. Именно в этом контексте в виртуальном и реальном пространствах общественное движение выступает источником формирования социальной реальности, предлагая новые варианты и образцы жизнедеятельности, конструируя новый институциональный дизайн. Например, в период пандемии активисты движений участвовали в создании практик в виртуальном пространстве. Среди них следует отметить организацию акций #МыВместе, #ДелаемДоброВместе, «Милосердие на бегу». С помощью электронных платформ мобильно заключаются партнерства между общественными движениями, НКО, органами власти, государственными учреждениями, коммерческими структурами и другими субъектами социальной сферы.

Множество факторов оказывает влияние на жизненный цикл современных движений. В любом обществе их деятельность зависит от того, насколько это выгодно для каждого индивида в отдельности. Выгодность понимается в данном контексте в широком смысле слова в качестве полезности. Участие зависит от того, как участник осознает полезность. Одни видят выгоду в приобретении опыта волонтерской деятельности, другие – в получении новых знаний, третьи – в материальном вознаграждении. Чтобы понять специфику деятельности участников современных движений, обратимся к идеям теорий практической рациональности (И. Бентам, Б. Скиннер, Дж. Хоманс, Р. Эмерсон), которые объясняют специфику деятельности, поступки людей через «выгодность», рациональность действий как максимизацию полезности. Отвечая на вопрос, какую пользу получают индивиды, если они организуются, М. Олсон подчеркивает, что коллективное действие возможно при применении санкций и поощрений, которые влияют на участие в движении. Предпосылкой для организации движения является общий интерес. Индивиды объединяются, когда индивидуальные интересы соотносятся с коллективными.

В институциональном дизайне важным элементом являются стимулы, побуждающие к участию в деятельности общественных движений. Позитивное отношение общества к акциям движений, наличие индивидуальной и общественной потребности в социальной активности служат благодатной почвой для развития сектора движений в современном обществе. В деятельности объединения и структурировании дизайна примет участие тот, кто имеет схожие интересы и ценностные позиции. В формировании движения играют значительную роль информационные, материальные, культурные ресурсы. В информационной среде, осуществляя деятельность с помощью цифровых технологий, участники приобретают новые возможности и ресурсы.

К элементам институционального дизайна следует отнести социальные сети, которые в условиях технологизации выступают удобным пространством для участников движений в процессе обмена индивидуальными и коллективными интересами, механизмом социальной консолидации (Башева, 2020; Гудзенко, 2019). Цифровые технологии дают возможность движениям при-

влекать внимание общества и власти к актуальным проблемам и ситуациям с помощью онлайн-проектов, медиакейсов, различных видов дискурса и других инструментов (Пунина, Фадеев, 2020; Фадеева, 2021).

Как показывает практика, деятельность современных общественных движений направлена на решение и локальных, и глобальных проблем. В последние годы во всем мире активно организуются массовые протесты. Для мобилизации населения активисты используют социальные сети. Волна протестов и восстаний в 2010–2013 гг. в Тунисе, Египте, Ливии, Йемене, Сирии, Омане и других странах – это политические протесты против безработицы, коррупции, существующего политического режима, несправедливого распределения ресурсов. С 2015 по 2017 гг. по Южной Африке прокатилась волна студенческих протестов, причинами послужили отчисления студентов по финансовым, культурным, этическим вопросам (Czerniewicz et al., 2019). В российских городах в 2019 г. прошли протесты, в ходе которых участники выставляли требования по решению актуальных проблем: в Москве – «за допуск независимых кандидатов на муниципальные выборы», в Екатеринбурге – против строительства храма в городском сквере, в Ингушетии – против изменения границы с Чечней. В том же году во многих городах мира были организованы протестные акции экологов. Среди участников движения *Extinction Rebellion* большое количество молодых людей, посвятивших себя деятельности, направленной на борьбу с изменением климата¹. В 2020–2021 гг. в форме массовых митингов и шестивой политические протесты проходили в Хабаровском крае, Комсомольске-на-Амуре, Николаевске-на-Амуре и других городах России в защиту арестованного губернатора С. Фургала. Современные исследователи рассматривают динамику протестной активности хабаровских протестов и ее трансформацию в протестное голосование с 2020 по 2021 гг. (Пацеля, 2021; Семенов, 2021). Российскими учеными протесты в Хабаровском крае представляются в качестве «самоорганизации массового социального протеста на основе сетевой коммуникации в открытом информационном пространстве», раскрывается механизм самоорганизации и подчеркивается необходимость учитывать «взаимосвязь микро- и макроуровня протекания социальных процессов» (Ким, 2021, с. 13).

Антиавторитарные протесты 2019–2021 гг. в Гонконге современные исследователи связывают с политическими коллективными действиями, участники которых имели идеологические и социальные стимулы, равняясь на участие других индивидов, сверстников, знакомых из студенческой среды. Эти протесты привлекательны для участия в связи с успешностью и многочисленностью. Ученые отмечают, что протестную явку увеличивало распространение информации в сети Интернет, наличие мобильных телефонов и другие технологии (Cantoni et al., 2019).

В эпоху пандемии COVID-19 лидеры движений организовывали протесты против мер, направленных на предотвращение распространения коронавируса (а впоследствии и против режима самоизоляции), практики взаимопомощи, осуществляли мониторинги политиков, вели образовательную деятельность.

¹ *EXTINCTION REBELLION 2019 – год, который запомнится* (2019, 30 декабря).

Взято 10 сентября 2022, с <https://rebellion.global/ru/press/2019/12/30/xr-2019/>

Особенно активно проявляли себя движения за социальную справедливость. Для лидеров были характерны такие формы и способы деятельности, как информирование населения с целью предотвратить распространение вируса, производство и раздача пищевых наборов, средств санитарной защиты, оказание помощи одиноким гражданам, пожилым и инвалидам, создание систем скорой помощи (Pleyers, 2020). Следовательно, участники движений объединялись, чтобы поддерживать нуждающихся в помощи, заботиться друг о друге. Таким формам деятельности свойственна самоорганизация, солидарность, укрепление социальных отношений.

Темы, формы и способы деятельности общественных движений многоаспектны и многоплановы. Современные движения характеризуются гетерогенной природой, локализованной, радикальной деятельностью, гибкой идентичностью, отсутствием программной идеологии. По своему составу они разнообразны, организационно децентрализованы. Создавая цифровые сети, лидеры используют технологии для достижения поставленной цели (например, массовая рассылка электронных сообщений политическим деятелям, формирование локальных сетей взаимной поддержки). До и после пандемии множество городских движений направили свои усилия на преобразование городской реальности и решение социальных проблем, касающихся незащищенных слоев современного общества (Mendes, 2020). В российском обществе движения актуализировали дискурс о формировании доступной среды для маломобильных групп населения, оказании услуг в сфере социального обслуживания, реализации национальных проектов в регионах.

Приведенные примеры подтверждают, что возможности, которые получили движения в информационном обществе, позволяют проявлять новые формы социальной активности и расширяют их поле деятельности. В современных обществах институциональная среда предоставляет политические, организационные, технологические возможности для развития движения и формирования удобного для участия в жизни общества институционального дизайна.

Заключение

В информационном обществе институциональный дизайн способствует созданию новых форм, способов, направлений деятельности общественных объединений, которые наряду с политическими, социально-экономическими и организационными возможностями получили технологические возможности. Институциональный дизайн представляет собой интегрированное сложное единство виртуальных и реальных практик и включает в себя технологическую составляющую. Спецификой институционального дизайна современных движений являются виртуальные формы взаимодействия, абстрактные социальные образования, плюрализм культур, коммуникативных практик, включенность в социальные сети.

Информационное общество характеризуется множеством форм идентичностей, интегральностью в политике, науке, образовании, культуре, во всех сферах общественной жизни. И в этих условиях движения получают новый потенциал для своего развития: возможность быстро передавать информацию, мобилизовывать население, собирать большое количество сторонников, вы-

страивать коммуникативные практики в сети Интернет. В настоящее время интернет-пространство стало средой для формирования дискурса, обмена информацией и мобилизации ресурсов. В ходе разнонаправленной деятельности движения создают новые «коммуникативные смыслы», актуализируют новые темы. С помощью институционального дизайна активисты и лидеры общественных объединений имеют возможность воспроизводить практики в виртуальном и реальном пространствах.

Виртуальное пространство является удобной средой для формирования различных форм и способов деятельности участников движений. В современном обществе, используя инновационные технологии, движения участвуют в «селекции вариаций» и тем самым создают социальную реальность. В свою очередь, институциональная среда оказывает влияние на развитие движений, предоставляет участникам самостоятельно конструировать институциональный дизайн, организовывать новые практики и влиять на «динамическую стабильность» современного общества.

В теоретическом плане исследование институционального дизайна способствует более полному пониманию процесса институционализации общественных движений, их адаптации к современным реалиям. На практике это позволит выстроить конструктивный диалог между участниками движений и органами власти, обеспечить эффективное взаимодействие между движением, государственной властью и обществом. При любом социальном порядке формирование и развитие движений зависит от институционального дизайна, сконструированного социальными институтами и активистами общественных объединений.

Список литературы

1. Башева, О. А. (2020). Цифровой активизм как новый метод гражданской мобилизации. *Научный результат. Социология и управление*, 6(1), 41–57. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-4>
2. Бляхер, Л. Е. (2005). *Нестабильные социальные состояния*. М.: РОССПЭН.
3. Гудзенко, О. З. (2019). Социальный активизм как практика формирования сетевых общественных движений. *ГРАНИ*, 22(11), 47–55.
4. Ким, А. С. (2021). Самомобилизация Хабаровского массового протеста: методология социологического анализа. *Социология*, (6), 5–14.
5. Колозариди, П. В., Ульданов, А. А. (2015). Интернет и общественные движения: анализ развития тематики в базах ScienceDirect и Scopus. *Социологический журнал*, 21(3), 105–128.
6. Лепе, Л. И., Арустамов, Э. А. (2017). Интернет как средство развития массового общественного экологического движения. *Интернет-журнал «Наукоедение»*, 9(5). Взято 10 сентября 2022, с <https://naukovedenie.ru/PDF/58EVN517.pdf>
7. Луман, Н. (2005). *Эволюция*. М.: Логос.
8. Пацеля, Я. С. (2021). Протесты в Хабаровском крае: анализ и прогноз развития политической ситуации. *Вопросы национальных и федеративных*

отношений, 11(7), 2072–2076. <https://doi.org/10.35775/PSI.2021.76.7.009>

9. Пунина, К. А., Фадеев, Г. С. (2021). #MeToo как технология воздействия на политику. *Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения*, 5(1), 84–95. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-1-84-95>

10. Ребров, А. А. (2016). Влияние дискурсивных интернет-технологий на динамику общественных движений. *Управление социальными изменениями в нестабильных условиях: Материалы Всероссийской научной конференции (24 мая 2016 г., Москва)* (с. 456–460). Москва: МАКС Пресс.

11. Семенов, А. Б. (2021). Протесты в Хабаровском крае 2020 г. в публикациях отечественных исследователей. *Общество: политика, экономика, право*, (12), 44–47. <https://doi.org/10.24158/rep.2021.12.6>

12. Сибирев, В. А., Головин, Н. А., Клебанов, А. А. (2018). Сетевые сообщества в борьбе вокруг решения передать Исаакиевский собор Русской Православной Церкви (январь – июнь 2017 г.). *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, (1), 296–317. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.15>

13. Фадеева, И. В. (2021). Хэштег как инструмент влияния в современном медиaprостранстве. *Международный научно-исследовательский журнал*, (9–3), 177–181. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.9.111.106>

14. Ходжсон, Дж. (2003). *Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории*. М.: Дело.

15. Campos, I., & Marín-González, E. (2020). People in transitions: Energy citizenship, prosumerism and social movements in Europe. *Energy Research & Social Science*, 69. <https://doi.org/10.1016/j.erss.2020.101718>

16. Cantoni, D., Yang, D., Yuchtman, N., & Zhang, J. (2019). Protests as strategic games: Experimental evidence from Hong Kong's antiauthoritarian movement. *The Quarterly Journal of Economics*, 134(2), 1021–1077. <https://doi.org/10.1093/qje/qjz002>

17. Czerniewicz, L., Trotter, H., & Haupt, G. (2019). Online teaching in response to student protests and campus shutdowns: academics' perspectives. *International Journal of Educational Technology in Higher Educational*, 16(43). <http://dx.doi.org/10.1186/s41239-019-0170-1>

18. Della Porta, D. (2020). Building bridges: Social movements and civil society in times of crisis. *International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 31(5), 938–948. <https://doi.org/10.1007/s11266-020-00199-5>

19. Giddens, A. (1991). *Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age*. Stanford: Stanford University Press.

20. Gillan, K. (2020). Temporality in social movement theory: Vectors and events in the neoliberal timescape. *Social Movement Studies*, 19(5–6), 516–536. <https://doi.org/10.1080/14742837.2018.1548965>

21. Jennings, K., & Zeitner, V. (2003). Internet use and civic engagement: A longitudinal analysis. *Public Opinion Quarterly*, 67(3), 311–334. <https://doi.org/10.1086/376947>

22. Mendes, L. (2020). How can we quarantine without a home? Responses of activism and urban social movements in times of COVID-19 pandemic crisis in Lisbon. *Tijdschrift Voor Economische en Sociale Geografie*, 111(3), 318–332.

<https://doi.org/10.1111/tesg.12450>

23. O'cay, J. (2010). Technology, technological domination, and the great refusal: Marcuse's critique of the advanced industrial society. *Kritike*, 4(1), 54–78.

24. Pleyers, G. (2020). The pandemic is a battlefield. Social movements in the COVID-19 lockdown. *Journal of Civil Society*, 16(4), 295–312. <https://doi.org/10.1080/17448689.2020.1794398>

References

1. Basheva, O.A. (2020). Tsifrovoy aktivizm kak novyi metod grazhdanskoi mobilizatsii [Digital activism as a new method of civil mobilization]. *Nauchnyirezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*, 6(1), 41–57. <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2020-6-1-0-4>

2. Blyakher, L.E. (2005). *Nestabil'nye social'nye sostoyaniya* [Unstable social conditions]. Moscow: ROSSPEN.

3. Campos, I., & Marín-González, E. (2020). People in transitions: Energy citizenship, prosumerism and social movements in Europe. *Energy Research & Social Science*, 69. <https://doi.org/10.1016/j.erss.2020.101718>

4. Cantoni, D., Yang, D., Yuchtman, N., & Zhang, J. (2019). Protests as strategic games: Experimental evidence from Hong Kong's antiauthoritarian movement. *The Quarterly Journal of Economics*, 134(2), 1021–1077. <https://doi.org/10.1093/qje/qjz002>

5. Czerniewicz, L., Trotter, H., & Haupt, G. (2019). Online teaching in response to student protests and campus shutdowns: academics' perspectives. *International Journal of Educational Technology in Higher Education*, 16(43). <http://dx.doi.org/10.1186/s41239-019-0170-1>

6. Della Porta, D. (2020). Building bridges: Social movements and civil society in times of crisis. *International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*, 31(5), 938–948. <https://doi.org/10.1007/s11266-020-00199-5>

7. Fadeeva, I.V. (2021). Kheshtegkak instrument vliyaniya v sovremennom media prostranstve [Hashtag as a tool of influence in modern media space]. *Mezhdunarodny i nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, (9–3), 177–181. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.9.111.106>

8. Giddens, A. (1991). *Modernity and self-identity: Self and society in the late modern age*. Stanford: Stanford University Press.

9. Gillan, K. (2020). Temporality in social movement theory: Vectors and events in the neoliberal timescape. *Social Movement Studies*, 19(5–6), 516–536. <https://doi.org/10.1080/14742837.2018.1548965>

10. Gudzenko, O.Z. (2020). Sotsial'nyi aktivizm kak praktika formirovaniya setevykh obshchestvennykh dvizhenii [Social activism as a practice of forming networked social movements]. *GRANI*, 22(11), 47–55.

11. Hodgson, G. (2003). *E'konomicheskaya teoriya i instituty: Manifest sovremennoj institucional'noj e'konomicheskoy teorii* [Economics and institutions: A manifesto for a modern institutional economics]. Moscow: Delo.

12. Jennings, K., & Zeitner, V. (2003). Internet use and civic engagement: A longitudinal analysis. *Public Opinion Quarterly*, 67(3), 311–334. <https://doi.org/10.1093/poq/nfg002>

org/10.1086/376947

13. Kim, A.S. (2021). Samomobilizatsiya Xabarovskogo massovogo protesta: metodologiya sociologicheskogo analiza [Methodology of sociological analysis of self-mobilization of the Khabarovsk mass protest]. *Sociologiya*, (6), 5–14.

14. Kolozaridi, P.V., & Uldanov, A.A. (2015). Internet i obshchestvennye dvizheniya: analiz razvitiya tematiki v bazakh ScienceDirect i Scopus [Internet and social movements: Analysis of topic development in ScienceDirect and Scopus databases]. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 21(3), 105–128.

15. Lepe, L.I., & Arustamov, E.A. (2017). Internet kak sredstvo razvitiya massovogo obshchestvennogo ekologicheskogo dvizheniya [The Internet as a medium for the development of mass public environmental movement]. *Internet-zhurnal "Naukovedenie"*, 9(5). Retrieved September 10, 2022, from <https://naukovedenie.ru/PDF/58EVN517.pdf>

16. Luhmann, N. (2005). *E'volyuciya* [Evolution]. Moscow: Logos.

17. Mendes, L. (2020). How can we quarantine without a home? Responses of activism and urban social movements in times of COVID-19 pandemic crisis in Lisbon. *Tijdschrift Voor Economische en Sociale Geografie*, 111(3), 318–332. <https://doi.org/10.1111/tesg.12450>

18. Ocaj, J. (2010). Technology, technological domination, and the great refusal: Marcuse's critique of the advanced industrial society. *Kritike*, 4(1), 54–78.

19. Patselia, Ya.S. (2021). Protesty v Khabarovskom krae: analiz i prognoz razvitiya politicheskoi situatsii [Protests in the Khabarovsk region: Analysis and forecast of the political situation]. *Voprosy nacional'nyx i federativnyx otnoshenij*, 11(7), 2072–2076. <https://doi.org/10.35775/PSI.2021.76.7.009>

20. Pleyers, G. (2020). The pandemic is a battlefield. Social movements in the COVID-19 lockdown. *Journal of Civil Society*, 16(4), 295–312. <https://doi.org/10.1080/17448689.2020.1794398>

21. Punina, K.A., & Fadeev, G.S. (2021). #MeToo kak tekhnologiya vozdeistviya na politiku [#MeToo as a technology for influencing politics]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 5(1), 84–95. <https://doi.org/10.35634/2587-9030-2021-5-1-84-95>

22. Rebrov, A.A. (2016). Vliyanie diskursivnykh internet-tekhnologii na dinamiku obshchestvennykh dvizhenii [The influence of discursive Internet technologies on the dynamics of social movements]. *Upravlenie social'nyimi izmeneniyami v nestabil'nykh usloviyax: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (24 maya 2016 g., Moskva)* (pp. 456–460). Moscow: MAKS Press.

23. Semyenov, A.B. (2021). Protesty v Khabarovskom krae 2020 g. v publikatsiyakh otechestvennykh issledovatelei [Protests in Khabarovsk Territory in 2020 in the publications of domestic researchers]. *Obshchestvo: politika, e'konomika, pravo*, (12), 44–47. <https://doi.org/10.24158/pep.2021.12.6>

24. Sibirev, V.A., Golovin, N.A., & Klebanov, A.A. (2018). Setevye soobshchestva v bor'be vokrug resheniya peredat' Isaakievskii sobor Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi (yanvar' – iyun' 2017 g.) [Social media communities on the controversial decision to hand over St. Isaac's Cathedral to the Russian Orthodox Church (January through June 2017 analysis)]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, (1), 296–317. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.15>

Информация об авторе

Наталья Анатольевна Скобелина, доктор социологических наук, профессор кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2108-187X>, e-mail: skobfet71@yandex.ru

Information about the author

Natalia Anatolievna Skobelina, Doctor of Social Sciences, Professor, Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Volgograd State University, Volgograd, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2108-187X>, e-mail: skobfet71@yandex.ru

УДК 172.1

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_1_155

КОНЦЕПЦИЯ НЕНАСИЛИЯ ДЖУДИТ БАТЛЕР: ВЗГЛЯД ТЕОРЕТИКА ФЕМИНИЗМА НА ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С НАСИЛИЕМ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ*

Обзор книги: Butler, J. (2020). The force of nonviolence: An ethico-political bind. Brooklyn: Verso Books

Татьяна Николаевна Седых,

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия,
tatiana_sedykh@mail.ru

Статья поступила в редакцию 27.10.2022, принята к публикации 07.03.2023

Для цитирования: Седых Т.Н. Концепция ненасилия Джудит Батлер: взгляд теоретика феминизма на проблемы борьбы с насилием в современном обществе // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 1. С. 155–167. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_155

Аннотация

В фокусе внимания статьи находится книга The force of nonviolence: An ethico-political bind («Сила ненасилия: Сцепка этики и политики») американского профессора Джудит Батлер, известного политического философа, теоретика феминизма, создателя концепции перформативного гендера. В работе рассматриваются подходы к определению насилия, его разнообразные формы, описываются причины, которые в современном обществе считаются достаточным обоснованием для осуществления

* Исследование выполнено в рамках Программы развития Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

© Седых Т.Н., 2023

насильственных действий. Особое внимание уделяется содержательной стороне теории ненасилия, которое трактуется не как отрицание принуждения, а как практика сопротивления различным формам насилия, способ перенаправить агрессию людей в целях утверждения идеалов равенства и свободы. Автор статьи анализирует общий концептуальный подход Дж. Батлер, делая акцент на проблемах неравенства и таком явлении, как фемцид, борьба с которым актуальна и для нашей страны, и для мирового сообщества в целом. Протест против насилия в отношении женщин рождает новые проекты и движения, которые ведут просветительскую работу, оказывают помощь пострадавшим, стремятся объединить людей из разных социальных слоев в борьбе с неравенством. По мнению американского философа, решить проблему насилия в обществе возможно только на основе политики равенства, для чего необходимо относиться к каждой жизни как ценности, независимо от пола, цвета кожи и социального статуса человека. Делается вывод, что концепция Дж. Батлер, кажущаяся на первый взгляд утопичной, в перспективе может стать фундаментом мировоззренческих трансформаций общества.

Ключевые слова:

концепция ненасилия, фемцид, насильственные действия, равенство, свобода, жизнь как ценность.

UDC 172.1

DOI: 10.17506/18179568_2023_20_1_155

JUDITH BUTLER'S CONCEPT OF NONVIOLENCE: THE VIEW OF THE FEMINIST THEORIST ON THE ISSUES OF COMBATING VIOLENCE IN MODERN SOCIETY

Book review: Butler, J. (2020). *The force of nonviolence: An ethico-political bind*. Brooklyn: Verso Books

Tatiana N. Sedykh,

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
tatiana_sedykh@mail.ru

Article received on October 27, 2022, accepted on March 7, 2023

For citation: Sedykh, T.N. (2023). Judith Butler's Concept of Nonviolence: the View of the Feminist Theorist on the Issues of Combating Violence in Modern Society. *Discourse-P*, 20(1), 155-167. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_155

Abstract

The article focuses on the book “The force of nonviolence: An ethico-political bind” by American professor Judith Butler, a famous political philosopher, feminist theorist, and creator of the performative gender concept. The study examines the approaches to the definition of violence, its various forms and describes the reasons that are considered sufficient justification for the implementation of violent actions in modern society. Particular attention is paid to the content side of the theory of nonviolence, which is interpreted not as a denial of coercion, but as the practice of resistance to various forms of violence, the way to redirect people’s aggression in order to assert the ideals of equality and freedom. The author of the article analyzes Butler’s general conceptual approach, emphasizing the problems of inequality and such phenomenon as femicide, the fight against which is relevant both for Russia and the entire world community. The protest against violence towards women gives birth to new projects and movements that conduct educational work, provide assistance to victims, and strive to unite people from different social strata in the fight against inequality. According to the American philosopher, the problem of violence in society can be solved only by implementing a policy of equality, which requires treating every life as a value, regardless of gender, skin color, and social status. It is concluded that Judith Butler’s theory, seemingly utopian at first glance, in the future may become the foundation of ideological transformations of society.

Keywords:

concept of nonviolence, femicide, violent action, equality, freedom, life as a value.

Введение

«Может ли женщина быть философом?» – вопрос, который обсуждается не одно столетие, но ответ на него, к сожалению, не для всех очевиден. Путь женщин в философии нельзя назвать простым: «В Европе на одном из средневековых богословских соборов дискутировался вопрос: «Человек ли женщина?». В XIX веке в России стоял вопрос: «Способна ли женщина к философии?» А в начале XX века все еще сравнивались умственные способности мужчин и женщин не в пользу последних» (Андреева, 2001, с. 176). Но даже признание за женщиной права заниматься философией не всегда позволяет женщине-философу стоять в одном ряду с философами-мужчинами. По словам М. Уайт, профессора философии Государственного университета Кливленда (США), «всегда существовало по меньшей мере два списка философов. Первый из них – список так называемых «великих». Исторически это те мужчины-философы, о которых мы не дерзнем умолчать во вступительных текстах. Во втором списке были «не такие уж великие мужчины». Есть и третий список – женщины. Большинство из них высоко ценили коллеги, и лишь для того, чтобы их впоследствии проигнорировали историки философии» (Waithe, 1994, p. 37). В настоящей статье мы сфокусируемся на новой работе американского профессора Джудит Батлер, чьи многочисленные труды являются ответом на сомнения в способности женщины заниматься наукой и философией.

Подход к определению понятий «насилие» и «ненасилие»

Представительница постструктурализма и теоретик феминизма Дж. Батлер внесла существенный вклад в изучение вопросов квир-теории, этики, литературоведения и политической философии. В своих работах она разрушает привычное нам бинарное восприятие гендера, вводит термин «перформативность» и открывает новые горизонты исследования человеческой идентичности. Каждая новая работа Батлер порождает большое количество дискуссий (и не только в научной среде) и даже способствует появлению новых дисциплин. В 2020 г. вышла в свет ее книга *The force of nonviolence: An ethico-political bind* («Сила ненасилия: Сцепка этики и политики») (Butler, 2020), которая представляет интерес как для научного сообщества, так и для всех интересующихся актуальными проблемами развития современного общества, и уже опубликована на русском языке (Батлер, 2022).

К теме насилия обращались многие мыслители, в том числе Ж. Деррида (Derrida, 1991), К. Шмитт (Schmitt, 2002), М. Фуко (Foucault, 1975), Дж. Агамбен (Агамбен, 2011) и др. Дж. Батлер представляет свой взгляд на проблемы насилия на нынешнем этапе развития общества. Опираясь на объемный пласт философских концепций (работы представителей немецкой классической философии, Франкфуртской школы, концепции фрейдистов, постструктуралистов и др.), она рассматривает насилие в его многочисленных сложных формах и высказывает предположение, что политика ненасилия должна закрепиться через разнообразие формы солидарности людей. По ее мнению, сегодня все политические силы (вне зависимости от идеологических предпочтений) готовы приводить аргументы «за» или «против» применения государством насилия для проведения социальных или экономических преобразований. Но все аргументы в дискуссии на данную тему не работают, если нет четкого понимания, что представляют собой насилие и ненасилие.

Устоявшиеся определения этих двух понятий привести крайне проблематично. Есть предположение, что насилием можно считать только физическое воздействие на другого человека. С другой стороны, есть мнение, что насильственным может быть признан даже определенный речевой акт. По мнению Батлер, физическое воздействие является наиболее наглядной формой насилия (поэтому привлечь к ответственности за подобные действия достаточно просто). Но существуют различные модели структурных или институциональных форм насилия, для которых однократное физическое воздействие не является ни показателем, ни достаточным основанием. В таком случае найти виновного и привлечь его к ответственности становится сложнее. Иногда власти считают призывом к насилию любое проявление политического инакомыслия, а демонстрации и собрания называются представляющими опасность для общества даже в тех случаях, когда их участники не стремятся прибегнуть к физическому воздействию. Для борьбы с этой «угрозой» государство, в свою очередь, использует разные формы насильственных действий (например, при помощи собственных или подконтрольных СМИ обозначает оппозиционные силы как опасные для граждан – готовые к применению насилия; ярким примером подобных насильственных действий могут служить события 2013 г. в Стамбуле). И, к сожалению, на текущий момент проблематично назвать государство, где

подобные формы насилия вообще не применялись. Как отмечает американский исследователь Ч. Редди (Reddy, 2011), в США господствует точка зрения, согласно которой государство гарантирует свободу от насилия. При этом оказываются допустимы (и даже необходимы) активные действия насильственного характера как против расовых меньшинств в собственной стране, так и против государств, характеризующихся как «иррациональные», не соответствующих определенным нормам и стандартам либеральной демократии. Социологи Стэнфордского и Мэрилендского университетов пришли к выводу, что все больше американцев готовы оправдывать применение насильственных методов для достижения политических целей¹.

В такой ситуации сложно дать четкое определение насилия, т. к. возникают проблемы различения собственно насильственных действий, различных форм их фальсификаций и инвертирования, а также структурных и системных форм насилия, использование которых связывают с необходимостью «ответа на агрессивные действия оппозиции» и собственно насилием не называют. Дж. Батлер в своей книге предпринимает попытку дать определение насилия и в том случае, когда оно используется для обозначения деятельности, направленной на отстаивание определенных политических интересов, и в том, когда обозначает насильственные действия со стороны государства. Но прежде всего философ анализирует причины, которые в обществе считаются достаточным оправданием для применения насильственных действий. Батлер отмечает, что представители левой части политического спектра в большинстве случаев утверждают, что подтолкнуть к насильственным действиям может необходимость самообороны. Чтобы понять эту позицию, необходимо знать, кто нуждается в защите. Если это мы сами, наши родственники, все, кто принадлежит к нашему окружению, нации или религии, или те, кто говорит с нами на одном языке, то сохранять жизнь мы будем лишь тем, кто на нас похож. В этом случае оправдание насилия ведет к возникновению неравенства: «свои» считаются достойными защиты, в то время как «чужие» нет. Таким образом, жизни людей, являющихся частью определенных групп, признаются ценными, о кончине таких людей мы будем сожалеть, тогда как жизни представителей других групп ценности якобы не представляют. Другим условием, которое по мнению левых оправдывает применение насилия, является необходимость демонтажа авторитарных и тоталитарных политических режимов. Но чтобы этот аргумент сработал, нам необходимо знать, что отличает насилие режима от насилия, направленного на его ликвидацию, поскольку такое различие можно провести далеко не всегда. Также необходимо ответить на вопрос, не превратятся ли на определенном этапе насильственные действия из формы борьбы с режимом в самоцель.

Еще одним популярным аргументом защитников применения насильственных методов в политической борьбе, к которому обращается Батлер, является утверждение, что все мы живем в мире, полном насилия, и наши действия так или иначе им обусловлены. Кроме традиционного заявления левых о необхо-

¹ Diamond, L., Drutman, L., Lindberg, T., Kalmoe, N.P., & Mason, L. (2020, September 10). Americans increasingly believe violence is justified if the other side wins. *Politico Magazine*. Retrieved June 7, 2022, from <https://www.politico.com/news/magazine/2020/10/01/political-violence-424157>

димости «борьбы с насилием» в революционных целях, существуют и более конкретные оправдательные стратегии: насильственные действия направлены против нас, поэтому наш «ответ» оправдан как против тех, кто осуществляет насильственные акты, так и против тех, кто их направляет. Аргументами в пользу необходимости отвечать насильственными действиями на насилие могут быть также утверждения: «другие делают это, и мы должны это делать»; «другие действуют против нас, и мы должны действовать так же во имя самосохранения». И если первое утверждение определенно является не вполне надежным обоснованием для применения насилия, то второе Батлер анализирует более подробно. По ее мнению, необходимо четко понимать, кто этот «я», который действует насильственными методами ради самосохранения. Не является ли этот «я» частью общей истории, земли, разнообразных социальных отношений, и как он может отделить себя от этой общности. Не является ли тот, кто совершает насилие, в каком-то смысле также частью «я», которое защищается посредством насильственных действий. Только ответив на эти вопросы и осознав, что все мы вовлечены в жизни друг друга, связаны определенными отношениями (как устойчивыми, так и изменчивыми), можно понять, что насилие по отношению к другому в конечном счете является насилием по отношению к самому себе, потому как поражает живые взаимосвязи, пронизывающие наш социум.

В то же время понятие «ненасилие» вызывает множество вполне устоявшихся ассоциаций, которые не вполне соответствуют действительности. Батлер пытается разорвать этот ассоциативный ряд и утверждает, что сейчас ненасилие следует понимать не столько как моральную позицию, занимаемую отдельными лицами по отношению к области возможных действий, сколько как социальную и политическую практику, осуществляемую совместно, направленную на сопротивление системным формам разрушения, на построение мира, где понимают и уважают принципы глобальной взаимозависимости, которая воплощает в себе идеалы экономической, социальной и политической свободы и равенства.

Философ обращает внимание, что ненасилие зачастую является выражением эмоционального состояния человека, его ярости, негодования, и ненасильственные формы сопротивления факторам, порождающим такую реакцию личности, могут и должны агрессивно применяться. Поэтому словосочетание «практика агрессивного ненасилия» не содержит в себе противоречий. Очевидно, что ненасилие – это идеал, который не всегда может быть реализуем на практике (и даже тот, кто является сторонником ненасильственного сопротивления, в определенный момент вступает в физический контакт, противопоставляя свою силу силе противника, что заставляет нас тщательно обдумывать направленность силового воздействия и учиться четко различать применение физической силы и насилие). Но важно понимать, что ненасилие – это не бездействие, а утверждение жизненных требований, которое проявляется в речи, жестах, поступках и направлено на переосмысление жизни как ценности, утрата которой достойна сожаления и скорби. Ненасилие лучше всего характеризовать как практику сопротивления, которая становится возможной (и даже обязательной) именно в тот момент, когда насилие кажется наиболее оправданным и очевидным. Это сопротивление призвано не только остановить насильственные действия, но и требует определенных поступков, иногда агрессивного характера.

Таким образом, мы можем думать о ненасилии не просто как об отсутствии насилия или как о способе, который поможет удержать от использования насильственных действий, а как о важном пути перенаправления агрессии в целях утверждения идеалов равенства и свободы. По причине того, что ненасилие не имеет смысла без стремления к равенству. В нашей жизни мы часто видим, а порой и не обращаем внимания на проявления расизма, ксенофобии, гомофобии, мизогинии, игнорирование проблем бедных и обездоленных. В современном мире ценность жизни людей разного социального положения и достатка неодинакова, вплоть до того, что не всегда фиксируются случаи, когда люди получают ранения или погибают. Тогда как на самом деле любая жизнь имеет ценность и любая потеря достойна сожаления и скорби. Нам необходимо осознать важность социальных связей и взаимозависимости всех членов общества для понимания равенства всех людей и возможности применения ненасильственных средств для решения споров и противоречий. Как отмечает Батлер, в настоящий момент взаимозависимость и равенство людей отрицаются как на личном, так и на международном уровнях. Тогда как на самом деле никто и никогда не остается «сам по себе», потому что человек зависит от мира, в котором он живет, его экономических и социальных структур, окружающей среды. Развитие человека, уровень его жизни тесно связаны с ростом и развитием других форм жизни. Человеческое и нечеловеческое тесно связаны друг с другом.

В связи с этим необходимо учитывать, что мы не являемся автономными существами, а существуем только до тех пор, пока существует планета. То, что верно для человека, верно и для всех живых существ, которые нуждаются в нетоксичной почве и чистой воде для продолжения жизни (Haraway, 2007). Если кому-то из нас предначертано жить и процветать, это будет не жизнь, прожитая в изоляции, но жизнь с другими, которая не является жизнью без этих других. Именно такое совместное общежитие и дает возможность не утратить свое собственное «я»: мы его не потеряем, а окружающий мир будет нас поддерживать и трансформировать посредством нашей связи с другими людьми и иными формами жизни. Как подчеркивает Батлер, «я» нуждается в «ты», чтобы выжить и процветать. И «мы» нуждаемся в окружающем нас мире. Эти отношения философ берет за основу для рассуждения об обязательствах ненасилия, которые мы несем по отношению друг к другу: я не могу жить, не контактируя и не осуществляя коммуникацию с некоторой группой людей. Узлы, которые в планетарном масштабе связывают всех нас, могут нами не вполне осознаваться, быть хрупкими и своей основой иметь преимущественно сложившиеся отношения между различными государствами. Но эти связи могут быть укреплены через трансверсальные формы солидарности, которые ставят под сомнение важность и нужность применения насилия. Наше понимание себя как самостоятельных и самодостаточных субъектов – лишь видимость, в которую мы хотим и рады верить. Взаимозависимость делает нас уязвимыми, и эта уязвимость является особенностью отношений, которые связывают людей друг с другом и с институтами и структурами, от которых зависит продолжение нашей жизни. Также и в международных отношениях не все страны признают взаимозависимость на экономическом, политическом и культурном уровнях. Батлер подчеркивает, что именно отрицание этих взаимосвязей на межгосударственном уровне

не дает возможности убедить правительства некоторых стран (например, США) признать тот факт, что существуют не только их права, но и соответствующие обязательства. Эти обязательства должны иметь наднациональный характер, пересекать границы и касаться всего населения планеты, т. к. признание взаимозависимости – это необходимое условие равенства. Поэтому, если возникнет вопрос, почему мы должны заботиться о том, кто не является нам близким, то логичным обоснованием будут отношения взаимозависимости, которые пронизывают наш мир.

Насилие в современном мире, его виды и способы борьбы с ним

Настоящее время можно назвать временем бессмысленных смертей и жестокости. Поэтому возникает закономерный вопрос о способах предотвращения насилия. Скорее всего, прозвучат мнения, что на государственном и международном уровнях необходимо выявить те группы людей, которые более всего уязвимы, и сделать все для их защиты. Но, как считает Дж. Батлер, это не может решить проблемы. Попытки государства защитить определенные слои населения, которые мы можем назвать «уязвимыми» и к которым можем отнести женщин, мигрантов, жертв современного расизма, не учитывают способность и желание этих людей бороться, проявлять не только слабость, но и объединяться ради сохранения собственных жизней.

Особо актуальной является проблема фемцида (англ. *femicide*)². В России в 2021 г. его жертвами стали почти 1300 женщин³, а в Латинской Америке эта цифра уже несколько лет почти в три раза выше⁴. Весьма логичен в этой связи подъем движения *Ni una menos*, которое мобилизует более миллиона женщин по всей Латинской Америке, а также в Испании и Италии на протесты против насилия machistas. В этом же ключе можно расценивать появление в 2019 г. первого российского антифемцидного проекта, который был начат активистками Московского женского музея. Новым направлением российского женского гражданского активизма являются «кризисные центры для женщин, пострадавших от насилия и других форм дискриминации... Центры активно действуют в Москве, Санкт-Петербурге, Калининграде, Нижнем Новгороде и других крупных городах, к их деятельности подключаются органы социальной защиты населения. Однако на периферии деятельность кризисных центров пока не получает должного распространения» (Хасбулатова, 2019, с. 20). Подобные центры, проекты и движения ведут активную работу, в том числе просветительскую, как в учебных заведениях, церковных организациях, так и в интернет-пространстве, пытаясь объединить женщин из разных общественных слоев для противодей-

² Встречается также написание «феминицид» (исп. *feminicidio*). Под феминицидом понимается убийство женщин мужчинами, потому что они женщины (Russell & Harnes, 2001).

³ Доклад *Femicid.net* для ООН (2022, 19 января). Взято 18 октября 2022, с <https://www.wmmsk.com/2022/01/un2022/>

⁴ *Killings of women and girls by their intimate partner or other family members. Global estimates 2020* (2021, November). Retrieved September 17, 2022, from https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/statistics/crime/UN_BriefFem_251121.pdf

ствия распространению насилия, для борьбы с неравенством и предотвращения убийств на гендерной почве.

Часто о подобных преступлениях, имеющих прежде всего гендерную основу, говорят как об исключительных событиях, которые становятся настоящими сенсациями. Такие новости повергают общественность в шоковое состояние. При этом мы не знаем реального количества подобных преступлений и не анализируем сложившуюся ситуацию с точки зрения существующих в нашем обществе серьезных системных проблем, являющихся во многом причиной подобного положения женщин. Как отмечают Т.К. Ростовская и Н.А. Безвербная, «говоря о масштабах распространенности семейного насилия в Российской Федерации, нужно заметить, что поступающие из разных источников сведения зачастую противоречат друг другу, т. е. сбор статистики ведется, но его критерии остаются неясными. Сбор статистических данных значительно ухудшился из-за принятия Закона о декриминализации побоев в семье. <...> По данным экспертных оценок, около 70–90% женщин, страдающих от домашнего насилия, не обращаются за помощью в полицию и, таким образом, их данные не попадают в официальную статистику МВД» (Ростовская, Безвербная, 2020, с. 94).

Мы не замечаем, а зачастую и сознательно игнорируем проблемы всего общества в целом, когда характеризуем мужчин, совершивших подобные преступления, исключительно как людей, страдающих серьезными психопатическими расстройствами личности, или рассматриваем произошедшую трагедию как исход борьбы «конфликтующих сил Вселенной» (Butler, 2020, p. 146). Дж. Батлер соглашается с профессором из Коста-Рики М. Сагот, специализирующейся на гендерной социологии, которая считает, что насилие в отношении женщин не только приводит к системному неравенству между мужчинами и женщинами во всем обществе, но и есть проявление террора – наследия диктаторской власти и военного насилия, которые общество пережило в прошлом (Sagot, 2000, p. 96). Преступления, совершенные на гендерной почве, не следует объяснять индивидуальными характеристиками преступника, различными патологиями или просто проявлением мужской агрессии. По мнению М. Сагот, подобные насильственные акты (убийства, домогательства, побои) необходимо рассматривать с точки зрения распределения в обществе определенных ролей и неуклонного следования однажды установленным «правилам игры», что в конечном счете проявляется в крайних формах сексистского террора. Кроме этого, очень важно учитывать атмосферу страха, в которой женщины вынуждены жить постоянно. Они запуганы и вынуждены подчиняться всем требованиям мужчин, потому что живут согласно принципу «подчинись или умри». Такое положение зачастую поддерживается и усиливается судебной системой и органами полиции, которые отказываются от преследования, не признают преступный характер насильственных действий в отношении женщин⁵. Убийства в подобной ситуации – это совершенно определенно насильственный акт. Их могло бы быть меньше, если бы не те, кто отвергает преступление, обвиняет жертву или

⁵ *Women as victims of partner violence. Justice for victims of violent crime. Part IV* (2019). Luxembourg: Publications Office of the European Union. Retrieved October 8, 2022, from https://fra.europa.eu/sites/default/files/fra_uploads/fra-2019-justice-for-victims-of-violent-crime-part-4-women_en.pdf

патологизирует убийцу в духе оправдания. Потому актами насилия мы можем назвать также и отказ обозначить происходящее именно этим термином, отказ считать свершившееся насилие преступлением, которое требует соответствующего наказания и возмещения.

Дж. Батлер утверждает, что борьба женщин против фемицида тесно связана с борьбой за жизнь тех, кто подвергается насилию во всем мире: мигрантов, афроамериканцев, квиоров, тех, кто считает себя подавляемыми гетеронормативностью общей культуры. Как подчеркивает философ, акт насилия приводит в действие определенные механизмы, которые поддерживают и постоянно воспроизводят сложившийся в обществе порядок. Вот почему необходимо видеть и анализировать не отдельные насильственные акты, а представлять масштаб происходящих трагедий, включая убийства в тюрьмах и на улицах, совершенные в том числе и полицейскими. Новые, якобы продиктованные соображениями безопасности и необходимые для «защиты» людей от насилия, полномочия полиции и вооруженных сил на самом деле все больше ограничивают тех людей, которых призваны защищать. Что-то подобное, по мнению Батлер, происходит и тогда, когда мы, пытаясь защитить людей от насилия, выделяем «уязвимые группы населения» и с удивительной настойчивостью с этой уязвимостью боремся, иногда используя в этой «борьбе» очень агрессивные методы. Такой подход ошибочен, т.к. настоящее состояние тех, кого мы считаем уязвимыми, может включать в себя также ярость, настойчивость и сопротивление. Было бы неразумно извлекать уязвимость из этого созвездия, хотя «действительно, уязвимость пронизывает и обуславливает социальные отношения, и без этого понимания у нас мало шансов добиться равенства, к которому мы все стремимся» (Butler, 2020, p. 149). Признание уязвимости не как главной характеристики человека, а в качестве признака социальных отношений выносит это понятие из критериев для определения идентичности, а также основания для осуществления политического действия. Принятие условия своей уязвимости становится своего рода силой, отличающейся от той, которая отстаивает силу как неуязвимость, потому как разнообразным формам господства и подчинения противопоставляет солидарность и трансформирующуюся общность. Аналогичным образом предубеждение против ненасилия как пассивного и бесполезного неявно зависит от гендерного разделения признаков, при котором мужественность означает активность, а женственность – пассивность. Как подчеркивает Батлер, сила ненасилия заключается в способах сопротивления той форме насилия, которая регулярно скрывает свое истинное имя. Ненасилие разоблачает уловку, с помощью которой государственное насилие защищает себя от людей с другим цветом кожи, квиоров, мигрантов, бездомных, инакомыслящих, которые по «соображениям безопасности» должны быть задержаны, заключены в тюрьму или изгнаны. Деструктивному насилию ненасилие противопоставляет союзы сопротивления и настойчивости, которые оказываются активной силой. По мнению философа, отказ – это не бездействие. Например, гражданское неповиновение может показаться простым «отказом», но оно делает публичным соображение о том, что система несправедлива. Бойкотировать режим, который допускает бесправие даже небольшой части граждан страны, означает утверждать несправедливость режима, отказываться признавать его преступность как норму.

Заключение

Для того чтобы наша жизнь подчинялась не только логике войны, которая проводит различие между жизнью, которую стоит сохранить, и жизнью, которая считается несущественной, мы должны настаивать на политике равенства. И вмешательство во все сферы общественной жизни для утверждения на всех уровнях мысли о ценности жизни каждого человека необходимо. Требование признания каждой смерти достойной сожаления – это еще один способ сказать, что человек должен иметь возможность жить, не подвергаясь насилию, системному забвению или военному уничтожению. Мы не обязаны любить друг друга для того, чтобы быть сплоченными. Мы боремся за то, чтобы оставаться вместе, чтобы не разрушить существующее пока единство. И в этом случае именно ненасилие становится для нас возможностью сказать: «Ты важен, потеря тебя невыносима; и я хочу, чтобы ты жил; я хочу, чтобы ты хотел жить, воспринимай мое желание как свое собственное, ибо твое уже мое» (Butler, 2020, p. 158). «Я» не являюсь тобой, но не мыслю себя без «тебя». На последних страницах своей работы философ призывает читателя (независимо от того, охвачен он гневом или любовью) надеяться, что мы сможем жить так, чтобы быть с живыми, помнить о мертвых, действовать вместе, быть сильными в тяжелые времена, упорными в преодолении препятствий. Безусловно, подобный подход можно назвать утопичным, а Дж. Батлер и ее убежденность в силе ненасилия современные скептики упрекнули в чрезмерной вере в человека и его возможности противостоять искушениям, преодолеть тягу к насилию как таковому. Но сложно не согласиться с тем, что предложенный путь – одна из немногих возможностей для человечества выжить, построить новый тип общества на основе выдвижения понятных целей и ценностей, которые будут не рекламными декларациями, а, имея основой фундаментальные смыслы, станут настоящей мобилизующей силой жизни.

Список литературы

1. Агамбен, Дж. (2011). *Ното sacer. Суверенная власть и голая жизнь*. М.: Европа.
2. Андреева, И.С. (2001). Ванчугов В.В. Женщины в философии: из истории философии в России XIX – нач. XX в. М., 1995. 300 с. (Обзор книги). *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал*, (4), 176–182.
3. Батлер, Дж. (2022). *Сила ненасилия: Сценка этики и политики*. М.: Издательский дом ВШЭ.
4. Ростовская, Т.К., Безвербная, Н.А. (2020). Насилие в отношении женщин: мировые тенденции. *Женщина в российском обществе*, (2), 89–98. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.2.8>
5. Хасбулатова, О.А. (2019). Женское движение в современной России. *Женщина в российском обществе*, (3), 14–26.
6. Butler, J. (2020). *The force of nonviolence: An ethico-political bind*. Brooklyn: Verso Books.

7. Derrida, J. (1991). *Gesetzeskraft. Der "mystische grund der autorität"*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
 8. Foucault, M. (1975). *Surveiller et punir: Naissance de la prison*. Paris: Gallimard.
 9. Haraway, D. (2007). *When species meet*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
 10. Reddy, C. (2011). *Freedom with violence: Race, sexuality, and the US State*. Durham: Duke University Press.
 11. Russell, D., & Harmes, R. (2001). *Femicide in global perspective*. New York: Teachers College Press.
 12. Sagot, M. (2000). *Ruta critica de las mujeres afectadas por la violència intrafamiliar en América Latina: Estudios de caso de diez países*. Organización Panamericana de la Salud.
 13. Schmitt, C. (1963). *Der Begriff des politischen*. Berlin: Duncker & Humblot.
 14. Waithe, M. (1994). *A history of women philosophers* (Vol. 3). Cleveland: Cleveland State University.
-

References

1. Agamben, G. (2011). *Homo sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo sacer. Sovereign power and bare life]. Moscow: Evropa.
2. Andreeva, I.S. (2001). Vanchugov V.V. Zhenshchiny v filosofii: iz istorii filosofii v Rossii XIX – nach. XX v. M., 1995. 300 s. (Obzor knigi) [Vanchugov V.V. Women in philosophy: From the history of philosophy in Russia in the 19th and early 20th centuries. Moscow, 1995. 300 p. (Book review)]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 3: Filosofiya. Referativnyy zhurnal*, (4), 176–182.
3. Butler, J. (2020). *The force of nonviolence: An ethico-political bind*. Brooklyn: Verso Books.
4. Butler, J. (2022). *Sila nenasiliya: Scepka e'tiki i politiki* [The force of nonviolence: An ethico-political bind]. Moscow: Izdatel'skiy dom VShE'.
5. Derrida, J. (1991). *Gesetzeskraft. Der "mystische grund der autorität"* [Force of law. The "mystical foundation of authority"]. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
6. Foucault, M. (1975). *Surveiller et punir: Naissance de la prison* [Discipline and punish: The birth of the prison]. Paris: Gallimard.
7. Haraway, D. (2007). *When species meet*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
8. Khasbulatova, O.A. (2019). Zhenskoe dvizhenie v v sovremennoj Rossii [Women's movement in modern Russia]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*, (3), 14–26.
9. Reddy, C. (2011). *Freedom with violence: Race, sexuality, and the US State*. Durham: Duke University Press.
10. Rostovskaya, T.K., & Bezverbnaya, N.A. (2020). Nasilie v otnoshenii zhenshchin: mirovye tendencii [Violence against women: Global trends]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve*, (2), 89–98. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.2.8>
11. Russell, D., & Harmes, R. (2001). *Femicide in global perspective*. New

York: Teachers College Press.

12. Sagot, M. (2000). *Ruta critica de las mujeres afectadas por la violència intrafamiliar en América Latina: Estudios de caso de diez países* [The critical path of women affected by family violence in Latin America: Case studies from 10 countries]. Organización Panamericana de la Salud.

13. Schmitt, C. (1963). *Der Begriff des politischen* [The concept of the political]. Berlin: Duncker & Humblot.

14. Waithe, M. (1994). *A history of women philosophers* (Vol. 3). Cleveland: Cleveland State University.

Информация об авторе

Татьяна Николаевна Седых, кандидат политических наук, доцент кафедры философии политики и права, философский факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3746-0660>, e-mail: tatiana_sedykh@mail.ru

Information about the author

Tatiana Nikolaevna Sedykh, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3746-0660>, e-mail: tatiana_sedykh@mail.ru

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Общие положения

1. Статья должна соответствовать тематике журнала: философия, политическая наука. Принимаются рукописи только ранее не опубликованных, оригинальных статей. Все поступающие в редакцию материалы проходят проверку на плагиат. Статьи предоставляются на русском или английском языках.
2. В случае несоответствия тематике и требованиям к оформлению материалы не принимаются к рассмотрению, автору направляется соответствующее уведомление.
3. Принятые к рассмотрению материалы проходят двойное слепое рецензирование.
4. Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в Научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
5. Одобренные редакционной коллегией материалы публикуются бесплатно, гонорары авторам не выплачиваются.
6. Пожалуйста, воспользуйтесь **шаблоном** при оформлении статьи, размещенном на сайте <http://madipi.ru>. Статья должна быть направлена в редакцию по электронной почте rusakova_mail@mail.ru.

Требования к авторскому оригиналу

1. Формат файла – документ Microsoft Office Word 97–2019 (DOC или DOCX).
2. Размер страниц (ширина × высота) – 210 × 297 мм (формат А4).
3. Поля страниц со всех сторон – 20 мм.
4. Шрифт – Times New Roman, 14 кегль (в том числе для названия).
5. Абзацный отступ – 1,25 см (должен быть выполнен с помощью соответствующей компьютерной программы, без использования пробелов или табуляции).
6. Выравнивание текста – по ширине страницы, если не указано другое.
7. Межстрочный интервал – одинарный.
8. Статья должна быть написана грамотным языком, стиль изложения – научный.
9. Название и текст статьи оформляется строчными буквами, без добавления переносов слов.
10. Рекомендуемый объем статьи – **30–35 тысяч знаков** без учета пробелов (включая таблицы, библиографию, подрисовочные подписи, сноски).
11. **Внутритекстовые ссылки** приводятся в круглых скобках с указанием фамилии автора, года издания и страницы – используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).
Пример русскоязычной ссылки:

(Иванов, 2014, с. 51).

Пример англоязычной ссылки:

(Smith, 2018, p. 154).

Если в тексте упоминается фамилия автора, то в скобках она не указывается. Пример:

Иванов (2014) утверждает, что «цитируемый текст» (с. 51), что подтверждает наши выводы.

Если автора нет, в скобках указываются несколько слов заглавия. Пример:

(Результаты исследования ..., 2017, с. 65).

Если цитируется несколько работ автора, вышедших в одном и том же году, поместите буквы a, b, c... после года. Пример:

(Nye, 2011a, 2011b).

12. При использовании в тексте кавычек применяют типографский вариант «». В англоязычном тексте и разделе References используется вариант “ ”. Тире обозначается символом «-» (среднее тире); дефис «-».
13. К статье необходимо приложить отдельным файлом **фотографию автора** хорошего качества. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Размер фото – не менее 600 пикселей по наименьшей стороне.
14. В тексте шрифтовые выделения должны выполняться светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки должны быть оформлены полужирным шрифтом.
15. Цифровые данные должны оформляться в таблицы. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Названия таблиц располагаются над таблицами с выравниванием по ширине, без абзацного отступа, на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. Сокращения слов

Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

в таблицах не допускаются, за исключением обозначений единиц величин (измерений) по ГОСТ 8.417-2002.

- Каждая иллюстрация (рисунок, чертеж, график, диаграмма, схема) должна иметь порядковый номер и подрисуючную подпись. Нумерация иллюстраций – сквозная. Подрисуючные подписи располагают под иллюстрациями с выравниванием по центру. Подписи делаются на русском и английском языках, в скобках указывается источник заимствования. Электронный вариант каждой иллюстрации с подрисуючными подписями должен быть также предоставлен в отдельном от статьи файле. Допустимыми являются графические форматы TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Минимальный размер изображения – 600 пикселей по наименьшей стороне.

Компоновка статьи (в порядке следования)

- УДК** – выравнивание по левому краю страницы.
- Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иванов И.И.**).
- Название статьи** – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные. Если при написании статьи автору была оказана финансовая поддержка, это следует упомянуть в сноске.
- Имя, отчество, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Иван Иванович Иванов**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
- Аннотация** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; объем аннотации – 220–250 слов. Желательно, чтобы в аннотации в неструктурированном виде была отражена следующая информация: научная проблема, актуальность, цель, краткое содержание и выводы. В аннотациях к статьям, излагающим результаты эмпирического исследования, дополнительно приводятся сведения о методах, предмете (выборке, географии и т.д.), последовательности выполнения, научной и практической значимости.
- Ключевые слова:** (русскоязычный вариант) – выравнивание по ширине страницы; 5–10 слов; отделяются запятыми.

Англоязычная часть статьи

- Фамилия, инициалы** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivanov, I.I.**).
- Название статьи** на английском языке – выравнивание по центру страницы; шрифт полужирный; только первая буква прописная, остальные строчные.
- Имя, инициал отчества, фамилия** автора – выравнивание по правому краю страницы; шрифт полужирный (пример: **Ivan I. Ivanov**); ниже идут с выравниванием по правому краю страницы:
Место работы (название организации без указания кафедры, отдела и т.п.),
Город, страна,
Адрес электронной почты.
- Abstract** (аннотация на английском языке) – выравнивание по ширине страницы.
- Keywords:** (ключевые слова на английском языке) – выравнивание по ширине страницы; отделяются запятыми.

Основной текст статьи – выравнивание по ширине страницы

- Основной текст статьи должен быть разбит на разделы. Желательно, чтобы в тексте статьи была отражена следующая информация:
Введение – описывается актуальность научной проблемы, степень исследованности в науке, цель статьи, методика и методология исследования, использованные источники.
Результаты исследования – основная часть статьи (полученные результаты и их интерпретация). Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. В этой части желательно подзаголовки.
Заключение – подводятся итоги исследования, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, определяются основные направления дальнейшего исследования.
- Список литературы** (на русском языке) формируется в алфавитном порядке. Сначала идут источники на русском языке, затем – на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу. Должен содержать не менее 10 источников. В списке литературы указываются только научные, рецензируемые источники: научные статьи, книги, монографии, статьи электронных журналов (если они имеют печатную версию,

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

следует указать последнюю), опубликованные в Интернете научные доклады – working paper. Вместо цитирования диссертаций желательно цитировать научные статьи, в которых отражены результаты диссертации. На каждый источник, приведенный в списке литературы, должна быть сделана ссылка в тексте статьи. Если статья имеет DOI, его следует указать. Если упоминаются несколько статей одного автора или авторов, их нужно привести в хронологическом порядке от самой ранней до самой поздней даты.

При оформлении используется стиль APA (<https://apastyle.apa.org>).

References (список литературы на английском языке) формируется в алфавитном порядке. Источники на английском, немецком и других языках, которые используют латиницу, остаются без изменений. В русскоязычных источниках название книги, статьи, электронного источника приводятся в транслитерации, а также в квадратных скобках на английском языке. Название журнала пишется в транслитерации.

14. **Информация об авторе**

Имя, отчество, фамилия, ученая степень, ученое звание, место работы, город, страна, идентификационный номер ORCID, адрес электронной почты – выравнивание по ширине страницы.

15. **Information about the author**

Вышеуказанная информация об авторе на английском языке – выравнивание по ширине страницы.

Примеры оформления списка литературы на русском и английском языках

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Книга, монография (курсивом выделяется название книги)	Шейгал, Е.И. (2004). <i>Семиотика политического дискурса</i> . М.: Гнозис.	Sheigal, E.I. (2004). <i>Semiotika politicheskogo diskursa</i> [Semiotics of political discourse]. Moscow: Gnozis.
	Российская психологическая ассоциация. (2003). <i>Психология политики</i> . Москва: Свобода.	Rossijskaya psixologicheskaya asociaciya. (2003). <i>Psixologiya politiki</i> [The psychology of politics]. Moscow: Svoboda.
	Русакова, О.Ф. (Ред.). (2015). <i>Soft power: теория, ресурсы, дискурс</i> . Екатеринбург: Изд. Дом «Дискурс-Пи».	Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: teoriya, resursy, diskurs</i> [Soft power: theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Статья в периодическом издании (курсивом выделяется название журнала)	Фишман, Л.Г. (2018). Недовоображенное сообщество. <i>Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. от-ния Рос. акад. наук</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358	Fishman, L.G. (2018). Nedovoobrazhennoe soobshchestvo [Under-imagined community]. <i>Nauch. ezhegodnik In-ta filosofii i prava Ural. ot-niya Ros. akad. nauk</i> , 18(1), 43–58. https://doi.org/10.17506/ryipl.2016.18.1.4358
Статья в сборнике научных трудов (курсивом выделяется название сборника)	Грибовод, Е.Г. (2018). Медиатизация политики в рамках теории мобильности. В О.Ф. Русакова (Ред.), <i>Мобильность как измерение мягкой силы: теория, практика, дискурс: Сб. науч. тр. по итогам Первой Всероссийской научно-практической молодежной конференции (17 октября 2018 г., Екатеринбург)</i> (с. 56–68). Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс-Пи».	Gribovod, E.G. (2018). Mediatizaciya politiki v ramkah teorii mobil'nosti [Mediation of Politics in Mobility Theory]. In O.F. Rusakova (Ed.), <i>Mobil'nost' kak izmerenie myagkoj sily: teoriya, praktika, diskurs: Sb. nauch. tr. po itogam Pervoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy molodezhnoj konferencii (17 oktyabrya 2018 g., Ekaterinburg)</i> (pp. 56–68). Ekaterinburg: Izdatel'skij dom "Diskurs-Pi".

Требования к оформлению статей,
представляемых в редакцию научного журнала «Дискурс-Пи»

Тип источника	В списке литературы	В разделе References
Статья в электронном журнале (курсивом выделяется название журнала и номер тома). Если у журнала есть печатная версия, указываются выходные данные печатной статьи	Беженцев, Г.Е. (2021). Теоретические основы стратегического развития территории. <i>Научный электронный журнал Меридиан</i> , 4(57). Взято 7 июня 2021, с http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1	Bezhentsev, G.E. (2021). Teoreticheskie osnovy strategicheskogo razvitija territorii [Theoretical basis of strategic development of the territory]. <i>Nauchnyj jelektronnyj zhurnal Meridian</i> , 4(57). Retrieved June 7, 2021, from http://meridian-journal.ru/site/article?id=5075&pdf=1

Примечания, неопубликованные материалы (архивы, личные материалы), законодательные источники, статистические данные, газеты, художественные книги, ссылки на новости и сайты, ненаучные статьи и иные данные публицистического характера оформляются **в виде подстрочных библиографических ссылок (сносок)**.

Примеры оформления сносок

Художественные книги	Пушкин, А.С. (2018). <i>Руслан и Людмила</i> . М.: Проф-пресс. С. 25. Dreiser, T. (2003). <i>An American tragedy</i> . New York: Literary Classics of the United States.
Законы, акты (курсивом выделяется название закона)	<i>Об общественном контроле в Свердловской области: закон Свердловской области от 19 декабря 2016 года (№ 151-ОЗ) ст. 5 (Россия)</i> . Взято 15 марта 2019, с http://docs.cntd.ru/document/429088309/ <i>Advancing the Treaty Process with Aboriginal Victorians Act 2018</i> (Vic) s. 23 (Austl.). Retrieved January 10, 2019, from http://www.legislation.vic.gov.au/
Статья из сети Интернет (курсивом выделяется название статьи)	Драбинко, А. (2018, 18 октября). <i>И вновь о разрыве общения с Константинополем</i> . Взято 20 сентября 2020, с http://gefter.ru/archive/25328 <i>Oxford Electric Bell</i> (n.d.). Retrieved January 20, 2019, from https://www.atlasobscura.com/places/oxford-electric-bell
Новость (курсивом выделяется заголовок новости)	<i>Рабочая поездка Татьяны Голиковой в Мурманскую область</i> (2019, 12 июля). Взято 20 января 2019, с http://government.ru/news/37355/ <i>Tokyo Olympics: Closing ceremony marks end of behind-closed-doors Games</i> (2021, August 8). Retrieved August 16, 2021, from https://www.bbc.com/sport/olympics/58137574

Более подробные требования к оформлению статей доступны в разделе «Руководство для авторов» на сайте http://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov

General provisions

1. The article should correspond to the subject of the journal: philosophy, political science. Manuscripts of only previously unpublished, original articles are accepted. All submitted materials are checked for plagiarism. Articles are provided in Russian or English.
2. In case of inconsistency with the subject and design requirements, the materials are not accepted for consideration, the corresponding notification is sent to the author.
3. Materials accepted for review undergo double-blind peer review.
4. By submitting the manuscript of the article to the editorial, the author undertakes not to publish the article without the consent of the publisher in whole or in part in any other media prior to the publication in Discourse-P.
5. Materials approved by the editorial board are published free of charge, royalties are not paid to the authors.
6. Please use the **template** when writing an article posted on the site <http://madipi.ru>. The article should be sent to the editorial office by e-mail rusakova_mail@mail.ru.

Requirements for the author's manuscript

1. File format – Microsoft Office Word 97–2019 document (DOC or DOCX).
2. The size of the pages (width × height) is 210 × 297 mm (A4 format).
3. Margins of pages on all sides – 20 mm.
4. Font – Times New Roman, 14 size (including the title).
5. Red line indentation – 1.25 cm (must be set up using the appropriate computer program, without using spaces or tabs).
6. Alignment of the text – the width of the page, unless otherwise specified.
7. Line spacing – single.
8. The article should be written in a competent language, the style of presentation – scientific.
9. The title and text of the article should be written in lowercase letters, without adding hyphenation.
10. The recommended volume of the article is **30–35 thousand characters**, excluding spaces (including tables, bibliography, figure captions, footnotes).
11. **In-text links** should be given in parentheses indicating the author's last name, year of publication and page – the APA Style is used (<https://apastyle.apa.org>).

Example: (Smith, 2018, p. 154).

If the name of the author is mentioned in the text, then it is not indicated in brackets.

Example: Ivanov (2014) claims to be a “quoted text” (p. 51), which confirms our findings.

If there is no author, a few heading words are indicated in brackets.

Example: (Results of a study, 2017, p. 65).

If you cite several works by the author that came out in the same year, put the letters a, b, c ... after the year.

Example: (Nye, 2011a, 2011b).

12. When using quotation marks in the text, the version “ ” (left and right double curved quotes) is applied. A dash is marked with the symbol “–” (middle dash); hyphen “-”.
13. It is necessary to attach a good quality **photo of the author** in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). Photo size – at least 600 pixels on the smallest side.
14. In the text, font selections should be done in light italics. Headings and subheadings should be in bold.
15. Numerical data should be tabulated. Each table should have a serial number and a name. The numbering of tables should be continuous. The names of the tables are located above the tables with justification in width, without indentation, in Russian and English, the source of borrowing is indicated in parentheses. Abbreviations of words in the tables are not allowed, except the units of quantities (measurements) according to GOST 8.417-2002.
16. Each illustration (drawing, drawing, graph, diagram) should have a serial number and figure caption. The numbering of illustrations should be continuous. Figure captions are placed under the illustrations with center alignment. Figure captions are made in Russian and English, the source of borrowing is indicated in brackets. An electronic version of each illustration with figure captions should also be provided in a separate file. Valid formats are TIFF, BMP, PNG, JPG (JPEG). The minimum image size is 600 pixels on the smallest side.

Text layout (in sequence)

1. **UDC** – left alignment.
2. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Smith, J.**).
3. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase. If the author was provided with financial support to write the article, this might be mentioned in a footnote.
4. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **John Smith**); the following is aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
5. **Abstract** – width alignment; annotation volume – 270–300 words. The abstract is desired to contain the following information: the scientific problem, the relevance of research, the purpose of the study; major findings of the analysis or trends detected; and a brief summary of scientific contribution and conclusions. If articles contain the results of an empirical study, it is also necessary to write about the methods, the subject (the surveyed, geography, etc.), the stages of the study, scientific and practical significance.
6. **Keywords:** – width alignment; 5–10 words; comma separated.
Russian part of the article
7. **Surname, initials of the author** – right alignment; bold font (example: **Смит Дж.**).
8. **Article title** – center alignment; bold font; only the first letter is uppercase, the rest are lowercase.
9. **Name, patronymic (if any), surname** of the author – right alignment; bold font (example: **Джон Смит**); the following are aligned to the right of the page:
Place of work,
City, country,
E-mail address.
10. **Аннотация** (Abstract in Russian) – width alignment.
11. **Ключевые слова:** (Keywords in Russian) – width alignment; comma separated.
The main text of the article (in English) – width alignment
12. The main text of the article should be divided into sections. The article should preferably include the following parts:
Introduction – describes the relevance of a scientific problem, literature review, the purpose of the article, the research techniques and methodology, and the sources used.
Results – the main part of the article (the obtained results and their interpretation). It is desirable to compare the results presented in the article with previous works in this field, which were carried out both by the author and other researchers. It is better to use subheadings in this section.
Conclusion – the results of the study are summarized, conclusions, generalizations and recommendations arising from the work are drawn, the main directions of further research are determined.
13. **References** – are formed in alphabetical order. The sources in Russian go first, they are followed by those which are in languages based on the Latin alphabet (English, German, etc.). The section must contain at least 10 sources. The list of references contains only scientific, peer-reviewed sources: scientific articles, books, monographs, articles of electronic journals, working papers. Each listed source should be referenced in the text of the article. If the article has a DOI, it should be indicated. If several articles of the same author or authors are mentioned, they should be listed in chronological order from the earliest to the latest date. The design uses the APA Style (<https://apastyle.apa.org>).
14. **Information about the author**
Name, patronymic, surname of the author, academic degree (if any), post, ORCID (if any), place of work, city, country, e-mail address – width alignment.
15. The same **information about the author** in Russian – width alignment.

Examples of references

Source type	Reference
Book, monograph	Author, A.A. (year). <i>Book title</i> . Location: Publisher. Sheigal, E.I. (2004). <i>The semiotics of political discourse</i> . M.: Gnosis. Bartky, S.L. (1990). <i>Femininity and Domination: Studies in the Phenomenology of Oppression</i> . New York, NY: Routledge.
Book, monograph (organization is indicated as an author)	Name of the organization. (year). <i>Full title of the book</i> . Location: Publisher. Russian Psychological Association. (2003). <i>The psychology of politics</i> . Moscow: Freedom.
Book, monograph (without authors)	<i>Full title of the book</i> (edition). (year). Location: Publisher. <i>Merriam Webster's collegiate dictionary</i> (10th ed.). (1993). Springfield, MA: Merriam-Webster.
Book, monograph (with the indication of the editor)	Editor, A.A., Editor, B.B., & Editor, C.C. (Eds.). (year). <i>Book title: subtitle</i> . Location: Publisher. Rusakova, O.F. (Ed.). (2015). <i>Soft power: theory, resources, discourse</i> . Ekaterinburg: Izd. Dom "Diskurs-Pi".
Article	Author, A.A. (year). Article title. <i>Journal Title, volume</i> (issue number), page(s). doi Pan, S.Y. (2011). Education abroad, human capital development, and national competitiveness: China's brain gain strategies. <i>Frontiers of Education in China</i> , 6(1), 106–138. https://doi.org/10.1007/s11516-011-0124-4
Working paper	Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Location: Publisher. Author, A.A. (year). <i>Title of work</i> (Working Paper No. 123). Retrieved September 30, 2019, from URL Hirono, M. (2018). <i>Exploring the links between Chinese foreign policy and humanitarian action</i> (HPG Working Paper). Retrieved June 19, 2021, from https://cdn.odi.org/media/documents/12015.pdf

Legislative sources, statistical data, fiction books, links to news and sites, journalistic articles are drawn up in the form of page footnotes.

More detailed requirements for the design of articles are available in the "Author Guide" section of the website (Eng tab) http://madipi.ru/pages/show/pravila_dlya_avtorov